

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

10

Время перемен

**Узкое, 28-30 июля 2003 г.
Москва, 22-24 декабря 2003 г.
Москва, 31 марта 2004 г.**

Ирвайн
2005

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

A Time of Change

Conference Proceedings:

Uzkoe, July 28-30, 2003
Moscow, December 22-24, 2003
Moscow, March 31, 2004

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by financial support from
The William and Flora Hewlett Foundation
and International Alert

Copyright © 2005 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(1-949) 824-1227, fax: (1-949) 824-1544
web-site: hypatia.ss.uci.edu/istudies

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	5
Предисловие	6
Узкое, 28-30 июля 2003 г.	7
Москва, 22-24 декабря 2003 г.	82
Москва, 31 марта 2004 г.	169
Кэтрин Барнс. International Alert – Программа по Евразии. «Построение доверия между грузинским и абхазским обществами с участием Кавказского форума НПО» (январь 2001-март 2004)	211

All ten Russian publications and some English abstracts are available on the Internet at <http://hypatia.ss.uci.edu/istudies/peace/progs/projpubs.htm>.

The editors and project coordinators may be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu, CHPAbkhazia@yahoo.com and paatazak@access.sanet.ge.

Полный текст всех десяти выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти на Интернетe на сайте <http://hypatia.ss.uci.edu/istudies/peace/progs/projpubs.htm>.

С редакторами и координаторами проекта можно связаться по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu, CHPAbkhazia@yahoo.com и paatazak@access.sanet.ge.

FOREWORD

We present the 10th volume in the dialogue series *Aspects of the Abkhaz-Georgian Conflict*. The series was launched in 1997 under the auspices of the University of California, Irvine with funding from the William and Flora Hewlett Foundation. The publication reflects the depth and diversity of relations between the two communities.

This volume includes transcripts of three discussions held in Moscow—July 28-30, December 22-24, 2003 and March 31-April 2, 2004. This was the first time the discussions were entirely devoted to political developments in post-revolutionary Georgia and the pre-presidential election in Abkhazia, rather than bilateral relations.

Additional funding for this publication comes from International Alert (Britain) which has a long-term Abkhaz-Georgian confidence building program supported by the British government and the European Commission. International Alert is using this opportunity to acquaint readers interested in the Abkhaz-Georgian conflict with the results of an evaluation of its program, which has evolved simultaneously with the UC Irvine project. The evaluation was conducted by an independent consultant, Catherine Barnes on behalf of the British Government, and was completed in April 2004.

Although the discussions and evaluation took place nearly two years ago, we believe readers will find many new and interesting ideas.

Arda Inal-Ipa

Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili

Center for Development and Cooperation

Paula Garb

University of California, Irvine

Citizen Peacebuilding Program and International Studies

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вам десятый сборник серии диалога между представителями грузинской и абхазской общественности, который продолжается с 1997 года в рамках проекта, осуществляемого под эгидой Калифорнийского университета (г. Ирвайн). Проект финансируется Фондом Уильяма и Флоры Хьюлитг. Данная публикация достоверно отражает нынешнее состояние и многообразие отношений между двумя сообществами.

Данный выпуск составлен по записям трех дискуссий, проходивших в Москве соответственно с 28 по 30 июля и с 22 по 24 декабря 2003 года и с 31 марта по 2 апреля 2004 года. Как читатели сами могут убедиться, основным предметом обсуждения всех дискуссий впервые за время существования проекта, были не двусторонние отношения, а внутривосточная ситуация как в пред- и постреволюционной Грузии, так и в предвыборной Абхазии.

Сборник выпущен в свет при частичной финансовой поддержке британской организации International Alert (IA), которая выполняет долговременную программу по построению доверия между грузинами и абхазами при финансовой поддержке Правительства Великобритании и Европейской Комиссии. IA воспользовалась возможностью включить в данный сборник мониторинговое исследование, проведенное в рамках упомянутой выше программы, считая, что этот материал привлечет внимание тех, кто занимается миротворчеством в грузино-абхазском контексте. Проект IA развивался параллельно проекту Калифорнийского университета (Ирвайн), и читателю, быть может, будет интересно сравнить некоторые результаты работы обоих проектов.

Данное исследование, проведенное независимым экспертом Кетрин Барнс по заказу Правительства Великобритании, было завершено в апреле 2004 г. Исследование публикуется с незначительными сокращениями.

Несмотря на то, что с момента проведения дискуссий и исследования прошло около двух лет, актуальность поднимаемых в них вопросов не пропала, надеемся, что в предлагаемых материалах читатель найдет много нового и интересного.

Арда Инал-Ипа,
Центр Гуманитарных Программ

Паата Закареишвили,
Центр Развития и Сотрудничества

Пола Гарб,
Центр исследований миротворчества и конфликтологии,
Калифорнийский Университет, Ирвайн

УЗКОЕ, 28-30 ИЮЛЯ 2003 Г.

Арда Инал-Ипа – Очень многое в мире изменилось за прошедший год. Были и войны, и мощные общественные движения. Было бы интересно обсудить, как мы видим с двух сторон нашего конфликта, с двух точек зрения – изменилась ли перспектива урегулирования грузино-абхазского конфликта в связи с тем, что поменялись некоторые геополитические реалии? Появились ли новые возможности, новые факторы, которые можно использовать в целях урегулирования? Или наоборот, ситуация еще больше осложняется или замораживается? Первый вопрос, который нас интересует, это новые перспективы на фоне изменившихся геополитических реалий вокруг конфликта.

Но мы, как всегда, обязательно уделим время для оценки внутривосточной ситуации. Здесь тоже многое осложнилось и в Грузии, и в Абхазии. В Грузии – предвыборная ситуация, в Абхазии – очень оживленная внутривосточная борьба. Изменились реалии не только во внешнем мире, но и внутри контекстов. Второй вопрос, выносимый на обсуждение – это отношение сторон к сохранению «статус кво». Создается впечатление, что обе стороны не очень стараются продвигать процесс урегулирования. И нам интересно было бы проанализировать и подумать над тем, а может быть, каждая сторона видит какие-то преимущества в том, чтобы конфликт оставался в таком же состоянии. И как мы видим эту ситуацию с двух сторон?

Для начала я предлагаю всем коротко представиться и в нескольких словах сказать, почему все-таки, несмотря на то, что происходит в мире, мы, тем не менее, собираемся? За прошедший год произошло очень много тревожных событий. Мы видим, что даже мощные гражданские движения не в состоянии противодействовать решению политиков. Но если мы, несмотря на это, вновь собрались, значит, каждый из нас все-таки видит смысл в этой деятельности и в целом позитивно оценивает прошедшие годы. Пожалуйста, в нескольких словах скажите о том, почему мы все-таки хотим продолжать этот процесс двустороннего гражданского диалога?

Нодар Сарджвеладзе – Очень интересный вопрос о том, почему, несмотря на все эти события, мы здесь. Действительно, меня в последнее время не покидает ощущение, что, чем дальше разворачиваются события, тем меньше от нас что-то зависит. Потому что мир становится более глобализированным. Крупные державы или крупные политики решают за весь мир. И от нас очень мало что зависит, у меня такое ощущение. Хотя глобализация может мыслиться и в другом плане – как возможность участия всех граждан в политических процессах. Но получилось так, если иметь в виду иракскую войну, что, как бы ты ни участвовал – от тебя мало что зависит. Возникла какая-то двойственная ситуация. С одной стороны – ощущение того, что из-за крупных держав и политиков фактически не остается шансов участвовать или влиять на политические процессы не только нам, но и более крупным игрокам. А с другой стороны – есть всемирное движение. По Интернету многие люди подписывали антивоенные заявления, и мы тоже подписывали. С одной стороны, есть призыв к участию, а с другой стороны, реальность такова, что за тебя все решается – в этой ситуации, действительно, очень трудно понять: в чем резон, почему я участвую в этом процессе? Иракский вопрос нам показал, что судьбы многих государств решаются не самими этими государствами, это касается и Грузии в целом, и Абхазии тоже. Потому что, чем дальше, тем больше у меня складывается ощущение, что судьба Грузии решается не своими ресурсами. В связи с нашим конфликтом я чувствую, что чем дальше, тем больше возрастает момент неопределенности. И сейчас я хуже понимаю, как продолжать и чем помочь этому процессу, нежели в самом начале.

Заза Шатиришвили – Я – литературовед, философ. В данное время я приглашенный научный сотрудник в Калифорнийском университете (Беркли). Два года тому назад я написал вместе с Эмзаром Джгереная статью о проблемах идентичности в грузино-абхазском конфликте, которая была опубликована в седьмом сборнике.

Меня вообще интересуют проблемы культурной идентичности. Очень интересен период XVII-XVIII веков, когда происходило интенсивное расхождение с одной стороны внутри Кавказа, а с другой стороны, между европейским миром и миром восточным. Для меня

очень важно и очень интересно, как в XVII-XVIII веках были заложены основы тех национальных мифологий или идеологий, которые потом всплыли уже в конце XIX – начале XX веков.

Что касается Грузии и грузинской культуры. Я интересовался генезисом того, что вслед за Андреем Дмитриевичем Сахаровым называю малоимперской идеологией. Я раньше считал, что отсчет этой идеологии начинается в XIX веке, что эта идеология связана с грузинским романтизмом, рессентиментами по отношению к Кавказу и т.п., но сейчас я думаю, что эта идеология зарождается гораздо раньше, наверное, где-то в XVII-XVIII веках. И хотя мои взгляды не очень-то соответствуют современному подходу, я все же думаю, что исторический контекст имеет очень важное значение. Генезис всей этой проблемы – очень важный вопрос. Иногда редукция этого момента играет очень плохую шутку с нами, потому что мы сконцентрированы на современном вопросе и от нас ускользают очень важные моменты из истории.

В нашей статье мы пытались показать, что на самом деле существуют не две интерпретации одной и той же истории Абхазии, а абсолютно разные истории. На самом деле историческая картина – то, что видят грузины – это одно, а то, что видят абхазы – это совершенно другое. Эти картины не соприкасаются. И с этой точки зрения для меня было очень интересно принять участие во встрече с абхазами, потому что последний раз я был в Абхазии семнадцать лет тому назад.

Гурам Одишария – Мы все похожи на заложников глобальной большой политики. Но, может быть, на самом деле это не совсем так, может быть, мы что-то преувеличиваем. Чем больше проходит войн, чем больше каких-то точечных ударов проводит супердержава, начинаешь думать, что и этот грузинско-абхазский конфликт, наверное, решится, и Америка с Россией договорятся, и т.д., и т.п.

Общество, я имею в виду грузинское общество, стало немного больным в том смысле, что препятствует встречам нормальных людей, а встречи лидеров воспринимаются нормально, и встречи криминалов на Ингурском мосту – и не только встречи, но и осуществление совместных «проектов» – тоже воспринимаются нормально.

А когда встречаются нормальные люди – то этому препятствует и общество, и политики. И мне это кажется ненормальным. Поэтому я все свои усилия хочу направить в это русло – чтобы люди побольше встречались, и чтобы этот ужас, который мы все перенесли, больше не повторился. Мы не такие уж и маленькие, у нас есть огромные резервы и мы кое-что можем. Где-то пройдет какая-то труба, какие-то политики с кем-то встречаются, где-то взлетает Б-52, а нас что – нет, что ли?

Так что на таких встречах моя цель всегда – принести хотя бы один кирпич и поставить его там, где надо.

Абесалом Лепся – Справедливо было сказано, что есть глобальные системы отношений, крупные мировые государства и т.д. Но смысл таких проектов, как наш, заключается в том, чтобы попытаться самостоятельно продумывать какие-то вопросы и находить ответы на эти вопросы и предлагать какие-то решения. В этом смысле мне кажется, что наш проект вполне соответствует этой задаче. В статьях, которые мы пишем, речь идет не только об урегулировании конфликта, эти сборники способствуют распространению новых свежих идей. Смысл такого рода проектов я вижу в том, чтобы помочь нашим сообществам самим искать, нащупывать какие-то решения и самим находить способы урегулирования этого конфликта.

Георгий Анчабадзе – касаясь общей ситуации и значения таких миротворческих проектов на уровне гражданской инициативы, я хочу еще раз подчеркнуть, что придаю им очень большое значение. Политический процесс, как мы видим, стоит в тупике. И в этом отношении грузино-абхазский конфликт не является исключением. Фактически все конфликты подобного рода, которые дошли до военной фазы, очень много лет не выходят из тупикового состояния, политического решения этих конфликтов не находят в течение многих лет.

Практически уже больше десятка лет подобные конфликты во всем мире еще далеки от решения. Процесс на гражданском, неправительственном уровне идет вперед. Можно сказать, что фактически в грузинско-абхазском конфликте развивается именно гражданский диалог. Конечно, несмотря на большую активность, несмотря

на какие-то успехи гражданского миротворчества, оно не может привести к существенным политическим результатам. Но я уверен, что именно в этом движении закладывается тот фундамент, на котором когда-нибудь впоследствии будет найдено политическое решение. И это решение рано или поздно будет найдено именно благодаря активности гражданских миротворителей, и мир будет приближен.

Батал Кобахия – Наш разговор мы начали с пессимистического утверждения о том, что силы гражданского общества мало влияют на политические процессы. Я думаю, что это не совсем так, потому что в какой-то степени не только представители гражданского общества, но и политические силы находятся в некотором состоянии стагнации. Политические элиты искали пути выхода из конфликта, но не нашли их. И представители гражданского общества тоже искали. Процесс, в котором мы участвуем позволяет накопить полезный опыт, который в дальнейшем может оказаться большим ресурсом. Мы сейчас находимся в состоянии готовности к прыжку: опыт есть и теперь нужны какие-то действия для практической реализации нашего опыта. Когда я вспоминаю многотысячные антивоенные митинги в Великобритании, несмотря на поддержку официальными политиками действий американцев, я понимаю, что гражданское общество таким образом выразило свою оценку политикам и это важно. Эта оценка не сразу, но со временем обязательно даст результат.

Я думаю, что мы косвенно все-таки влияем на политический процесс. Не так уж бесследно проходит наша деятельность, но мы – люди, которые занимаются миротворчеством – действительно хотим более активного влияния на политические процессы.

Алхас Тхагушев – Я представляю общественную организацию инвалидов из Сухума. Процесс диалога помогает по-новому посмотреть на конфликт. И я более глубоко, более осознанно смог посмотреть на известные, как мне казалось, вещи, на то, что я знал и вынес из этой войны, из этого конфликта. И потом я попытался донести эту точку зрения до других людей в Абхазии. Это то, о чем говорил Гуррам – маленькие кирпичики, которые ложатся в фундамент урегулирования, которое, наверное, произойдет не так скоро. Но мне кажется

ся, что это очень важно и я не испытываю большого пессимизма в контексте последних событий – иракской войны и всего прочего. Мне кажется, что влияние есть, оно действительно чувствуется, но не всегда его можно проследить, потому что это влияние работает на долгосрочную перспективу.

Милор Чалмаз – Я из Ассоциации инвасодействия. На такого рода встрече я в первый раз. Как влияют такие встречи? Я знаю точно, что вода точит камень. И надеюсь, что со временем что-нибудь в мире изменится к лучшему.

Эмиль Адельханов – Я из Кавказского института. Арда задала такой вопрос: почему, несмотря на то, что процесс урегулирования находится в тупике, а глобальная обстановка посволочнела, мы по-прежнему продолжаем встречаться и искать пути разрешения конфликта? То есть, почему вы в свободное время от участия в других конфликтах, занимаетесь здесь, так сказать, разрешением конфликтов? *(Смех в зале.)*

Я считаю, что именно потому, что обстановка посволочнела, а процесс находится в тупике, нужно удвоить усилия и встречаться почаще.

Инал Хашиг – Я журналист и в первый раз на подобной встрече, но я достаточно хорошо знаком с кругом обсуждаемых проблем, читал все сборники. Со многими вещами, прозвучавшими здесь, я согласен и не согласен. Да, узок круг людей, которые принимают обсуждение в этих делах, но, наверное, в этом есть и свои плюсы, потому что не надо при каждой встрече начинать с изучения азбуки. Здесь идет продолжение диалога и изучение существующих и возникающих проблем. Гражданское общество за последние годы окрепло, больше участвует в политическом процессе. С другой стороны, политику формируют облеченные властью официальные лица. Мне представляется, что было бы полезно вести работу в области сочетания или дополнения официальной политики гражданскими инициативами.

Галия Калимова – Мне кажется, что самый большой и положительный аспект этого проекта – его многоплановость. Очень важен и издательский аспект.

Помимо основного ядра, во всех этих встречах принимало участие очень много интересных личностей, которые, безусловно, наложили отпечаток на этот проект. И уйдя из этого проекта, я думаю, они все-таки продолжают быть в какой-то степени его пропагандистами.

Официальная информация и электронная почта и какие-то другие информационные средства не могут заменить непосредственных межличностных контактов во время таких встреч, не могут заменить обсуждений и дискуссий. Мне кажется, что это – самая большая ценность. Информация, которую мы получаем на встречах и через сборники, заполняет вот ту «лакуну», которую создают масс-медиа.

Ира Агрба – Мне так кажется, что самый глобальный недостаток человечества – отсутствие осознания ценности человеческой жизни. Во все времена, видимо, в разных регионах были отдельные группы людей, которые пытались как-то скомпенсировать этот недостаток. Я думаю, что эти люди если не называли, то могли бы назвать себя «народными дипломатами». Уже с этой точки зрения не заниматься этим процессом, этими вопросами, конечно, невозможно.

Что касается контекста нашей ситуации, нашего конфликта, есть такой афоризм: «Когда нет выхода, ищут вход». У меня такое ощущение, что войти в нашу ситуацию еще раз с поднятым мечом – это было бы не просто глупо, это было бы сверх- преступлением. Видимо, вот эта ситуация, при которой не исключается силовой вариант, способствовала возникновению деятельности на уровне народной дипломатии, цель которой предотвратить подобное развитие событий.

Мы сейчас изучаем общественное мнение относительно миротворческих проектов. Исследование еще не завершено, но один вывод, который меня поразил, можно уже сделать. Раньше я очень часто сталкивалась с неприятием того, что происходит в подобных проектах, особенно с неприятием двухсторонних встреч, а когда я начала более углубленно изучать понимание людьми этого вопроса, я увидела совершенно другое. И могу сказать, что заметила, что в от-

ношениях не только представителей властных структур, но и различных слоев общественности происходит перелом. Сегодня люди уже не могут не считаться с накопленным опытом, и многие очень интересуются процессом диалога и достаточно хорошо информированы по этому вопросу.

Нателла Акаба – Когда Заза сказал, что есть две истории, то он был абсолютно прав. Изучение восприятия истории – это неисчерпаемый источник для исследовательских работ в разных сферах, включая этнопсихологию и т.п.

Я уверена в том, что мы должны сделать все, чтобы наши общества изменились, потому что мы понимаем, что состояние, в котором они сегодня находятся – это страшно, это болезнь. Для того, чтобы они изменялись в направлении, которое соответствует ценностям мира, стабильности и безопасности, наверное, нам нужны эти встречи. Если мы не будем вести диалог, то тогда восторжествуют те, кто проповедует национальную нетерпимость, кто, с одной стороны, готов действовать только с позиции силы, или, с другой стороны, собирается строить на Ингуре китайскую или грузинско-абхазскую стену, чтобы не было никакого взаимодействия. Это ксенофобия, и это всегда страшно. Мне кажется, что одна из функций этого проекта – в том, чтобы изменить свои общества.

Лично у меня никого пессимизма нет. То, что наворочено в течение веков (я имею в виду грузинско-абхазские взаимоотношения), не может быть решено за десять лет. Должен быть процесс. Главное, чтобы он шел в нужном направлении, то есть в направлении мира и взаимопонимания.

Пола Гарб – Я часто слышу, что диалог ради диалога неэффективен. Но на самом деле в этом диалоге есть смысл. Это толчок, и не только для самоусовершенствования.

Когда мы начнем говорить о глобальных проблемах, мне будет очень интересно услышать от вас ваше видение. Сейчас моя страна проводит очень ярко выраженную политику «жандарма мира» и использует свою силу самым грубым образом. Американцы очень сильны и без оружия, но мы применяем оружие, как слабое общество. Я

начала пересматривать и ваши действия в этом ракурсе и стала гораздо больше интересоваться нашим американским антивоенным движением. То, что сказал Батал, действительно, очень важный момент – то, что мы пока имеем возможность открыто выступать против военных действий нашего режима. Но тенденция идет в очень плохом направлении. Существующий американский режим вызывает тревогу.

Когда я начала этот проект и объясняла свою мотивацию, я говорила об антивоенном движении и о моем участии в нем во время вьетнамской войны. И сейчас, занимаясь уже этим конфликтом, иной раз я даже думаю, что может быть, мне больше надо было бы заниматься американским антивоенным движением. В этом году у нас в университете мы решили собрать руководителей американского антивоенного движения. Настолько все изменилось, что мы начали понимать, что у нас тоже есть конфликтные зоны. Так что мы смотрим на нашу работу шире, чем только как на конфликт в Закавказье...

Паата Закареишвили – ...Для меня очень важно и интересно, кому выгодно то, что сейчас происходит, кому выгодно статус-кво. И не только сейчас, но и все эти годы после окончания боевых действий, после заключения мирных договоров и документов, подписанных в 1994 году, и после всего этого – полная стагнация. Кто от этого и что получает? Что получает абхазская сторона? Что получает грузинская? Или вот те международные события, которые сейчас разворачиваются вокруг нас, вокруг Кавказа, которые не могут на нас не влиять, потому что Грузия так или иначе непосредственно, по-моему, по своей глупости, включилась в ту ситуацию, куда ее никто не приглашал. И на этом фоне разворачиваются очень интересные события. Этот неестественный шаг и неестественные поступки Грузии привлекают к себе естественный интерес. Например, Запад может влиять и на грузинско-абхазский конфликт. Явно появились опасения со стороны Абхазии по отношению НАТО и других европейских структур и т.д.

Сама по себе интересна и другая тема – насколько поддержка Грузии Западом может быть опасной для Абхазии?

Здесь был задан очень интересный вопрос. Мы – политики или не политики? Мы, может быть, политикой непосредственно не зани-

маемся, но как-то должны влиять. Или: очень часто на нас вешают «клеймо», что мы движем вперед мирный процесс. А на самом деле – идет ли мирный процесс? Неплохо было бы обсудить – что такое мирный процесс и идет ли в грузино-абхазском конфликте мирный процесс? Я считаю, что он еще и не начинался. Вот это те темы, которые мы можем обсудить.

Арда Инал-Ипа – Я хотела бы ответить на вопрос – почему мы считаем, что значение таких встреч и такого процесса не уменьшается из-за того, что происходит в мире. Мой вопрос был несколько пессимистически поставлен, наверное, это неправильно, потому что наш пессимизм очень выгоден политикам. Они подчеркивают, что, несмотря на то, что существуют гражданские миротворческие движения, есть протесты, тем не менее, мы делаем свое дело. Возвращаясь к тому, что говорил Батал – с одной стороны, конечно, хорошо, что люди протестуют спокойно и знают, что участие в антивоенном движении не отразится на их карьере, на их судьбе, но с другой стороны, это никак не влияет и ни на что другое. Мы немножко забываем о другой стороне. Мы видим, как говорил Нодар, что с одной стороны, действительно было много писем, по Интернету передавали заявления, собирали подписи, были миллионные митинги, но с другой стороны, было молчаливое большинство, которое воспринимало и поддерживало агрессивную политику. Да, гражданский протест был большим, но все-таки недостаточным. И поэтому если мы будем продолжать работать, мы должны помнить, что есть такое молчаливое большинство, которое поддерживает агрессивные формы политических решений. Эта задача остается, может быть, нужно поставить по-другому вопрос – да, протест есть, но он недостаточно сильный и поэтому нужно продолжать воздействовать на тех людей, которые еще не верят в то, что их голос может что-то решить. Очень многие молчаливо поддерживают агрессивную политику не в силу того, что они против мирного решения конфликтов, а потому что они не верят в то, что их голос может что-то решить.

А сейчас мы продолжим знакомство и можем задать друг другу вопросы, потому что они у нас возникали по ходу представления участников.

Заза Шатиришвили – У меня есть еще одна работа, которая была опубликована в англоязычном грузинско-американском журнале «Кавказский контекст». В этой статье я пытаюсь как-то осмыслить кавказский топос, кавказскую тему в имперских дискурсах, как в русской литературе, в русской культуре осмысливается или разворачивается кавказская тематика. Как русские смотрели на это в XIX веке, как грузинская сторона пыталась в каком-то смысле компенсировать свою утрату независимости. Как часть грузинского общества, особенно, так называемое, интеллектуальное дворянство пыталось идентифицировать себя с Россией. В Калифорнийском университете, в Беркли, я и мой соавтор, коллега, Харшарам написали другую работу о кавказском топосе. Здесь мы ввели концепт «колонизируемого колонизатора», это некий комплекс колонизируемого колонизатора. Мы попытались с помощью этого концепта осмыслить роль и участие грузинского элемента в кавказских войнах. И мы пришли к такому мнению, что не просто на уровне театра военных действий, а на уровне текстуальном, идеологическом, особенно в грузинской романтической поэзии, грузинская сторона или часть грузинской общественности, пытаюсь осмыслить кавказскую ситуацию, кавказские войны, в каком-то смысле идентифицирует себя с завоевателями. Это мы называем комплексом завоеванного завоевателя. И в этом ключе прочитываем стихи Николоза Бараташвили и Александра Чавчавадзе. Я думаю, что это очень важный момент, в свое время Андрей Дмитриевич Сахаров выдвинул концепт «малой империи», я думаю, что это очень интересный концепт. Я думаю, что можно углубить этот концепт и сказать, что на самом деле корни этой малоимперской идеологии уже ощутимы в XIX веке, но на самом деле, я сейчас пришел к такому мнению, это начинается гораздо раньше. И я думаю, что хорошо, что мы рассматриваем все эти вопросы с точки зрения современной методологии. Почему происходят такие вещи, которые происходят сейчас? Потому что западный либеральный дискурс, особенно американский, вошел в страшный кризис из-за того, что американский политический дискурс все время редуцировал историю и говорил, что нужно говорить о конкретных вещах сейчас. Как поступали в архитектуре американцы? Через десять лет все это стирается, культурная память, потом все заново начинается и как бы

все, что было, исчезает. Но нечто исчезнувшее мстит в каком-то смысле. Американцы сейчас думают, что эта имперская идеология появилась сейчас. А на самом деле она уже была в XVII – XVIII веках. Об этом очень интересно пишут некоторые американские ученые, особенно я бы выделил Эдуарда Саида, который является культовой фигурой начиная с 70-х годов, когда он написал известную книгу «Ориентализм». Там он показал, что американский империалистический дискурс после второй мировой войны был уже очень развитым и очень сильным. В книге, которая вышла в 1993 году, «Империя и культура», Эдуард Саид прямо сказал, что этот американский дискурс – это продолжение французской и британской империалистических идеологий. И в принципе то, что сейчас на уровне политологии некоторые политологи и многие интеллектуалы воспринимают как нечто, упавшее с неба, на самом деле присутствовало в 60-70-х годах. В США существует антивоенное движение. Но даже в Калифорнии сторонники этого движения составляют абсолютное меньшинство, потому что 65 или даже больше процентов калифорнийцев поддерживают нынешнюю политику Буша. Я думаю, что это не просто современная нынешняя политика. Я думаю, что на самом деле все это продолжение очень важных движений, которые возникли в 60-е и 70-е годы, а потом уже в 80-е годы. И в принципе то, что мы получили, это не потому, что что-то случилось 11 сентября. На самом деле все это уже было. Просто 11 сентября – это какое-то событие внутри серийных событий. Или какая-то точка катализации. И очень интересно, когда мы говорим об образе врага. Это очень интересно, потому что у Советского Союза был очень интересно локализован образ врага. Это был капиталистический мир. А американцы придумали нечто очень интересное. С одной стороны, враг существует, но это невидимый враг. Его можно локализовать где угодно, когда угодно. Вчера, допустим, это был Афганистан, тогда никто не был против, только один конгрессмен (из Калифорнии, кстати). А потом, когда случился Ирак, тогда уже были более интересные выступления. Допустим, было очень интересное выступление Эдварда Кеннеди, который прояснил, что происходит. Это была абсолютно осмысленная речь. Завтра это будет Иран, а послезавтра, может быть, даже Германия, если, допустим, там не все будет развиваться так, «как надо». В

мире огромное количество конфликтов. И когда я смотрю на грузинско-абхазский конфликт... вы помните, в Советском Союзе был лозунг: «Советский больной – самый здоровый больной». Я думаю, что это самый хороший конфликт в каком-то смысле, потому что другие конфликты – страшные. Я прочел многие статьи, многие грузинско-абхазские ирвайнские сборники, и думаю, что все, что вы делаете (в каком-то смысле я тоже к этому причастен) очень важно на интеллектуальном уровне. Я думаю, что это на самом деле не народная дипломатия, а интеллектуальные встречи. И мы развиваем в наших обществах способы интеллектуальной речи, я бы сказал. Я буквально пять минут тому назад говорил, что если бы я десять лет тому назад сказал об абхазской независимости, в Грузии все пришли бы в ужас. И это мягко выражаясь. А сейчас я это говорю, и никто не бросается.

Нателла Акаба – А что будет еще через десять лет?

Заза Шатиришвили – А через десять лет, я думаю, будет реальная независимость.

Важно не просто то, что такие встречи происходят, а то, что есть сборники, их читают, и читают самые неожиданные люди. И что самое главное, очень разные мнения высказываются, их слушают и не воспринимают в штыки, вот это самое главное для меня.

Нателла Акаба – Выступая в Центре стратегического анализа, я говорила о кавказских ценностях. Один молодой человек очень негативно это воспринял и сказал: «А что это вообще такое?». Там не было возможности на эту тему дискутировать, хотя тут есть, о чем говорить. Меня интересует – какое сегодня восприятие кавказских ценностей в Грузии? Я понимаю, конечно, европейскую ориентацию, но на взгляд абхазских интеллектуалов, кавказские ценности и европейские не противоречат друг другу. Насколько в Грузии существует понимание того, что не обязательно, чтобы эти ценности или ориентации были противоречивыми?

Георгий Анчабадзе – Грузия с одной стороны выступала одним из центров, где эта кавказская идеология зарождалась. Причем, это не

только на традиционном уровне, но и на уровне академическом, когда Иван Джавахишвили и другие писали об этом. Они в своих трудах всегда исподволь или открыто подводили к этим ценностям, к какому-то общекавказскому началу. Но с другой стороны, в Грузии были и другие тенденции. По крайней мере, в начале XIX века Грузия смотрела как-то поверх Кавказа на Россию, а затем стала смотреть на Запад. И эти две тенденции с тех пор в Грузии развивались одновременно. Среди интеллектуальной части грузинской молодежи было большое уважение к Кавказу, к кавказским ценностям. И я хорошо помню этот период. Но потом постепенно с конца 80-х – начала 90-х годов произошли изменения. В частности, большей частью это было связано с Абхазией. Потому что во время грузинско-абхазского конфликта, который начал активно развиваться после 1989 года, когда он из латентной фазы перешел в открытую, абхазы сразу нашли союзников среди кавказских народов, и грузины поэтому стали как бы дистанцироваться от Кавказа. Когда я говорю «грузины», я, естественно, не имею в виду народ в широком понимании, а ту часть, которая формировала какую-то политику. И у грузинской стороны стало больше развиваться представление о том, что какие-то некавказские силы нам ближе – прежде всего Запад, одно время даже Израиль был популярен (теперь это уже ушло). Еще перед грузинско-абхазской войной, когда в Чечне начались первые события – приход к власти Дудаева и т.д. – я наблюдал за реакцией грузинской общестственности. Можно сказать, что реакция делилась пятьдесят на пятьдесят. Половина были сторонниками Чечни, болели за них, но другая часть, что вызвало мое недоумение, высказывалась как-то античеченски. Но потом после 1992 года число сторонников Чечни и в то же время число сторонников какой-то кавказской идеи в Грузии резко уменьшилось. Этому в немалой степени способствовала и официальная пропаганда. Как таковой прямой пропаганды не было. Но все-таки Звиад Гамсахурдиа был в Чечне, а на войне в Абхазии участвовали чеченцы и другие горцы, поэтому внушалось, что Северный Кавказ – наш враг. Под кавказством ведь обычно подразумеваются Северный Кавказ, потому что по культуре, если мы будем говорить о кавказской культуре, это народы Северного Кавказа, а из Южного Кавказа только грузины и абхазы. Армяне и азербайджан-

цы как-то по культуре все-таки больше тяготеют к Передней Азии. И поэтому произошло такое противостояние в массовом сознании относительно Кавказа. Но сейчас я думаю, как я замечаю, все-таки постепенно идет выпрямление ситуации, но в очень небольшой степени. Вот в целом то, что можно сказать.

Абесалом Лепсая – Мне кажется, что это все-таки очень большой вопрос. Есть ли кавказские ценности в том смысле, в каком мы понимаем европейские ценности? Есть ли какие-то специфические кавказские традиции? Есть история народов, которые проживают на Кавказе. Есть политика, которую проводят кавказские государства. Но существуют ли кавказские ценности в том смысле, в каком обычно понимаются европейские ценности? Это тема отдельного разговора. Но стоит над этим подумать. Потому что, когда задают вопрос о противостоянии или совмещении, подразумевается, что кавказские ценности существуют. Но еще никто не объяснил и четко не сформулировал и не исследовал, а что же это такое? Что такое европейские ценности, в принципе, даже несведущий человек знает, потому что есть определенный стиль жизни, определенное исповедание, вера не в религиозном смысле. А вот что такое кавказские ценности в том смысле, как мы понимаем европейские ценности – это большой вопрос. Существуют ли они вообще? Допустим, мы – кавказцы – говорим об европейских ценностях, а я не слышал, чтобы другие, например, европейцы, говорили о кавказских ценностях. Это тоже показатель. То есть, ценность должна существовать не только для ее носителя, но и для другого тоже. Это не значит, что этот другой должен принять эту ценность. Он может ее не принимать, но он признает ее существование, в каком мы можем принимать или не принимать европейские ценности, но мы прекрасно знаем, что они существуют.

У меня вопрос к Зазе. Он очень интересно рассуждал об империи. Пытался ли он продумать: а что такое, собственно говоря, империя (малая, большая, не имеет значения)? Мне кажется, что в обиходе часто путают стремление к завоеванию или к покорению с имперскими традициями. Можно так подходить или нет? Одно ли и то же – желание экспансии, подавления и имперское начало? Может быть, это не совсем совпадает. Потому что если взять те же Соеди-

ненные Штаты и сравнивать их с Великобританией, то мы знаем, что Великобритания была гигантской колониальной империей. А Соединенные Штаты – это совсем другой тип государства. Несмотря на то, что они сегодня проводят силовую политику, это не завоевательная политика в том смысле, в каком это понималось в прежние времена. Есть здесь разница? Можно ли их отождествлять? Что такое «имперское»? Что такое империя?

Нодар Сарджвеладзе – Вопрос о ценностях, действительно, очень важный вопрос. Но, наверное, надо размежевать между собой два момента. Во-первых, ценности, а во-вторых, ценностные ориентации. Ценности существуют, но на что ориентированы люди на Кавказе, в Европе? Я придерживаюсь основных принципов кросскультурных исследований. Основной принцип заключается в том, что легче уловить различие в культурах, нежели сходство. Допустим, если говорить о тех же европейских ценностных ориентациях, там тоже очень большая дифференцированность между разными сословиями людей и т.д. Поэтому я считаю, что очень трудно говорить об общекавказских ценностях или ценностных ориентациях. И нам, наверное, очень важно не столько искать униформу или какую-то общность, но нам важно изучить реальное положение дел и ту дифференцированную карту, чтобы мы знали, какие ценности и где, что преобладает. Это во-первых.

А во-вторых. Интересно, что в самой Грузии проводились исследования между мусульманской частью грузин – скажем, аджарцами – и грузинами. Основная гипотеза заключалась в том, что если будут различия в ценностных ориентациях между аджарцами и грузинами-христианами, то определяющим фактором в плане ценностей может выступать именно религиозная принадлежность. Оказалось, что различий нет. В таком случае, скорее можно сказать о том, что ценности (во всяком случае, в грузинском социуме) больше определяются национальной принадлежностью, нежели религиозной принадлежностью. Но если мы возьмем сейчас другую национальность, как например, азербайджанец, то я уверен, что грузинский менталитет или ценностные ориентации будут отличаться от азербайджанских или от чеченских. Мне представляется очень трудным

уловить общекавказскую ценностную ориентацию. Я, скорее, приверженец того, что можно создать общую карту различных ценностных ориентаций на Кавказе, нежели общую ориентированность или общие ценности самого Кавказа.

Батал Кобахия – Европейские ценности достаточно четко сформулированы и отражены в международном гуманитарном праве, в той декларации, на которую мы сейчас ориентируемся. Проводилось исследование норм поведения людей во время войн и конфликтов. Очень интересно, что международное гуманитарное право, которое, как нам кажется, отражает западные ценности, отражает и кавказские ценности, потому что требования, выработанные кавказскими народами, к поведению участников войн и конфликтов мало отличались от тех, которые зафиксированы в международном гуманитарном праве. Может быть, это могло бы стать предметом интересных исследований. Что такое кавказские ценности? Хотелось, чтобы мы действительно подумали не о различиях, а о каких-то вещах, которые нас все-таки объединяют. Хорошо было бы составить свод каких-то общих ценностей с одной стороны для Кавказа, которые не противоречат западным ценностям и в то же время находят очень много схожего и с восточными ценностями. Потому что я не хотел бы и не думаю, что это нужно, жестко противопоставлять ценности. Может быть, есть какие-то уникальные кавказские ценности. Но, честно говоря, это очень таинственные ценности, о которых все говорят, но ни разу их не вербализировали и четко не определили, в чем они, собственно, заключаются.

Паата Закареишвили – Это очень интересная дискуссия, и будет жалко, если мы ее прервем, но это не научная дискуссия. Если хоть немножко задеть науку, то любое явление амбивалентно. То есть, в любом явлении есть нечто подобное тому, против чего оно действует. Ничего страшного не будет, если вдруг в абхазских действиях или в абхазской культуре вы обнаружите нечто неожиданное. Я считаю, что в грузинской культуре (ее можно назвать маленькой цивилизацией) не обязательно искать какие-то ориентации – западную или восточную. Если культура состоялась как таковая, если она раз-

живается, если у нее есть какие-то тенденции к развитию, она, безусловно, зиждется на каких-то ценностях. Даже псевдоценность может стать ценностью. Если псевдоценность привнесена через подражание или внедрена насильственно или еще как-то, в любом случае, если общество на протяжении нескольких поколений апробировало эту ценность и она осталась, значит, она имеет право на то, что чтобы ее признавали ценностью. Очень часто в грузинской культуре можно обнаружить какие-то западные проявления, проблески, и восточные. В любом случае, это уже грузинские черты. Так можно говорить про любую другую культуру, и про абхазскую тоже. Нателла очень хорошо поставила вопрос – а что такое кавказские ценности? Я тоже ставлю такой вопрос – для себя, по крайней мере – о Грузии. Я не специалист по абхазской культуре, и мне трудно судить об этом, но я вижу со стороны, что в Абхазии более систематизированы ценности, и их скорее всего можно назвать кавказскими. Само по себе грузинское общество – это очень хорошее явление, я ничего в нем плохого не вижу, но на элитном уровне, на социальном уровне и на личном уровне оно как будто уходит от каких-то традиционных кавказских ценностей, но никуда не приходит, то есть, оно не перешло на какие-то западные гражданские ценности. То есть, мы не проникнулись желанием быть, например, равноправными в отношении к женщине. Отношение к труду, демократические институты, выборы, разделение властей и т.д. – явно западные ценности. Нам просто навязывают их, но нам это не нужно. То есть, обществу это не нужно. Общество заранее знает, кто будет президент, и на черта ему выбирать. То есть, это явно не наши ценности. Но прежние ценности тоже ушли. На нижнем уровне эти ценности все-таки остались, но деградировали. Например, осталось понятие доблести, понятие чести, но оно сегодня абсолютно изуродовано. Оно перешло в какое-то криминальное право, в какое-то параллельное, обычное право. И вот этот нижний уровень права и псевдоправа переходит на верхний уровень. Вместо того, чтобы сверху вниз пошел какой-то процесс и чтобы элита давила и влияла на какие-то параллельные права, побеждает обычное право, и его невозможно уничтожить. Обычное право существует даже в Нью-Йорке. Есть какие-то китайские кварталы, итальянские, эти общины управляются совсем другими нормативными системами. Но если ки-

таец выходит из китайского квартала, он становится нью-йоркцем и обязан выполнять функции гражданина США. А у нас происходит наоборот. У нас вот этот нижний слой (чтоб не сказать «грязный слой»), тот, который мешает общественному развитию, поднимается наверх. Поэтому здесь, к сожалению, не приходится говорить о каких-то кавказских ценностях или о каких-то западных ценностях,. Здесь приходится говорить о ценностях, которые когда-то имели какие-то основы, а сегодня видна только их тень или их изуродованные фигуры, которые влияют на наше общество. Я считаю, что грузинское общество находится на переходном этапе от какой-то системной к какой-то не-системной ситуации. Его, конечно, можно спасти. Рано или поздно кто-то может прийти к власти и спасти ситуацию, повернуть ее. Это не так уж трудно сделать. Но чем больше времени пройдет, тем тяжелее это будет сделать. А сегодня в нашем обществе нет никаких основополагающих системных ценностей. Они разбросаны. Единственное, что оказалось сильным – это очень крепкая маскулинная, полукриминальная система традиционных ценностей. Даже на уровне политиков, на уровне депутатов они иногда разбирают дела с помощью воров. Иногда они об этом даже говорят в микрофон. То есть, это уже более надежное право, более надежные ценности, чем те ценности, по которым должна строиться работа в парламенте. К сожалению, это не кавказские ценности. Это околोकриминальные ценности, которые есть везде, даже в Америке.

Я сейчас не говорю об Абхазии. В Абхазии тоже есть какие-то криминальные явления. Но все-таки абхазское общество управляется другими ценностными системами – тем, что вы называете «абхазство». По сравнению с грузинским обществом, вы, может быть, стоите более крепко за какие-то старые ценности, которые, может быть, рано или поздно отпадут, но сегодня настолько живы, что на них можно строить общественные отношения.

Абесалом Лепсая – Паата, ты когда в последний раз был в Абхазии?
(Смех в зале.)

Паата Закареишвили – Я с тобой согласен. Но не обязательно ездить в Древний Рим, чтобы знать, что это Древний Рим. Можно читать.

Арда Инал-Ипа – Я хотела поспорить с Абесаломом и в то же время в чем-то с ним согласиться. Абесалом сказал: «Есть ли кавказские ценности?». В принципе, у каждой личности, если это личность, обязательно есть ценности. Есть даже такое определение личности – как иерархия ценностей. Если нет этих ценностей у личности, она, собственно, как личность не состоялась. То же самое, если существует народ, то у него, конечно, при всем разнообразии есть какие-то предпочтительные формы поведения и т.д. Но я с тобой согласна в том, что если существует кавказская общность, то встанет вопрос о том, какие именно ценности ей присущи. Если взять отношение к гостю, гостеприимство, то некоторые моменты в наших традициях гостеприимства непонятны. Непонятно, кого мы ценим – гостя или себя, такого гостеприимного. Гостю иногда бывает очень тяжело, допустим, выдержать наше застолье, но мы как бы ради него его мучаем. Но при этом мы не слышим никаких его желаний. И тогда на самом деле непонятно, кого мы уважаем – этого гостя или наше отношение к нашей традиции. Я считаю, что многие ценности изменились, модифицировались. На самом деле необходим пересмотр, осмысление их в новых условиях жизни, когда иногда придерживаешься чего-то по форме, а не по сути и это уже перестает быть ценностью, а становится чем-то другим, каким-то устаревшим ритуалом. Разговор, который Нателла завела, очень своевременный, потому что мы часто, говоря на эту тему, используем какие-то термины, которые наполнены содержанием, далеким от первоначального. Во всяком случае, мы здесь можем иметь в виду совершенно разные вещи.

Эмиль Адельханов – К вопросу о том, существуют ли такие общекавказские ценности. Мы говорим, что они не кодифицированы. Но они кодифицированы. И слово «адат» существует и на мусульманском Кавказе, и в Грузии. Я тут насчитал семь пунктов этих самых кавказских традиций. Это культ гостя, культ дружбы, отношение к соседям и т.д. Мы не можем сказать, что в Германии, например, не существует культа дружбы. Но там он другой и с другими правилами. То есть культ дружбы там есть, но там дружба дружбой, а табачок врозь.

Реплика – Там просто есть право на частную жизнь.

Эмиль Адельханов – Именно. А здесь, если человек твой друг, то ты можешь эксплуатировать его в хвост и в гриву и ему неудобно отказаться. То есть, на самом деле такие специфически общекавказские ценности действительно есть.

Теперь о том, насколько грузины воспринимают свои ценности как общекавказские. Как я заметил, в основном это происходит не на территории Грузии, а скажем, в соседней стране, в России, например. Тут они вспоминают, что есть Кавказ, кавказцы, ценности и все такое. А в самой Грузии они об общекавказских ценностях не думают.

Заза Шатиришвили – Отвечая на вопрос об империи. Это не оценочная категория, а категория исторического анализа. Во-первых, мы должны различать, наверное, три этапа. В первую очередь, империю в классическом смысле этого слова, когда этот концепт означает определенную власть, когда вырабатывается понятие гражданина как такового. Это классический этап. Потом уже христианский этап, где уже нет понятия и феномена гражданина, но есть понятие подданного. И очень важно, что если смотреть с этой точки зрения на Западную империю, на Священную Римскую империю германского народа и на арамейскую империю, то, что мы называем Византийской империей, то там очень хорошо видно, что возникает очень интересная политическая теология. Там вообще отсутствует такое понятие, как национализм и национальность, и император является гарантом определенных прав всех подданных. То есть, там в каком-то смысле отсутствует различие между эллином и иудеем, метафорически выражаясь, потому что христианский монарх должен защищать всех. И в принципе все это прослеживается вплоть до XVIII века. Потому что Священная Римская империя прекращает свое существование на западе в 1800 году, когда Наполеон ее демонтирует и возникает то, что мы потом называем Австро-Венгрией. А что касается Востока, то там после распада арамейской империи возникают локальные малые империи. С моей точки зрения, это не географическое понятие. Они хотят стать империей, но нет такого глобального контекста. В этом смысле Московское царство и потом уже Рос-

сийская империя, начиная от Петра, и Карталиния, Кахетия, несмотря на то, что географически разбросаны и несопоставимы, в каком-то смысле являются осколками имперской идеологии, потому что христианский монарх, допустим, Ираклий II, должен защищать и армян, и грузин. И тогда в конце XVIII века армянские купцы обращаются к Ираклию II, о том, что их притесняют грузинские феодалы, и Ираклий II защищает армянских купцов. С точки зрения политической идеологии, христианский монарх – тот, который защищает и мусульман, и христиан. И в этом смысле нет таких различий. Все наши проблемы, я думаю, возникают именно в XIX веке, когда на средневековую политическую идеологию наслои́лась идеология национализма. Тривиальное заявление, но мы всегда должны помнить вот такие тривиальности. В конце XVIII века, после французской революции, когда возникает буржуазия, когда буржуазия заявляет о себе, тогда и возникает национализм. И один класс, то есть буржуазия, называет себя нацией. Это, по-моему, очень важно для глобального контекста, потому что буржуазия бывшая одним классом вдруг называет себя и претендует на то, что она и есть нация. То есть, получилось, что часть называет себя целым. И все наши проблемы, я думаю, и положительные, и отрицательные, возникают в этой точке. Именно наложение националистической идеологии на средневековую идеологию порождает в Российской империи проблему, оппозицию между имперскостью и национальностью. И у Пушкина, и у Лермонтова очень хорошо прослеживается это противостояние между имперской властью и Россией как родиной. В каком-то смысле эти реальности делятся до сих пор. Я думаю, что с точки зрения идеологических языков и идеологических дискурсов, которые до конца никак не осмысливаются, чеченский конфликт, который длится уже триста лет, возник именно потому, что два этих концепта – имперскость и национализм – вступили в такой конфликт между собой. И мы не можем отрефлексировать и осмыслить эту проблему, потому что нам не хватает, как я думаю, перспективы большого времени. Мы потеряли какую-то историческую глубину, не только мы, грузины, но и все те, которые причастны к русской культуре. Я опять повторюсь, империя для меня – это историческое понятие, у меня нет к ней оценочного подхода. Мы должны все анализировать очень тща-

тельно и помнить разные исторические слои, потому что они существуют и сейчас. Сейчас мы просто этого иногда не замечаем в силу господства какой-то одной идеологии. Эта идеология может быть либеральной (в широком смысле этого слова), а может националистической. И мы не понимаем, почему от нас ускользает вся пестрота ситуации.

Это то, что касается империи. Извините за такой сумбурный ответ. Просто это очень сложный вопрос. Я пытался говорить об этом очень коротко, но не получается. Нужно определенное время.

Второй вопрос – насчет кавказских ценностей. Я, наверное, присоединяюсь к вам, к Эмилю и Абесалому. С одной стороны, они не кодифицированы в узком смысле этого слова. Абесалом прав в том, что кавказские ценности не кодифицированы, как кодифицированы, допустим, европейские. А что касается европейских ценностей, там тоже большие проблемы. С одной стороны, существуют традиционные европейские ценности, которые отстаивает римская католическая церковь. С другой стороны, существуют либеральные ценности, которые возникли после XVI-XVII веков на почве немецкой Реформации, французского Просвещения и английского меркантилизма и реформизма. И между ними происходят диффузия и конфликт, который длится до сих пор. Последняя коллизия – внести или нет в европейскую конституцию то, что Европа имеет христианские корни. Это один из случаев коллизии между этими ценностями.

Наконец, Батал задавал вопрос в отношении Абхазии. Я думаю, что с Абхазией, в отличие от Северного Кавказа, дело обстоит сложнее. Я придерживаюсь того мнения, что на самом деле нет одной абхазской истории. Есть собственно абхазская история с абхазской точки зрения. И есть грузинская абхазская история с грузинской точки зрения. Но я думаю, что есть еще третий взгляд. И я претендую на то, что третий взгляд – это мой взгляд. Я считаю, что, когда возникало Западногрузинское царство, ситуация была такая же, как при возникновении единой Германии. Когда единую Германию создавали не этнические немцы, а пруссаки, балты. То есть, абхазский элемент создал так называемое царство Леона II, но там доминировали не грузины, а именно абхазы. Для меня здесь присутствует симметрия. Вот мы говорим о Пруссии, там говорили на немецком языке

ке, но главным элементом был прусский элемент. Так я считаю, что касается Западной Грузии, там доминирующим элементом был абхазский элемент, а не грузинский.

Арда Инал-Ипа – Теперь мы приступаем к большой теме, о которой говорили в самом начале – как мы проецируем изменение глобального контекста на ситуацию с нашим конфликтом. Подумайте о том, каковы те факторы, которые могут влиять на перспективу урегулирования и вообще на ситуацию с нашим конфликтом? Как вы думаете – какие новые факторы сформировались в последнее время? Какие явления или процессы, которые происходят сегодня и происходили в последнее время, могут повлиять или уже повлияли на перспективу урегулирования, на какие-то возможности, которые либо закрываются для нас, либо, наоборот, открываются?

А после перерыва у нас такое предложение – обсудить внутриполитическую ситуацию в Грузии и в Абхазии. Мы хотели бы начать с вопроса о «статус-кво» и о видении преимуществ для каждой из сторон. Есть ли какие-то преимущества в этом и почему нам кажется, что это преимущества? Итак, какие новые факторы появились, которые влияют на нашу ситуацию?

Инал Хашиг – Я хотел бы начать с того, что в процессе урегулирования наступила новая фаза. Фактически скончался официально оформленный Координационный совет. Он был единственным звеном, постоянно действующим в переговорном процессе и сегодня его уже нет. Хотя в последний раз этот Координационный совет собирался более двух лет назад, но еще была надежда, что он когда-нибудь еще состоится. Полновесного Координационного совета не было. Прошло несколько заседаний рабочих групп. И сегодня стоит уже проблема того, что придет на замену Координационного совета. И фактически это происходит на фоне тех соглашений, которые были заключены в Сочи между Путиным, Шеварднадзе и при участии уже бывшего премьера Гагулия. Сегодня в российских средствах массовой информации и даже уже в западных, все больше упор делается на эти соглашения. Но эти соглашения мало отображают внутренние процессы, происходящие в Абхазии и в Грузии.

Абесалом Лепсая – Все происходящее укладывается в логику усиления влияния внешних действующих сил на процессы в Абхазии и в Грузии. Как российское, так и американское присутствие усиливается, поэтому это можно отметить как фактор усиления влияния и заинтересованности в регионе внешних факторов в лице России и Соединенных Штатов. Как бы больше ангажированности в Грузии и в Абхазии.

Галия Калимова – То, чего не было раньше – это американское присутствие на Кавказе. Мне кажется, что это базовый фактор, который будет определять в будущем не только ситуацию внутри самой Грузии, но и способы и методы разрешения грузино-абхазского конфликта. Трудно прогнозировать, что с ним будет. Будет ли он заморожен или же будут предприняты другие, более действенные меры. Но мне кажется, что это влияние заставило абхазов как-то больше сжаться и сгруппироваться. В силу того, что у Абхазии нет выхода во внешний мир, и до сих пор существует информационная изоляция, несмотря на то, что сейчас появился Интернет, этот фактор повлиял не только на грузино-абхазский конфликт, но и на ситуацию внутри Абхазии тоже. И еще из этого вытекает то, что если и были какие-то черепашьи шаги на пути этого урегулирования, то этот фактор отбросил на много слоновьих шагов назад ту точку, к которой на тот момент пришли и абхазы, и грузины.

Нодар Сарджвеладзе – Глобальные процессы, которые сейчас происходят в связи с ближневосточными проблемами, Ираком и т.д., влияют и на грузино-абхазскую ситуацию. Скажем, Грузия объявила свою приверженность американской политике. Сейчас даже какой-то контингент грузинских военнослужащих находятся в Ираке. Конечно, им там нечего делать, но это символизирует какие-то ставки политических игроков на что-то и т.д. И не только грузинских игроков, но и американских игроков, потому что все это связано еще и с отношением американцев не только к Грузии, но и к России и т.д. Идут большие торги между большими державами и в этом контексте. Не американское присутствие, но потенциальное американское присутствие в Грузии, а оно сейчас только намечается, и еще потен-

циальное вступление Грузии в НАТО и т.д. – это все, конечно, здорово меняет ситуацию. И ситуация, конечно, становится отличной от той ситуации, которая была, допустим, в 90-е годы. Когда я беседую о корнях конфликта, о решении конфликта, обыкновенный гражданин все в большей степени связывает решение грузино-абхазской проблемы и решение его личной проблемы беженца, возвращение в Абхазию, с какими-то глобальными переговорами между большими игроками. Такое ощущение у людей, что их личная судьба связана с решением крупных игроков. Раньше тоже было ощущение, что наша судьба решается в Москве. Но сейчас в большей степени у людей сложилось такое впечатление, что их личная судьба, возвратятся они или не возвратятся, и что будет дальше, зависит от глобальных решений. Вот такое у людей сейчас ощущение.

Батал Кобахия – По поводу того, как внешний фактор влияет на ситуацию в частности с грузино-абхазским конфликтом и вообще на Кавказе. Мне кажется, что наступил более опасный, но более прозрачный период, когда можно регулировать какие-то отношения. Дело в том, что 11 сентября начался процесс и закончился в Ираке, когда люди поняли, что декларируемый пафосный вариант демократических ценностей международного права не срабатывает, что в основе политики лежат прагматические цели, в основе которых добиться влияния любым способом – экономически, политически.... Если раньше переговорный процесс был осложнен эти пафосом, когда например, в абхазо-грузинском конфликте все время абхазов упрекали в том, что нельзя нарушать права беженцев, что есть какие-то ценности, через которые мы не можем перешагнуть, то сегодня наступает тот период, когда мы спокойно можем смотреть за переговорным столом друг другу в глаза и сказать, что, собственно, никаких ценностей, через которые перешагнуть нельзя, нет. Если можно швырять бомбы вместе с гуманитарной помощью на территорию Афганистана, то, наверное, можно спокойно и без истерики обсудить проблемы и думать при этом об интересах более прагматических. Кстати, в этом смысле это может быть даже хорошо. То есть, это в кавычках. Не то хорошо, что произошла война в Ираке и то, что было в Афганистане. Но, может быть, это хорошо в том, что если

раньше это было завуалировано, то теперь стало открытым. То есть, хотя и раньше мы понимали, что так происходит, но у нас не было шансов об этом сказать. Теперь говорить об этом легче... Мне кажется, что сейчас на таком фоне легче будет договариваться сторонам о тех или иных вещах, не ссылаясь слепо на декларацию как на библию, которую ни в коем случае нельзя оспаривать. Оказывается, все можно, когда у тебя есть ресурсы, силы и когда у тебя есть влияние. Вот это важный фактор в моем понимании.

Нателла Акаба – Я не хочу говорить о негативном, потому что мы все знаем каким тяжелым был последний год и как это все, можно сказать, травмировало нас всех. Но в то же время есть, по-моему, и позитив. Мне кажется, что важно и имеет определенное значение для будущего нашего урегулирования то, что мы увидели, что Запад не является чем-то таким однозначным. Мы поняли, что Запад тоже не вполне любим и что, может быть, с точки зрения абхазов – это тоже дает определенное поле для маневров. То есть, мы поняли, что США и Европа – это не одно и то же. ТоОчень интересно то, что происходит на Кипре. Это такой жутко замороженный конфликт и вот именно сейчас появился свет в конце тоннеля. И мы были под довольно-таки значительным впечатлением. Был совершен прорыв в отношении решения кипрской проблемы. И это связано с европейской интеграцией. Вот я возлагаю определенные надежды на европейские институты, которые, может быть, могут создать какое-то пространство для урегулирования грузино-абхазского конфликта. Может быть, наивно думать, что Европа нас с распростертыми объятиями примет. Но мне кажется, что там тоже происходят какие-то процессы, которые могут быть для нас полезны.

И еще. Я не согласна с тем, что движение сторонников мира, которое мы все наблюдали, потерпело поражение. Было бы наивно надеяться на то, что подписание петиций может что-то остановить, но в то же время очень хорошо, что это все-таки было. Это какая-то глобальная инициатива, которая вселяет определенные надежды на будущее. И те люди, которые выходили на улицы Лондона, эти многотысячные демонстрации – ведь эти люди прекрасно понимали, что они, наверное, не смогут остановить это.

Мне понравилось то, что они выходили с лозунгом: «Не от моего имени!». Мне показалось, что это очень важно. Они понимают, что война все равно будет, но они хотели показать, что не хотят в этом участвовать. И мне кажется, что это тоже создает для грузино-абхазского диалога определенный пример или прецедент, тут есть над чем подумать.

Эмиль Адельханов – Я абсолютно согласен с Баталом в том, что международные отношения вступили в довольно циничную форму. И для правозащитного сообщества это был, конечно, шок. У многих было впечатление, что эра прав человека, начавшаяся после второй Мировой войны, вообще заканчивается. Батал говорит, что правила игры сейчас станут проще, жестче, без демагогии. Мне кажется, что это смогут себе позволить большие державы. А вот если, скажем, мы попробуем сказать, что Декларация прав человека нам не указ – нам скажут, что это цинизм.

Арда Инал-Ипа – Были названы многие факторы, политические и гражданские процессы, Нателла отметила фактор Евросоюза. Я хотела бы отметить еще один фактор, который мне очень трудно сформулировать. Мы, в общем-то, о нем уже говорили – о том, что в связи с войной в Ираке изменилась роль некоторых постсоветских республик, среднеазиатских и т.д. У них появилась, вроде бы, другая, более весомая роль. Относительно Грузии об этом уже сказали. У границ России появился серьезный игрок. Но и роль самой России тоже изменилась, потому что, отдавая некоторое первенство во влиянии на эти республики, Россия, скорее всего, что-то выторговывала, возможно, и относительно Кавказа тоже. Может быть, произошло некоторое разделение влияния, которое, как нам кажется, прошло границей между Абхазией и Грузией. Возможно, это не так, но мне кажется, что было бы интересно обсудить и этот фактор.

И второе, что мне кажется очень важным. За этот год сформулировалась концепция терроризма и концепция антитеррористической политики, которая становится очень серьезным фактором во всей международной политике. Эта концепция может привести к

опасным последствиям, потому что в ней зафиксирован очень односторонний взгляд на эту проблему. Эта политика предполагает возможность гибкого использования этой концепции в интересах сильных стран.

Паата Закареишвили – После выступления Эмиля возникло ощущение, будто сильными могут быть только сильные мира сего. На самом деле, я уже отметил, что все явления имеют амбивалентный характер. И 11 сентября, и разгул американского, скажем так, гусарского поведения, все это не в одночасье создавалось. Явно чувствовался кризис в ООН. Американское поведение в Афганистане и особенно в Ираке – это показатель того, что американцы никакого урока не извлекли из 11 сентября. Скорее всего, у них еще больше обострились их комплексы. В самом деле, теперь политики могут надеяться на то, что если серьезно будешь нарушать что-то, то тебе это может сойти с рук. Так что такое поведение подсказывает новому мировому сообществу, что могут нагрянуть новые времена. Пока американцы еще в эйфории, они этого не чувствуют, но в Европе это чувствуется. Поэтому поведение европейцев более сдержанное. Гром прозвучал пока очень далеко, на горизонте, который пока как бы никакой опасности не представляет. Америка далеко и со всех сторон окружена океаном, и потому они ведут себя так же, как и перед второй мировой войной. Они почувствуют опасность позже всех, хотя зданий «близнецов» уже не существует. Что посеял, то и пожнешь – это факт. Пожнешь то, что было посеяно поверхностным отношением к праву, к нормам, которые сами же вырабатывали, сами насаждали в свое время, а сейчас они сами перешагивают через эти нормы... Но тогда другие – те, кто всегда выступал против этих норм, еще легче смогут их нарушать. И эти проблемы будут накапливаться. Сегодня это не чувствуется, сегодня еще можно чувствовать себя всемогущим, когда есть деньги, есть оружие и влияние. Но это время пройдет, пройдет время раздачи слонов, и все те, кто участвовал в этих антитеррористических коалициях, получают свое. Грузия, например, получит право, чистить в Ираке канализационные арыки или что-то в это роде. И этим все кончится, потому что американцы не могут постоянно покупать всех. Но с другой стороны, обиженные

люди когда-нибудь ответят на то, что с ними происходило, в мире ничего не проходит бесследно. Может быть, что-то исчезает, как болезнь, которую загоняют вглубь, но в любом случае она рано или поздно опять выползет и в совсем неудобное время для тех людей, которые загоняют эту болезнь вовнутрь.

Для меня из всего, что происходит в мире, самое главное – это то, что впервые международное право, которое как будто было незыблемым, мощным, как глыба, которую никто не имеет права разрушить, серьезно пошатнулось. Я все-таки считаю, что Батал прав, наружу выплеснулся цинизм великих держав. А в чем заключается этот цинизм? В двойных стандартах, которых они придерживаются. Саудовскую Аравию нельзя наказывать, хотя там происходит в тысячу раз больше нарушений прав человека. А Ирак, где до сих пор не могут найти оружие массового уничтожения, наказали. Хотя там не было ни одного концлагеря. Конечно, людей там убивали, но не в таких масштабах, как в Советском Союзе при Сталине. Вот в чем цинизм. Для малых народов есть возможность лавировать – быть или плохим, или твоим. Если буду хорошим, но не твоим, то мне в любом случае попадет. Россия тоже начала играть в эти двойные стандарты и сказала: если ты имеешь право на такие вещи, то почему я не имею права?

Нодар Сарджвеладзе – В отношении ценностей, на первый план выступает ценность силы.

Батал Кобахия – Она всегда была, но она была завуалирована какими-то демократическими фразами.

Георгий Анчабадзе – Мне кажется, что по большому счету в мире ничего нового не происходит. Нынешняя политическая ситуация в мире в значительной степени напоминает вторую половину 30-х годов. Мы сейчас отталкиваемся от периода после Второй мировой войны, когда была создана Организация Объединенных Наций и провозглашены права человека. Но практически то же самое было и после первой мировой войны, когда была создана Лига Наций, когда на Версальском конгрессе в выступлениях президентов великих дер-

жав звучали слова о начале нового мира, в котором люди будут счастливы, в котором не будет войн. И была создана такая организация, как Лига Наций. А потом постепенно все началось заново, начала нагнетаться обстановка. И началось как раз с того, что отдельные государства стали нарушать те принципы, которые были провозглашены на Версальском конгрессе, которые были принципами Лиги Наций. И эта организация ничего не смогла сделать. Началось с маленьких войн, отдельные гражданские войны, в которые великие державы стали вмешиваться, произошел захват Эфиопии Италией, одна из последних колониальных войн. А потом уже начались вторжения в маленькие европейские государства. Германия, пользуясь тем, что она в Европе была в тот период самой сильной и агрессивной державой, присоединила Австрию, потом произошел раздел Чехословакии и т.д. И все это привело ко Второй мировой войне. Сегодня происходит то же самое, когда ООН ничего не может предпринять, потому что есть сильные государства, которые считают для себя возможным не обращать внимания на какие-то общепринятые принципы и действовать вразрез с ними. Что мы имели в результате Второй мировой войны? Если до этого Европа была ведущим в экономическом и политическом отношении регионом мира, из-за того, что именно европейцы развязали эту войну, они перешли на второй план. Вперед вышла Америка, которая так активно не вмешивалась в конфликты 30-х годов. Поскольку Америка накопила большие средства, сегодня она ведет политику региональных конфликтов, а Европа воздерживается. Не приведет ли это к тому, что баланс опять перейдет в сторону Европы?

Абесалом Лепсая – Я согласен с тем, что говорил Гия. Наверное, здесь сказывается близость историков. Дело в том, что на самом деле никакой особой неожиданности в том, что происходит, нет. Потому что всегда так было. И если до этого мы жили в состоянии холодного мира, то не потому, что государства, проповедовавшие его, искренне в это верили. Это была система политического равновесия. Раньше эти государства не могли так действовать, как сегодня. Теперь они могут, и они так действуют. Нас сейчас впечатляет, что вдруг все это проявилось в таком внушительном виде. Вдруг война в Ира-

ке или в Афганистане. Просто отвыкли от этого. Но на самом деле в маленьких масштабах все это происходило. В свое время Соединенные Штаты расправились с режимом на Гренаде, в каких-то других маленьких государствах и т.д. Они просто не могли действовать в таком масштабе. Это не меняло природу режима. Он все равно был таким, но не имел возможности себя так проявить. История помогает обрести реалистичный взгляд на вещи. В мире растет взаимозависимость, поэтому государствам и народам, которые живут на Кавказе, таким, как абхазы и грузины, надо учитывать все это. Проблема в том – как отвечать на эту усилившуюся напряженность в международных отношениях.

Ирина Агрба – В основном здесь говорилось о том, что сильные державы мира решают все и т.д. Но мне кажется, что после иракского демарша уже говорить о сильных державах не очень реально. Все-таки этот момент реально продемонстрировал доминирование США. И когда мы говорим о какой-то конкуренции между державами, все это достаточно относительно или иерархично. Я бы следующим образом определила состояние других государств, которые тоже хотят быть сильными. Что касается Франции и Германии, то мне кажется, что эти страны считают себя самодостаточными и хотят, чтобы другие признали их самодостаточность. А вот, что касается России, то она только хочет быть самодостаточной, но она даже сама не может считать себя самодостаточной в сложившейся ситуации. Великобритания же в этой ситуации себя идентифицировала с Соединенными Штатами Америки в большой политике. Франция и Германия хотели бы доказать свою самодостаточность, но они сильно повязаны экономическими связями и другими факторами, поэтому им сделать это, наверное, в ближайшее время не удастся. И поэтому этот американский демарш пойдет гораздо дальше. И новый мир, о котором говорил Паата, возможно придет, но только тогда, когда американцы доведут ситуацию до абсурда. В свое время Советскому Союзу дали много возможностей, чтобы он доминировал и творил ужасы и т.д. Но пока не дошли до абсурда, эта ситуация все-таки не изменилась. Мне кажется, что то же самое произойдет и с США и, конечно, со всеми нами. Что касается России – что она может сде-

лать и как влиять на Кавказ? Путин даже заявил о том, что у России на юге границы не определены. Возможно, он даже имел в виду ситуацию с нашим конфликтом, а может быть и еще что-то другое. Мне кажется, что Россия будет предпринимать какие-то потуги для того, чтобы преодолеть не очень благоприятную для нее ситуацию в мире. Только с целью преодоления, а думать о биполярности и еще о чем-то пока не приходится – просто России сегодня очень тяжело.

Виктор Шнирельман – Сначала небольшое замечание по поводу того, что было сказано. Мне думается, что если Путин и заявил, что не вполне установлены южные границы, то в первую очередь это касается русско-казахстанской границы, которая очень длинная и там действительно масса проблем. Я не думаю, что это касается Кавказа. Это небольшой комментарий. Мне кажется, что когда Арда поставили вопрос о факторах влияющих на ситуацию, смысл этого был не столько в том, чтобы рассмотреть какие вообще факторы действуют сейчас на международной арене. Гораздо интереснее было бы поговорить о том, как эти факторы влияют на состояние умов внутри Грузии и внутри Абхазии. Как местное общество реагирует на эти факторы? Мне кажется, что это главное, что стоило бы обсудить.

Что конкретно происходило? Первый момент, который был упомянут – появление американских инструкторов в Панкисском ущелье. Российские парламентарии отреагировали очень болезненно. Был некоторый переполох и всякие воинственные заявления. Но потом президент Путин как бы сгладил это все. Сказал, что ничего особенного не происходит. Потом, как вы помните, была пущена электричка, открыт железнодорожный путь из России в Абхазию и наоборот. И были заявления с грузинской стороны, что свидетельствует о том, что и с российской стороны, и с американской стороны есть определенная заинтересованность в Кавказе. На Кавказе интересы России и Америки несколько расходятся, хотя они несколько расходились и в Ираке, но, тем не менее, в конце концов на самом высшем уровне заявляется, что мы в основном остаемся партнерами в решении каких-то глобальных задач. Однако, практика показывает, что на Кавказе все-таки определенный конфликт между Америкой и Россией есть. Как он будет развиваться дальше, сказать трудно. Но меня

интересует, как эта особая позиция России и особая позиция Америки воспринимаются в кавказских республиках? Как она воспринимается политиками? Какие они делают выводы? Как она воспринимается населением, человеком с улицы? Что думают грузины по этому поводу? Как они смотрят на перспективу? Что думают абхазы по этому поводу? Как они смотрят на перспективу? Вот это вопросы, которые, как мне думается, стоило бы обсудить.

И второй вопрос. Арда упомянула очень важный фактор, на мой взгляд. Это – начавшаяся в последние годы борьба с международным терроризмом. Идеологема, которая переоформила то, что раньше когда-то рассматривалось разными политиками как национально-освободительная борьба, справедливая борьба за независимость, суверенитет. Сейчас в тех регионах, которые нас касаются, многое из этого перекалфицировано в рамках этой риторики как терроризм. Здесь тоже возникает вопрос – как это воспринимается в Грузии и в Абхазии? Я, например, вспоминаю, что в конце 80-х годов в Грузии была популярна определенная риторика, связанная с тем, что якобы Грузия – оплот христианского мира, окруженная мусульманским морем и в том числе и Абхазия входит в это мусульманское море. Что сейчас происходит с этой риторикой? Покончено ли в Грузии с этой риторикой или все-таки она продолжается? Или сохраняется ее потенция?

Я хотел бы услышать рассуждения вокруг этих проблем.

Арда Инал-Ипа – Многие говорили об интересах Америки на Кавказе, и не только Америки, но и западных стран. Один из показателей усилившегося интереса состоит в том, что помимо сотрудников посольств с этого года в регионе начинают работать специальные советники от Соединенных Штатов и от Великобритании. Это – уникальный случай. Важность урегулирования этого конфликта еще раз подтверждается реальным усилением своего присутствия и фактически вводом в работу специальных фигур. То есть, послы явно не справлялись с задачами.

Паата Закареишвили – Я хотел бы все-таки сказать, что не стоит обобщать. Если говорить о том, что в истории все повторяется, тог-

да можно сказать, что ничего особенного не происходит. Две группировки, где-то в африканских джунглях борются за какую-то территорию, одни хотят вытеснить других, чтобы иметь влияние на ту территорию, которая нужна им для пропитания. В истории все можно свести к такому контексту и тогда не надо возвращаться к Лиге Наций, а можно вернуться прямо в природу... Но общества, социумы сами по себе не всегда аналогичны природе. Это и есть основа развития. В природе никогда не существует равноправия. Никогда в природе не было такого понятия и никогда не будет. Там всегда побеждает сильный. Но, начиная с Древней Греции и Римской империи видно, что прогресс идет там, где общества стремятся к равноправию.

Как только ты забрасываешь виноградник, не ухаживаешь за ним, вырастает сорняк. Надо все время его очищать. То, что сегодня сделали американцы – это явное возвращение в эпоху горилл. То есть, побеждает сильный. Но то, что сегодня происходит в Европе – такого еще никогда не было в истории. Почему мы не смотрим на такие вещи в Европе, как Шенген? Например, французы и немцы объединяют армии, вводят общую валюту. Это явный показатель того, что все-таки не все так страшно, как можно увидеть через историческую призму. Все-таки, как мне кажется, есть ресурсы. И то, что против американцев ярко выступили французы и немцы – это не случайно. Хотя я уверен, что у французов одна мотивация, а у немцев другая.

Русские все-таки не вписываются в общечеловеческую историю, которая *развивается*. Я согласен с Чаадаевым, который писал, что они всегда тянут цивилизацию назад.

Мне, по крайней мере, мотивация французов и немцев более понятна, чем мотивация русских. И именно то, что Европа выступила против войны – это показатель того, что в Европе не все повторяется. И это дает надежду на какую-то справедливость и нормирование отношений, на что американцы вообще плюнули и перешагнули.

Надо учесть и такой фактор, как информированность. То, что происходит на дне Баренцева моря, мы узнаем в ту же секунду. Ситуация явно отличается от той, которая была даже во время Лиги

Наций, когда информация доходила в течение нескольких дней. Эти и другие факторы показывают, что мы находимся совсем в другом времени.

Просто я хотел сказать, что в истории есть вещи, которые можно понять как новое продолжение человеческой цивилизации. А что касается вопроса о том, чего хотят мелкие страны в иракской войне, то я вспоминаю кита или акулу, рядом с которыми плавают мелкие паразиты, очищают им зубы и т.д. Нечто подобное происходит с этими странами – Болгарией, Грузией... Они хотят иметь какой-то ресурс, хотя бы то, что остается на зубах акулы, скажем так.

Виктор Шнирельман – У меня реплика по поводу того, что сказал Паата. Ведь Европа заняла особую позицию тоже ведь неспроста. Не потому, что там более, чем в Америке, лояльны каким-то принципам прав личности или демократии. Я сейчас хочу рассказать об очень интересном опыте. Во Франции огромная мусульманская община, с которой французские власти не могут не считаться. И это сыграло, может быть, ключевую роль в той позиции, которую они заняли. В Германии пять миллионов турок, тоже огромная мусульманская община, с которой они тоже не могут не считаться. Меня больше, честно говоря, удивили позиция англичан, где тоже сейчас немало эмигрантов, но, тем не менее, там сейчас перевесили совсем другие интересы. Этот опыт показывает, что многокультурные страны, где есть разные религии, ведут себя более осторожно, более осмотрительно. США – особая страна, страна эмигрантов изначально. На мой взгляд, может быть, как раз вот это многокультурье помогает какому-то балансу и оно сдерживает политиков, потому что они должны оглядываться на то, как отреагируют одни и как отреагируют другие.

Нодар Сарджвеладзе – Я придерживаюсь того, что сказал Паата. Суть в том, что человечество, наверное, находится в какой-то новой кондиции, которую надо хорошенько осознать. Очень много симптомов того, что человечество, действительно, находится в новой кондиции. Две противоположные тенденции между собой сталкиваются. С одной стороны, это как бы старая природная тенденция – силь-

ный покоряет, и другая тенденция – это регулировка через переговоры, человеческие права и т.д., которые олицетворялись Европой. То есть, Америка олицетворяет одну тенденцию – решать все через силу, а Европа в этом контексте, другую, хотя причины, может быть, были другие. Но, тем не менее, это символизируется как противостояние между силовым принципом и принципом правового и гуманитарного решения. И вот такое столкновение, конечно, вызывает отклик во многих народах. И в ответ на вопрос Батала о том, почему маленькие страны примкнули к США? Потому что они, видимо, сделали выбор. Одни сделали выбор в пользу принципа силы, то есть они, приобщаясь к Америке, как бы приобщаются к этим ценностям. А те, которые приобщились к Европе, они приобщились к правовому регулированию конфликтных ситуаций. Это совершенно уникальная ситуация, к которой подключено колоссальное количество людей, которые через Интернет выражают свою приверженность. И мы сами являемся очевидцами этого процесса, и я считаю – это довольно захватывающее зрелище.

Арда Инал-Ипа – Итак, какие факторы мы выделили? Многие говорили об усилении влияния внешних сил на ситуацию в регионе. Все более открыто стали признавать существование интересов Запада на Кавказе. Более конкретно называлось усилившееся американское присутствие на Кавказе. Было отмечено разделение влияния держав в различных постсоветских республиках. В этом контексте были рассмотрены и попытки России сильнее укрепиться на Кавказе. Подчеркивалось, что в связи с этими процессами изменилось настроение людей. Люди чаще стали разделять мнение о том, что решение конфликта зависит не от воли непосредственных участников, а от воли сверх держав, преследующих свои цели. Американская политика в Ираке продемонстрировала нарушение демократических ценностей и обнажила свои прагматические интересы. При этом фактически произошло формирование однополярного мира. Незыблемое, казалось бы, в прошлом международное право стало уязвимым. Очевидным стало бессилие ООН в попытках остановить агрессию. Проявилась самодостаточность Франции и Германии и их стремление к тому, чтобы и другие признали их самодостаточность.

Особое внимание было уделено гражданским инициативам в связи с широким антивоенным движением во всем мире. Хотя, как было сказано, фактически в это же время произошло символическое завершение эры защиты прав человека. Назывался также Евросоюз как важная сила, влияющая на политические процессы. Конкретно был назван прорыв в кипрском урегулировании, что может повлиять и на нашу ситуацию. Одним из серьезных факторов современной политики было названо и формирование концепции международного терроризма.

Вот в общих чертах то, что мы обсуждали на предыдущей сессии. А сейчас мы приступим к анализу внутренней ситуации. Мы попросили бы Нателлу рассказать о внутренней ситуации в Абхазии. Было бы интересно, если бы удалось какие-то моменты связать с теми или иными факторами современного международного политического процесса.

Нателла Акаба – Чтобы связать, надо как-то продумать. В Абхазии происходит явное нарастание политической борьбы. И это связано с тем, что фактически начался процесс определения политического будущего Абхазии после Ардзинба. То есть, мы все являемся свидетелями того, что эра Ардзинба, может быть, это звучит слишком пафосно, но этот этап закончен. И, наверное, можно сказать, что Ардзинба уже принадлежит истории. Вряд ли год назад мы могли предполагать, насколько стремительно будут развиваться события. Другой вопрос – с чем связано такое ускорение? Тут есть много факторов. Но я буду говорить о том, что вижу я. Я думаю, что если у нас еще буквально год назад среди широких слоев общественности господствовало представление о том, что альтернативы Ардзинба нет, то теперь совершенно противоположная ситуация, когда появилось такое жуткое количество альтернатив, что уже становится страшно. И по моим наблюдениям, около 80 процентов мужчин Абхазии хотят стать президентом Абхазии. Ни одной женщины, к сожалению, среди претендентов пока я не вижу.

Вопрос – Выборы будут 30 сентября?

Нагелла Акаба – Нет. 30 сентября будет десятилетие окончания войны. В связи с тем, что президент действительно болен, не появляется на людях и уже давно напрямую не обращался к народу, существует очень много спекуляций по поводу того, кто все-таки принимает решения, и кто от его имени действует. И это, конечно, не прибавляет стабильности, потому что есть совершенно разные интерпретации всего этого.

Другая опасность, на мой взгляд, состоит в том, что в Грузии предвыборная борьба уже сейчас идет полным ходом. И наложение всех этих событий одно на другое тоже может привести к каким-то неприятным последствиям. И в то же время, все, о чем говорили сейчас – это уже совершенно открытое соперничество России и США, которые то ли уже о чем-то договорились, то ли еще нет, и пока идет торг, этого никто не знает. Мне кажется, что все эти факторы порождают определенную настороженность.

Что касается расстановки политических сил в Абхазии. За всеми радикальными настроениями, которые состоят в том, чтобы ускорить политический процесс, ускорить переход от эры Ардзинба к эре кого-то другого. За все этим все-таки стоит «Амцахара», движение, объединяющее ветеранов войны. Когда они только начинали свою общественную деятельность, они все время заявляли о том, что поддерживают Ардзинба, который является их боевым другом, но сейчас совершенно противоположной настрой. И, к сожалению, противостояние между президентской администрацией или окружением, мне трудно сказать, а может быть и самим президентом и этим движением сильно нарастает, ощущается в обществе и вызывает большую озабоченность. Причем в самой «Амцахаре» нет такого полного единства, там приблизительно на три части они расколоты, в том плане, что у них есть три желательных кандидата на президентский пост. Известно, что это не непосредственные члены этой организации, а люди, на которых они делают ставку. Публично эти имена не называются, об этом говорят в кулуарах и об этом в общем-то почти все знают – на кого делают ставку. Речь идет о трех кандидатурах – это Станислав Лакоба, Анри Джергения и Сергей Багапш. Но при этом все это еще не окончательно, завтра все может измениться. Если говорить вообще о движении «Амцахара», то оно очень

неоднородное. Одно дело – верхушка. Это именно те люди, которые играют в политические игры и хотят привести своего человека. А другое дело – это основная масса. Это, действительно, ветераны, которые, несмотря на свои заслуги, чувствуют в какой-то мере себя обделенными и разочарованными, может быть. В основном, это именно честные, искренние люди, но у которых нет никакого политического опыта и вполне возможно их использовать. Вторая политическая сила, на мой взгляд, это оппозиционное движение «Айтаира» (в переводе с абхазского – «Возрождение»), к которому я тоже принадлежу. Это, скорее, интеллектуальный клуб, который в основном использует свои способности убеждать людей и пытаться с ними разговаривать. Издается газета, которая пользуется определенной популярностью. Это движение, на мой взгляд, берет тем, что туда входят люди, которые не причастны к коррупции, многие из них были депутатами парламента, но сейчас они оказались не у дел. Определенный кредит доверия к некоторым из них, может быть, сохранился. Это те люди, которые отказались идти на выборы в парламент в прошлом году, потому что были уверены в том, что выборы нечестные. «Айтаира» рассматривает несколько кандидатур, есть несколько вариантов – Леонид Лакербая и Александр Анкваб. Может быть, появятся еще какие-то другие. Но мы считаем, что решение должно приниматься на съезде. Но мы не считаем возможным уже сейчас открыто провозглашать свои цели, выставлять какие-то конкретные кандидатуры, потому что мы считаем преждевременным вообще говорить о начале президентской гонки. Мы хотим, чтобы все это шло в конституционном русле, и когда будет объявлена предвыборная кампания, тогда настанет время. У нас будет проведен специальный съезд, где будет выбран единый кандидат. Но есть проблема, например, у Анкваба может быть меньше шансов, потому что в конституционном законе о выборах президента есть ценз оседлости, пять лет надо прожить в Абхазии. «Айтаира» не считает нужным сейчас начинать президентскую гонку, поскольку необходимо до этого обязательно внести поправки в закон о выборах в парламент и о выборах в президенты. Мы совершенно убеждены, что если сегодня вдруг будут объявлены президентские выборы, то это будет катастрофично, потому что закон, на наш взгляд, очень плохой. Он даже не пре-

дусматривает наличия наблюдателей на выборах. В таких условиях будет полностью использован административный или финансовый ресурс. Общественность будет иметь очень мало возможностей наблюдать за этими выборами, они не будут прозрачными и честными. Кроме того, мы считаем необходимым изменить и закон о выборах в парламент, потому что там тоже очень мало возможностей для проведения демократических выборов. Мы ставим такую цель – нужно сначала изменить закон, а потом проводить выборы, а не наоборот. В то же время «Амцахара» наоборот считают, что надо своего человека сделать президентом, а потом будем менять законы. Мы в это не верим, потому что тот человек, который придет, ничего не захочет менять. Он очень вольготно будет себя чувствовать там. И очень важный вопрос, который сейчас обсуждается в обществе – это вопрос об изменениях в конституции с тем, чтобы перераспределить полномочия в пользу законодательной власти. Необходимо несколько ограничить полномочия президента и расширить полномочия законодательной власти. Насколько мне известно, в Грузии тоже ведутся такие разговоры. В Абхазии все это сейчас в центре внимания. Я не могу сказать, что народ очень вовлечен в это. Наверное, широкие слои населения не очень понимают, какие полномочия есть, какие должны быть, и что надо менять. Но среди политиков и среди интеллигенции есть, конечно, такие разговоры. Общество разделилось. С одной стороны, президент и его сторонники, которые считают, что не надо ни в коем случае трогать конституцию, что если каждый парламент начнет менять конституцию, то это будет катастрофой. Они даже ставят вопрос, что все поправки должны приниматься на референдуме. Есть совершенно другое мнение, что конституция – это не священная корова и время от времени ее вполне можно менять, но, конечно, все должно происходить конституционным путем. Тем более, что в конституции есть соответствующая глава, в которой определяется, какие разделы можно менять только на референдуме, а какие в парламенте. Но у некоторых есть желание представить все так, что только народ в целом должен решать подобные вопросы на референдуме. А мы прекрасно понимаем, что через референдум можно протолкнуть любое решение. Так, на предыдущем референдуме статью о несменяемости судей заменили на то, что судьи

должны избираться каждые пять лет. Это, конечно, был очень большой удар по независимости судебной системы, это сделали на референдуме, и многие люди проголосовали за это, даже не задумываясь над тем, к чему это приведет. И то же самое может повториться на новом референдуме. Народ может проголосовать вообще за то, чтобы упразднить парламент, чтобы один президент все решал. Такое тоже может случиться. Если хорошенечко поработать, телевидение проведет соответствующую обработку, тем более, что у нас есть только государственное телевидение. Исполнительной власти фактически принадлежит монополия на электронные средства массовой информации. Вот такая ситуация.

Есть и другие политические силы. Это Народная партия Абхазии. Есть Объединенные профсоюзы, которые довольно активно себя ведут. Они пока еще не совсем определились, но все-таки на данном этапе больше склонны поддерживать «Возрождение» и им кажется, что амцахаровцы слишком лихо пытаются ускорить события. И вообще среди многих простых людей такое мнение, что нужно все-таки до 30 сентября ничего не предпринимать, никаких резких движений, а нужно, чтобы празднование прошло спокойно. Многие считают, что, может быть, президент сам уйдет в отставку, и будут объявлены новые выборы. Но опять же нас очень тревожит, если они будут проходить по старому закону. Это, на наш взгляд, очень не желательно.

Инал Хашиг – В нынешней конституции очень много пробелов. Дело в том, что в нынешней конституции есть вещи продекларированные, но не наполненные никаким механизмом исполнения. До сегодняшнего дня, допустим, эти параграфы не применялись, потому что власть фактически была однополярная. Доминировала власть Ардзинба, она была практически безграничной, и ничто не могло на нее повлиять. Сегодня, когда очень трудно определить, кто же все-таки будет президентом – очень трудно уйти от соблазна перепрыгнуть через тот же закон, нравится он или не нравится. Допустим, как определять – живет ли человек последние пять лет в Абхазии или нет. Фактически, если даже не живет, то он может просто предъявить паспорт, где указано, что он прописан в городе Гудаута.

Реплика – По слухам можно определять...

Инал Хашиг – Это может послужить основанием для того, чтобы допустить его к выборам. Это я говорю о законе о выборах. Но есть еще и закон, по которому будущий кандидат в президенты обязан знать государственный язык, которым является абхазский язык. Я уже не говорю о том, что есть куча законов, механизмы реализации которых вообще не прописаны. До выборов официально еще полтора года, но никто в Абхазии не уверен, что они именно через полтора года состоятся. Скорее всего, они пройдут намного раньше. И сегодня многое зависит именно от законодательного органа, который должен в короткие сроки усмотреть все пробелы и разработать механизмы, чтобы в дальнейшем не возникло каких-то конфронтационных процессов. Тем более, когда любой человек, который придет к этой власти, не будет столь харизматической фигурой, как Владислав Ардзинба и не сможет контролировать в дальнейшем ситуацию при каких-то нарушениях, это будет очень опасно.

Батал Кобахия – Кстати, многие из вас тоже могут не пройти. Вычтут те дни, которые вы провели за пределами Абхазии на таких встречах и получится, что у вас и пяти лет нет. *(Смех в зале.)*

Инал Хашиг – Может быть и совсем другая ситуация. Скажем, граждане Абхазии, которые по линии МИД работают представителями республики Абхазия где-нибудь в Башкортостане, в Адыгее или в Кабарде. Как же с этими людьми быть?

Батал Кобахия – Они официально делегированы. На них ценз не распространяется.

Инал Хашиг – А если от абхазской фирмы человек командирован в Москву работать?

Батал Кобахия – Если это государственная фирма, то... Что ты от меня хочешь?

Инал Хашиг – Все перед законом равны.

Батал Кобахия – Посол и эмигрант – это разные вещи. Посол направляется в страну, и он выполняет определенные функции. Вы же знаете, что послы из Башкортостана не претендуют на пост президента. Прекрасно все знаете, кто претендует...

Нателла Акаба – Да, в Абхазии появилось еще одно общественно-политическое движение – это люди, которые говорят, что они никогда не были во власти...

Алхас Тхагушев – Партия сорокалетних.

Нателла Акаба – ...хотя на самом деле среди них есть люди, которые по пять лет были в парламенте. Но, видимо, они считают, что парламент – это не власть...

Алхас Тхагушев – Что касается темы, которую поднял Инал о том, что многих законов просто нет. Очень много сфер жизнедеятельности просто никак не регламентируются. Например, вот этот ценз оседлости. Но есть еще проблема гражданства, и она стоит очень остро. Если мы говорим о политических выборах, мы пока еще не можем знать о том, как будет вести себя власть. Может оказаться так, что президента Абхазии будут выбирать россияне. И этот вопрос, к сожалению, никак не урегулирован. И он стоит довольно остро, и к чему это приведет в итоге, очень сложно сказать.

Батал Кобахия – Тогда я скажу о положительном. Во всем есть отрицательные и положительные стороны. С точки зрения сегодняшнего контекста, политического кризиса, я взглянул в будущее даже с надеждой. Потому что оказалось, что многие партии достаточно окрепли, движения окрепли и открыто и спокойно сумели высказать свою точку зрения, донести ее до общества. И мне показалось полезным и важным то, что в этой политической борьбе относительно предстоящих выборов партии в каких-то моментах смогли договориться и прийти к консенсусу. Когда обсуждались разумные вещи,

например, о внесении поправок в закон о выборах, многие партии смогли консолидироваться. И, кстати, большая часть парламента тоже присоединилась. Был сформирован Форум национального согласия, в который вошли представители всех партий, общественно-политических движений, представители парламента для того, чтобы вместе обсуждать насущные проблемы. Это хороший момент. Угрозу разрастания противостояния, которого опасались из-за жесткой позиции «Амцахары», удалось избежать. Хорошо, что люди поняли, что надо уходить с площадей и для достижения своих целей нужно работать. Я надеюсь, что политическая борьба будет проходить в правовом русле, и что это будет борьба идей, концепций, ценностей.

Нужно сказать еще об одной силе, это новое общественно-политическое движение. Я бы сказал, что это не совсем новое движение, это перекарасившаяся или изменившая название партия «Республика». Была республиканская партия, которая поддерживала существующую власть, она была создана сверху в отместку оппозиции «Ай-таира». Ее быстренько за один день сформировали. Особых ценностей она не имела, концепций не имела. Потом она как-то тихо умерла, и люди о ней забыли, но официально она не распущена. И поскольку сейчас новая волна политической активности, начинается борьба за политическое влияние, сформировалось новое движение. Практически ее ядро составляют те, кто был в республиканской партии. Но в «Ахяца» они уже являются учредителями партии. Трудно сейчас судить, насколько они сильны. Все зависит от тех ресурсов, которые они имеют.

Мы перешагнули какой-то рубеж. Честно говоря, когда в 1994 году принималась конституция Абхазии, она, действительно, была ориентирована на харизматического лидера. Она была рассчитана на одного человека, который привел к победе, которому доверяли, который имеет большие заслуги еще в советский период во время работы в Верховном совете, когда шла борьба за права малых народов. Сегодня передавать кому-то такие неограниченные полномочия просто опасно. Народ уже понимает, что какой бы хороший не был человек, конституция должна быть конституцией. И закон равен для всех. И мы, конечно, хотим, чтобы были сбалансированы такие возможности. Все это понимают. Пять-шесть лет назад говорили, что

некого представить на посту президента. Сегодня у нас другая ситуация. То, что в этой предвыборной гонке у нас будет несколько кандидатур на пост президента, это уже хорошо и говорит о том, что Абхазия отошла от шока харизматизма и более реально взглянула на свои внутренние ресурсы. В конце концов, небольшая страна, небольшое население и очень хорошо, что люди подумали, что неважно, кто будет президентом, главное, чтобы были законы и чтобы эти законы регулировали жизнь страны.

Алхас Тхагушев – Здесь уже говорилось о том, что общественно-политические партии и движения в Абхазии находятся в стадии формирования. Можно сказать, что в основном вся политическая активность в Абхазии сосредоточена в Сухуме, в столице. Что касается районов, я имею в виду органы местного самоуправления, то на этом уровне не заметно никаких активных действий. Да, «Возрождение» и «Амцахара» проводят конференции, но это их конференции. А что касается возможностей войти в эти органы местного самоуправления и использовать то, что дают даже сегодняшние законы, то это никак не используется. И возможность влиять на ситуацию на местном уровне никак не используется. Это, наверное, говорит о том, что пока нет такой долгосрочной стратегии этих партий и системности. И, наверное, это связано с тем, что ресурсов мало и с тем, что они только начинают работать. То, что мы сегодня говорим о президентских выборах, а не говорим о том, что уже в этом году будут выборы в органы местного самоуправления, это признак нашей недалёковидности. Эти выборы могли бы стать для Абхазии хорошим экзаменом для того, чтобы какие-то моменты, связанные с теми же наблюдателями на выборах отшлифовать, что-то усовершенствовать. К сожалению, вокруг этого вопроса обсуждения не ведутся. И интереса к этому политических партий тоже особо не заметно.

Нателла Акаба – Партии пытаются выстроить свою стратегию в отношении выборов. Как раз вся стратегия должна начинаться с того, чтобы изменить закон о выборах.

Нателла Акаба – Сегодня нет реальной возможности для оппозиции провести своих единомышленников даже в местные органы власти.

Инал Хашиг – Я думаю, что административный ресурс, который имелся у власти до апреля месяца, сегодня не столь силен, не столь однообразен. И с изменением расстановки сил далеко не ясно, на кого отдельные представители этой власти будут делать ставку. Очень трудно предположить, что вся администрация будет поддерживать одного и того же кандидата. Сегодня власть в некоторых районах может разбиться, поддерживая разных кандидатов, поэтому говорить, что весь административный ресурс будет работать на одного человека, было бы наверно.

Арда Инал-Ипа – У нас на выборах в Народное собрание можно было наблюдать чудеса стратегического предсказания и предвидения, когда с точностью до одного голоса говорили, что на этом участке 145 человек проголосуют за представителя власти, а 72 за оппозиционера. И действительно, на выборах это в основном подтверждалось, потому что предсказатели знали, кого они обработали.

Нателла Акаба – Участковые милиционеры принимали активное участие в сборе подписей представителей определенных сил. Так что, мне кажется, рано списывать со счетов административный ресурс. В любом случае они не будут поддерживать оппозицию, потому что прекрасно понимают, что приди к власти оппозиция, она их просто уберет.

Инал Хашиг – Нателла Нуриевна, я не думаю, что где-то, допустим, в Хуапе или Пакуаше будут поддерживать именно того представителя, которого назовет Владислав Ардзинба своим преемником. В некоторых селах могут поддержать и представителя Амцахары, в зависимости от того, кто в этом селе руководит политикой.

Нателла Акаба – Процедура подсчета бюллетеней такова, что у представителя не от власти просто нет возможности наблюдать за этим процессом. Вот о чем идет речь. В законе не написано, что наблюда-

тели могут присутствовать в течение всего периода голосования и подсчета голосов, там речь идет только о моменте голосования, когда опускают бюллетени в урны.

Инал Хашиг – Айтайра уже года 3-4 говорит о том, что власти надо пересмотреть распределение полномочий между президентом и парламентом, однако, эти предложения были замечены только после того, как Амцахара заявила о них. Они говорили о том, что президент должен быть под контролем, общество должно принимать участие в формировании правительства, а потом уже все поняли, что надо перераспределить власть между президентом и парламентом, но никакого плана действий, никакого механизма Амцахара тогда не предлагала. Айтайра в свое время этот план действий уже имела, но общество оказалось неспособным заметить этот план, но заметило «конструктивизм» Амцахары, который не был ничем фактически подкреплен. Здесь идет речь уже о силе. И Амцахара как сила, которая объединяет ветеранов войны, способна заставить власть предпринимать какие-то меры.

Алхас Тхагушев – Я не знаю, имеет ли смысл нам углубляться в эти вопросы. Мне хочется вернуться к тому, как проходили выборы в органы местного самоуправления. Я понимаю, что основные предложения, связанные с изменением системы государственного управления исходят от Айтайра, но коль скоро мы говорим о сообществе нескольких партий, которые должны действовать сообща, необходимо отработать согласованную стратегию и на уровне органов местного самоуправления. Вот в этом направлении они действуют неэффективно, мне кажется. Если бы в свое время было уделено хотя бы какое-то внимание к проведению выборов в органы самоуправления, чтобы городские советы перестали быть карманными, другая картина была бы и во время выборов. Фактически люди, которые входят в городские советы, являются заместителями глав администраций. На парламентских выборах, когда дело делалось фактически на местном уровне, можно было бы противопоставить именно этот момент. Если бы эти органы работали более эффективно, многие проблемы можно было бы предотвратить. Эти органы формально

существуют, но по сути их нет. Сегодня опять будут говорить о том, что нужен президент, но не будут говорить о том, что нужно многое менять и на местном уровне...

Батал Кобахия – Может быть, мы упустили еще один момент. Очень важен в этой ситуации, вообще на политическом небосклоне, голос общественных организаций, которые не стремятся к власти, но, тем не менее, вовлечены в политические процессы. В частности, если рассмотреть последний политический кризис, который принял достаточно острые формы, то на всех его этапах представители общественных организаций играли свою определенную роль и влияли на процесс. Что касается того, что власть и общество признало силу Амцахары, потому что эта организация объединяет ветеранов, то я хотел бы пояснить, что за Амцахарой стоят не все ветераны. На самом деле и в Айтайра 90% тех, кто представляет рядовых членов этой партии, тоже являются ветеранами войны. И в Республике тоже большое количество ветеранов. Можно сказать, что во всех партиях и даже общественных организациях в той или иной мере представлены ветераны. Да, Амцахара называется партией, представляющей интересы ветеранов. Но до этой партии уже был Союз защитников отечества, тоже партия ветеранов войны. У нее тоже были какие-то функции и цели. Вначале, когда партия Амцахара начала делать серьезные политические заявления, у них достаточно аморфные были представления о необходимости реформ в правовой сфере. Важно то, что они сумели в течение короткого времени найти согласие с другими партиями и вместе прийти к мнению, что законы – это очень важно и их надо менять. В этом смысле Айтайра сыграла очень большую роль в трансформации их позиции и требований. Поскольку Айтайра уже имела достаточно большой опыт политической борьбы, у нее были проблемы с властью, чего не было у Амцахары, и она сумела им объяснить и доказать, что не надо добиваться власти любым путем, надо добиваться законов, которые должны быть равны для всех. Они на этом этапе согласились и даже сняли требования об общенародном сходе, который нас всех беспокоил, но сейчас вроде бы что-то опять предполагается.

Арда Инал-Ипа – На самом деле этот вопрос очень интересен – каковы роли различных общественных движений и почему какие-то идеи, которые раньше были более аргументировано высказаны Возрождением, не были поняты и поддержаны общественностью, а идеи, давно напечатанные и высказанные, но озвученные устами Амцахары, вдруг нашли большую поддержку и понимание в обществе. Дело в том, что Возрождение проложило этот путь. Во-первых, само общество уже не испытывало того шока от критики, который переживало, когда Возрождение взяло на себя смелость открыто действовать как политическая оппозиция. Уже задолго до этого момента критика звучала из СМИ, но это не было еще политическим движением. А именно в рамках политического движения Возрождение первым озвучило критику власти. Общество не было готово к восприятию этого, требовалось какое-то время. Это с одной стороны. Я думаю, что никогда жесткая политика Амцахары не имела бы успеха, если бы до них не было Айтайра. Мне кажется, что это очень связанный процесс. В каком-то смысле сегодня пожинают плоды того, что уже было наработано, не говоря уже о каких-то идеях и предложениях, которые позволили более четко сформулировать и сегодняшние требования. Поэтому от простых требований о простой смене правительства или конкретных людей сумели перейти к более сложным и долгосрочным требованиям. Но еще один момент, почему все-таки власти отреагировали на требования Амцахары. Потому что, мне кажется, Амцахара – это та сила, которая может действовать и не в конституционном русле. Если Возрождение выступает за правовое государство, т.е. их основное требование, чтобы законы исполнялись и изменялись конституционным путем, то Амцахара, может быть, готова ради достижения цели несколько преступить правовые рамки. И этот язык более понятен власти, которая тоже часто так ведет себя. В них они увидели соперников, которые в самом деле могут на что-то серьезно повлиять. Потому что критика и какие-то действия в рамках закона, который давно попран, не так страшны, потому что добиваться чего-то по закону уже очень сложно. То есть, если бы речь шла только о законах, значит, мы должны были бы сказать тогда, что законы выполняются, но они плохие и их надо менять, но когда они не выполняются, можно их поменять, сделать иде-

альными, но этого недостаточно, чтобы они выполнялись. Здесь другая немножко ситуация. А амцхаровцы не собираются вести себя по закону, поэтому они в глазах власти являются более серьезным оппонентом. Так мне кажется.

Заза Шатиришвили – Амцхара, как я понимаю, отделилась от Ардзинба, да? Что делает окружение Ардзинба? Потому что не может быть, чтобы у него было окружение, не заинтересованное во власти. Второй вопрос: масс-медиа. Вы говорите, что есть только один телевизионный канал, где звучит оппозиционный голос? И третий вопрос: о рейтинге. Какие конкретно рейтинги у этих трех сил: Амцхара, Айтaira и Ахъаца, и как работают социологические службы, и есть ли такие?

Инал Хашиг – Нет в Абхазии профессиональных социологических служб, в этом плане никакой серьезной работы пока не ведется.

Нателла Акаба – Айтaira проводила опросы. Есть специальный вопрос: «за кого пойдете голосовать?». Здесь такой цели не стояло, потому что мы считаем, пока нет выборов, не нужно его задавать. Мы провели тот опрос, который нас интересовал.

Насчет окружения. Это очень расплывчатое понятие и никто толком не знает, кто те люди, которые влияют на президента и в какой степени. Во-первых, это те, кому по рангу позволено, т.е. администрация, в которой есть люди, имеющие определенное влияние, помощники и т.д. Кроме того, есть родственный круг. И есть те, кто считается преданными друзьями. Но все это очень размыто, и есть разные мнения в обществе, потому что вслух никогда об этом не говорится и нет никаких явных указаний. Кто-то о чем-то догадывается, кто-то что-то знает, поскольку общество маленькое и можно с разных позиций на все это смотреть.

А насчет масс-медиа – это очень важный вопрос, потому что, действительно, без масс-медиа трудно себе представить нормальный политический процесс. К сожалению, Абхазия в этом плане очень обделена. У нас есть государственный канал, на который абсолютно закрыт путь оппозиции. Амцхаре удалось прорваться благодаря тому,

что они могут и пригрозить и сказать, что соберут огромный сход и т.д. Но мы никогда не хотели действовать такими методами, поэтому представителей Возрождения просто не допускают до телевидения. А что касается местных телестудий, которые есть в каждом районе, есть и коммерческое телевидение, но, к большому сожалению, в 94-м году было издано постановление Кабинета Министров о временном наложении запрета на передачи политического характера. Это было связано с угрозой со стороны Грузии, чтоб не раскачивать лодку. Но этот период, к сожалению, растянулся на 6-7 лет, и вот сейчас журналисты обратились к премьер-министру с просьбой отменить этот запрет. Запрет собственно выражается в том, что когда выдают лицензию на вещание, там содержится пункт: «мы будем воздерживаться от публикаций и передач общественного звучания...». Премьер согласился с тем, что это не нормально и обещал над этим поработать. Но не знаю, что ему удастся.

С газетами немного лучше. У нас есть независимые «Нужная газета», «Эхо Абхазии», они совершенно разные. «Нужная» более, что называется, бульварная или желтая, и они этого не стесняются, но в то же время готовы публиковать любые критические материалы и это делают, и за это часто бывают биты. Есть еще одноименная газета у «Айтайра». И в последнее время она пользуется большой популярностью. Люди часто приходят к нам и просят газету. Приезжают из районов. Появилась новая грузино-абхазская газета «Панорама». Совместная газета, совершенно новый проект. И еще есть журнал «Гражданское общество». Действительно очень хороший журнал, который освещает все проблемы нашей жизни.

Паата Закареишвили – Меня просили сделать маленькую презентацию по Грузии, и, надеюсь, мои коллеги меня дополнят. Я считаю, что в Грузии настал один из самых важных этапов современной истории за последние 10 лет. На 2 ноября 2003 г. назначены парламентские выборы. Это одна из последних политических акций, на которые еще может повлиять Шеварднадзе. Потом формально заканчиваются его полномочия. Так что у общества Грузии есть шанс спасти ситуацию. В Грузии почти не осталось политиков, даже среди приверженцев Шеварднадзе, которые не подвергают его серьезной

критике. Вообще рейтинг Шеварднадзе в Грузии очень упал. Над ним смеются. Никому не пожелал бы такой судьбы. Потому что он уже умер при жизни. В этом смысле я очень сочувственно отношусь к ситуации в Абхазии, где президент в самом деле болеет и физически не может управлять. Но Шеварднадзе физически здоров, и при его здоровье он уже не у власти. Вся Грузия, даже он сам, размышляют о постшеварднадзевском периоде – что будет, когда его не будет. И вся предвыборная кампания в Грузии разворачивается сейчас как раз под этим знаком. Как только он уйдет, никто не будет считаться с его ближайшим окружением, которое сегодня пользуется незаслуженными привилегиями. Поэтому единственный шанс у них на этих выборах самим укрепить свою власть, чтобы продержаться до следующих выборов и потом уже управлять ситуацией.

В этом контексте очень интересно движение оппозиционных сил, которые тоже серьезно готовятся к выборам. От Шеварднадзе ушли все, кто мог. Они, как крысы, бросают тонущий корабль. Все те, кто раньше могли выступать в угоду ему и пользовались им, теперь уже не в его лагере. Там нет ни одной фигуры, лидера, который нужен был бы в обществе. Их фамилии знают, можно сказать, максимум 5% общества. В том числе более или менее знают наши коллеги-абхазцы, которые так или иначе информированы о том, что происходит в Грузии. Люди Шеварднадзе сегодня – это люди, не имеющие никаких дивидендов. Все известные имена ушли в оппозицию – они как-то стараются влиять на ситуацию и понимают, что Грузия должна перешагнуть через этот барьер и показать миру, что власть в Грузии можно поменять. В конце концов, Грузия – это не Шеварднадзе. Грузия больше, чем Шеварднадзе. Если же во власть опять придут через административные органы, через административные службы, через фальсификацию выборов, и так или иначе у власти останется команда Шеварднадзе, тогда, конечно, превращение Грузии в банановую республику станет неизбежным.

Что происходит в оппозиции? В оппозиции есть несколько популярных, весомых сил, которые называют себя правыми демократами. Лично мне трудно сказать, что они правые и что они демократы. Скорее я бы их назвал псевдодемократами, потому что они пользуются демократическими лозунгами, лозунгами правого толка, но они

за них не болеют. Для них главное, что на эти ценности клюет Запад. Эти люди больше спекулируют западными ценностями, чем болеют ими. Но, несмотря на это, в случае их победы на выборах или их прихода к власти каким-то образом, вероятность продолжения в Грузии демократических преобразований остается. Если в парламенте останется команда Шеварднадзе, то эта вероятность уменьшается. А если у власти окажутся демократы, я думаю, в пропасть мы не рухнем, по крайней мере, остановимся на краю пропасти. Вот такой момент. Кого можно причислить к ним? Это Национальное движение – лидер Саакашвили. Моя Республиканская партия тоже туда входит, и я, в принципе, числюсь в их команде, хотя я довольно часто их критикую, и многие удивляются, что я до сих пор в этой команде. А я считаю, что критикую конструктивно, потому что хочу, чтобы они стали лучше. Затем идут Объединенные демократы, возглавляет их Зураб Жвания, бывший спикер парламента. Там гораздо больше тех членов парламента, которые составляли ядро Союза граждан. Все, более или менее относившиеся к реформаторскому крылу бывшего Союза граждан, сегодня объединились вокруг Жвания. В этом блоке находятся и «Новые правые», первыми покинувшие Союз граждан. Это, в основном, люди, которые имеют деньги, имеют свой бизнес, новые грузины, скажем так. Там два лидера – Гачичеладзе и Гамкрелидзе – и много других людей, которые имеют состояния и хотят их сохранить. Я не слышал от них по-настоящему правых идей – они хотят сохранить свой бизнес. К ним примыкают еще не до конца определившиеся националисты, которые в последний момент могут перекинуться к власти.

Очень интересный момент в том, что Шеварднадзе смог заарканить и приобщить к себе одну из знаковых фигур – Ирину Саришвили, лидера национал-демократов. Сейчас она рупор правящей партии, это просто поразительно.

Другое сильное и важное оппозиционное крыло – это аджарский феномен, Демократическое возрождение Грузии. Лидер – Аслан Абашидзе, он же лидер Автономной Республики Аджария. Оппозицией это движение можно назвать условно, так они сами себя называют, но на самом деле это не так, потому что у них есть рычаги власти. А для меня оппозиция в классическом понимании – это та

политическая сила, которая не владеет рычагами власти. С тех пор как Гамсахурдия назначил Абашидзе председателем верховного совета Аджарии, он ни разу не бывал в Тбилиси. Даже Ардзинба чаще приезжал в Тбилиси, чем Абашидзе. Он просто поддерживает в Грузии ту ситуацию, при которой никто не свергнет его власть в самой Аджарии. Они не проводят в Грузии никакой другой политики, только постоянно устраивают демарши в парламенте (для вас это знакомое явление). Ни в какой парламентской работе они не участвуют. Единственное, что они протаскивают уже 6 лет в парламенте – это свободную экономическую зону для Аджарии, и то не могут. Они имеют огромное количество голосов, в первую очередь в Аджарии – там они полностью контролируют ситуацию. В Аджарии абсолютный авторитаризм в буквальном смысле этого слова, как, например, в Средней Азии. Ни о какой оппозиции там не может быть и речи, всех оппозиционеров давно выгнали. Уровень жизни там чуть выше среднего по Грузии, как в тоталитарном государстве, когда все управляется сверху. Абашидзе постоянно спекулирует этими голосами. Как только Шеварднадзе становятся нужны голоса перед выборами, он приезжает в Аджарию, и они обо всем договариваются. У Абашидзе полный контроль над пропускным пунктом на границе с Турцией, откуда поступают огромные деньги. За это Абашидзе платит ему своими голосами, которые в случае необходимости можно направить на решение любой задачи.

Вот это два крупных, скажем так, оппозиционных крыла, которые могут набрать много голосов.

Еще один интересный феномен – это популярность демагогии, популярность лейбористской партии под руководством Нателашвили. Он играет только на низких чувствах населения – обещает все бесплатно: образование и пр. У него, можно сказать, очень высокий рейтинг. Он и Саакашвили имеют самые высокие рейтинги. И Нателашвили, и Саакашвили выступают против Шеварднадзе. Они оба победили в органы местного самоуправления: Нателашвили под лозунгом «Демонтаж системы Шеварднадзе», а Саакашвили – «Грузия без Шеварднадзе». И набрали 50% голосов. То есть население голосовало не за кого-то из них, а против Шеварднадзе. Но в Грузии эти деструктивные лозунги до сих пор срабатывают.

Никто не говорит о том, что будет делать, все говорят, что выступают против Шеварднадзе. Это хороший лозунг – не надо думать, как они будут управлять государством. Притом все играют на западный лад, скажем так. Даже Нателашвили. Единственный пророссийский политик – это Абашидзе, что явно бросается в глаза. Он имеет, конечно, авторитет в Абхазии, но не в Грузии. И есть одна явно пророссийская партия – социалистическая партия Рчеулишвили, который примкнул к Шеварднадзе, тем самым показав, что не надеется получить голоса. Других более или менее ярких пророссийских сил, создавших какую-то организацию, нет. Хотя бывший министр МВД Хатишвили создал организацию «Медведь», которая не исчезла, но популярной не стала.

То есть в политическом раскладе Грузии Россия почти не видна. Все, в основном, ориентируются на Америку. И здесь было совершенно справедливо сказано, что Европа – это одно, а США – другое. Я тоже с этим согласен. Я больше проевропеец, так скажем, и меня больше пугает США. Но в Грузии даже политики не понимают разницу между Европой и Америкой. Запад – это Америка, к которой примкнули все остальные. Многие даже не понимают, почему Европа была против Иракской войны. Многие не могут этого вербализовать, объяснить. Иракская война прошла мимо общества. Очень мало людей выступало. Только пацифисты выступили, 5-6 человек. И на интеллектуальном уровне было очень мало, я почти ничего не читал.

Все смотрят на то, насколько ты антишеварднадзист, с одной стороны, а с другой стороны, насколько ты проамериканец. Это два критерия, определяющие сегодняшнюю политическую ситуацию в Грузии. Про экономику никто ничего не говорит. Запад, особенно Европа, крайне негативно оценивает нынешнюю ситуацию в Грузии. Все международные институты, международные организации, которые так или иначе следят за Грузией (Всемирный банк, валютные фонды, правозащитные организации и многие другие) в ежеквартальных отчетах все хуже и хуже оценивают происходящее в Грузии. Но на это никто сейчас не реагирует. Сейчас не до оценок Запада, все хотят прорваться к власти. Единственный плюс, который есть во всем этом, это то, что впервые в Грузии обозначена борьба за

власть, по-настоящему. Потому что всем политическим силам, которые хотят прийти к власти, нужны голоса избирателей. Чего раньше не было. Запад, все его послы, прямо дали понять, что они следят за тем, как пройдут выборы и от этого зависит будущая поддержка Грузии, ее экономики – прощение долгов и т.д. Но Шеварднадзе в самый последний момент может выкинуть любой фокус. Например, может сделать какой-то пророссийский шаг. Потому что, например, все, что происходит сейчас в Азербайджане и чего не может простить Запад, может простить Россия. Поэтому не исключено, что его команда потребует от него, чтобы он пошел на какое-то более серьезное сближение с Россией. Если такое случится, тогда, конечно, ситуация будет сложной. Тогда и все демократические институты развалятся.

Гурам Одишария – Мы говорили о газетах, телевидении. В последний период в Грузии открыто несколько новых телеканалов с политическим уклоном. Это началось с начала года. В основном, по этим каналам говорится об отрицательном, так, чтобы эта отрицательная информация и энергетика переходила на слушателя. Они как бы засыпают слушателя этой информацией. Я очень боюсь этих выборов, потому что, как правильно сказал Паата, сейчас сконцентрированы силы со всех сторон. Последняя информация была о том, что криминал, который часто бывает на Ингури, тоже баллотируется. Шенгелия, так называемый партизан, в интервью сказал, что он еще подумает, какую из правых партий выбрать. *(Смех в зале.)* И я серьезно боюсь, что вдруг окажется, что такие люди выиграют выборы...

И еще я бы добавил, что есть такая болезнь – болезнь власти, которой серьезно болен наш президент. Накал сверхполитизированности набирает мощь. Я лично этих выборов и этого периода вообще побаиваюсь.

Нодар Сарджвеладзе – Действительно, с приближением выборов потенциал агрессивности растет. И на этом фоне (это мой личный прогноз) Шеварднадзе может заработать очень много дивидендов, потому что сама манера действий оппозиции и многих других лю-

дей построена на принципе агрессии – обругать, напасть и т.д. Каждый вечер по телевидению идет шоу ругательств, нападок и т.д. Люди устали от этого. Я думаю, что у Шеварднадзе не только низкий рейтинг, но и команда очень слабая, но если он и его команда наберут какие-то очки, то можно сказать, что Шеварднадзе наберет эти очки в одиночку. Он как альпинист, который поднимается на вершину в одиночку. У меня лично есть вот такое ожидание.

И еще можно сказать, что у многих есть ощущение, что люди в последний момент не придут на выборы. То есть будет большое количество людей, которые из-за такой агрессии и усталости не пойдут на голосование.

И второе ощущение: что многие боятся приближения этой даты, думают, что может произойти столкновение... У многих людей есть ожидание, что то ли прольется кровь, то ли что-то случится. Так что сейчас в Грузии очень напряженная ситуация.

Нателла Акаба – Как вы думаете, на кого делает ставку Америка? Поскольку она больше всего влияет на политические процессы.

Эмиль Адельханов – Мне думается, что Америка еще ничего не решила и спокойненько выжидает, что будет. Я так думаю, что, может быть, она делает ставочку на одного кандидата, но в принципе не думаю, что это серьезная ставка.

Паата Закареишвили – Я все-таки не отметил еще одну фигуру – Нино Бурджанадзе, спикер парламента. Это очень важная фигура, и я очень восхищен ею, считаю, что она один из самых умных и интересных политиков Грузии. Она очень хорошо разобралась в подводных течениях и сохранила максимальную нейтральность, хотя свои симпатии, скажем так, не прячет и дает о себе информацию специально, чтобы показать, насколько она привлекательна для западных государств. Она недавно ездила в США. В Вашингтоне, где был более или менее принципиальный разговор, ей дали знать, что там ждут от Грузии чего-то нового. И очень многие люди, в том числе и я, считают, что она наилучший кандидат, который может, если не допустит каких-то серьезных ошибок, скоординировать и сколотить се-

рбезное околоправое демократическое крыло, если ей не помешает Саакашвили, потому что он таких конкурентов не терпит. Я не делаю ей никаких скидок как женщине. По всем параметрам она в самом деле абсолютно состоявшийся политик, и даже хорошо, что женщина, это один из плюсов.

Надо отметить еще один положительный момент – то, что все-таки в Грузии состоялось гражданское общество и состоялись независимые СМИ. И те, и другие очень влияют на общественное мнение и просто так не дадут в обиду ни себя, ни общество. Если Запад и делает на кого-то ставку, то именно на медиа и НПО, от которых получает более или менее достоверную информацию. Если Саакашвили, Жвания и «Новые правые» найдут общий язык и перед выборами смогут выйти единым списком, я уверен, что Запад сделает ставку именно на них, притом окончательно.

Нодар Сарджвеладзе – У Бурджанадзе, наверное, большое будущее. И сейчас есть большая конкуренция между оппозицией и правительственными кругами по поводу того, на чью сторону станет сама Бурджанадзе. Многие говорят, что та партия, к которой она присоединится, будет иметь больше шансов на парламентских выборах. Сейчас идет конкуренция, с кем она будет. А с кем она будет? – Вы же знаете женщин! *(Смеется.)*

Паата Закареишвили – Она сохранит нейтралитет. Вообще-то она в уникальной ситуации. Она всегда была ближе к команде Жвания, но она из семьи, которая близка к Шеварднадзе. Ее отец – очень известный хлебный магнат. До сих пор весь хлеб в его руках. А он очень близкий друг Шеварднадзе. Эти околородственные связи она очень хорошо использует, но состоялась как политик уже без всяких оговорок, без всяких отцовских связей, она сама такая. Американцы ей как спикеру сказали, что ждут от Грузии большего и не потерпят того, что происходит в Грузии сегодня, но не ее в этом вина. То есть она не отвечала за происходящее. Ей дали знать, что если она будет продолжать до конца свою политику, они будут поддерживать ее и тех людей, которые будут вокруг нее.

Арда Инал-Ипа – Мне кажется, Запад будет работать с любой властью, которая придет. Что происходит в Средней Азии и Азербайджане? Они прекрасно работают с теми режимами, которые казнят людей, и это, оказывается, не является важным фактором для того, чтобы пресечь какие-то экономические программы. Конечно, может быть, есть какие-то силы, которым они больше симпатизируют, но кто бы ни пришел к власти в Грузии, если там есть американские интересы, то они их используют.

Паата Закареишвили – Согласен, но с оговоркой. Американцам, конечно, легче иметь дело с демократическим государством, чем с недемократическим. Поэтому они, конечно же, будут стараться максимально поддерживать те силы, которые будут больше гарантировать сохранность американских интересов. Конечно же, с любой властью, которая может прийти в Грузию случайно, неожиданно, американцы будут стараться иметь отношения, даже с Абашидзе, потому что для них важен их экономический интерес. То есть, если американцы увидят, что власть не будет выступать против их экономических интересов, они будут поддерживать любую власть.

Пола Гарб – Я, по-моему, прошлым летом, здесь на заседании, говорила, что после Шеварднадзе с Грузией вообще не будут считаться, то есть вся поддержка Грузии идет только за счет его авторитета, все еще сохранившегося в Вашингтоне. С тех пор прошел уже год, и я не знаю, как изменилось настроение сейчас.

Паата Закареишвили – Геополитические интересы Америки, а именно нефтяные, конечно, не будут поддерживаться так, как при Шеварднадзе, но так или иначе будут поддерживать режим благоприятствования...

Батал Кобахия – В постсоветских, признанных или непризнанных, странах находятся люди, которые повторяют модели авторитарной власти. И американцы, и вся Европа с ними поддерживают отношения. Например, в частности, в Гааге мы говорили с представителями ОБСЕ, где они долго кричали, что не признают Абхазию. Но, тем не

мене, когда я задал вопрос – как может случиться так, что ОБСЕ финансирует милицию в Киргизии – и не в области образования милиции в области защиты прав человека, а просто финансируют вооружение, экипировку, зарплату (вскоре после этого эту милицию использовали для расстрела мирной демонстрации, когда погибли 13 человек), они очень обиделись. То есть это еще раз говорит о том, что Акаев уже не демократ и все лидеры центральноазиатские, кого Запад поддерживает. Понятно, что они поддерживают свое влияние в регионах, а остальное неважно. И конечно, если уйдет Шеварднадзе, будут другие лидеры с другим имиджем. Если уйдет Владислав Ардзинба, будут говорить с другими людьми. Может быть, честно говоря, было бы очень хорошо, чтобы ушли такие яркие личности во всех постсоветских республиках, чтобы мы уже ориентировались не просто на сильных и ярких лидеров, находящихся у власти, а ориентировались на систему власти, парламент, законодательство, творчество общественное и политическое. Но я сомневаюсь, что, если сейчас Шеварднадзе уйдет, то американцы будут меньше любить Грузию, потому что они не Шеварднадзе любят, а нефть любят, территорию.

Алхас Тхагушев – У меня вопрос по поводу Надареишвили. Кто сегодня реально может обеспечить голоса беженцев? Есть какие-то силы?

Батал Кобахия – А беженцы разве имеют право на голосование?

(На следующий день)

Паата Закареишвили – Итак, есть ли преимущества для сторон в том, чтобы сохранялось статус-кво? Случайно ли стороны конфликта не торопятся? Мы говорим, что ни у одной из сторон нет разработанной стратегии выхода из конфликта. Как они будут добиваться своих целей? Как Грузия собирается добиваться, например, восстановления территориальной целостности, возвращения беженцев? Все это остается на уровне лозунгов. С другой стороны, с абхазской, тоже нет написанной концепции, какими шагами они собираются добиваться полной независимости, полного признания и стать субъектом международного права. Я думаю, за этим стоит какая-то другая стратегия. Обе стороны предпринимают шаги к тому, чтобы затянуть время и этим что-то выиграть. У нас, когда мы общаемся с нашими коллегами, экспертами, даже с оппонентами, постоянно возникает вопрос – в чем заключается смысл этого затягивания времени, и что преследует, например, грузинская сторона, какие надежды с этим связаны? Может быть, есть какая-то информация о том, что, например, к 2010 году всех беженцев вернут во всем мире?! Или есть надежда, что за полчаса раздадут, как слонов, решение проблем – Абхазию вернут, Осетию вернут, Чечню? Что за этим кроется и что мы теряем? Почему-то все спокойно смотрят на то, что время идет, и все ждут как какую-то манну небесную, что Абхазию поднесут упакованную, на блюдечке. Чем больше времени проходит, тем труднее будет решить этот вопрос, если вообще будет возможно решить. В Грузии никто ничего не просчитывает. Может быть, Грузия ждет каких-то результатов после какого-то времени и пытается использовать эту отсрочку в свою пользу? Но время же не остановилось на 92-м-93-м годах, все движется вперед, и у России свои интересы, и у абхазов свои, у других сторон тоже, в ООН намечаются какие-то реформы, Евросоюз вырабатывает какие-то стандарты и выставляет требования... Все в мире движется вперед. Поэтому если ты стоишь на месте, значит, отстаешь. Считают ли в Грузии и в Абхазии те потери, которые они могут понести и те препятствия, которые могут возникнуть в результате этого затягивания? Я чувствую, что чем больше затягивается время, тем тяжелее будет решать конфликт.

Мне кажется, что у Грузии этого не понимают. И ни у одной партии, о которых мы говорили, Абхазия не стоит во главе угла, никто не собирается смотреть на Абхазию вообще, тем более, смотреть по-новому. Если кто-то вспоминает об Абхазии, то абсолютно под старыми лозунгами. Даже Нино Бурджанадзе, хотя я считаю ее достойным политиком и возлагаю на нее надежды – по отношению к Абхазии у нее тоже какие-то стереотипы и клише. Она тоже считает, что время, которое прошло, ничего не испортило. Подумаешь, еще 10 лет пройдет. Беженцы будут так же, но об этом никто не думает.

Какие положительные результаты принесла для Грузии блокада? Чем мы можем гордиться? Я считаю, что блокада еще больше отдалила Абхазию от Грузии и усугубила ситуацию. Но в Грузии так не думают. Та же самая Нино Бурджанадзе думает, что мы всеми средствами будем стараться решать абхазский вопрос мирным путем. Но какими мирными средствами, нигде не видно. А в случае необходимости, если абхазская сторона не сядет за стол переговоров и не пойдет на какие-то уступки, мы оставляем за собой право решать этот вопрос другими средствами. Имеется в виду, конечно же, силовой метод. То есть ничего не меняется. У меня остается ощущение, что затягивание времени само по себе стало стратегией. Сознательно ее никто не выработывал, но время шло, шло и шло, и всем понравилось: затягивание времени ничего плохого не принесло, Абхазию никто не признает – это здорово, хорошо, но рано или поздно что-то случится. Беженцы не очень-то возникают, сидят у себя там в унижительных условиях и абсолютно не ропщут. Единственное их требование – это возвращение в Абхазию. И никто не понимает, что если здесь к ним власть так по-свински относится, то там, даже если начнется возвращение, власти ничего не сделают, чтобы защитить их безопасность. В лучшем случае, если возвращение состоится, то их безопасность и их судьба никому не будет нужна.

То же самое чувствуется и в Абхазии. В Абхазии тоже есть позиция выжидания. Скорее всего, абхазы тоже ждут, что в мире что-то изменится. На самом деле накапливаются проблемы непризнанных стран, территорий, которые заявляют о себе. Ясно, что об этих непризнанных государствах рано или поздно будут говорить на каком-то уровне. Скорее всего, в Абхазии этого ждут. Насколько эти ожи-

дания обоснованы и насколько они могут что-то получить – это вопрос. И что они теряют в процессе этого ожидания? Можно ли было в Абхазии выстроить какую-то стратегию? Вот эта полная стагнация отношений явно бросается в глаза на фоне тех конфликтов, которые так или иначе стали сферой наших интересов. Мы изучаем и другие конфликты. Мы вместе ездили в Северную Ирландию, читали и слышали многое о Кипре, видим, что происходит в Палестине. Везде конфликты. Нигде они не разрешены, везде идут процессы, предпринимаются какие-то шаги, и шаг за шагом к чему-то приходят и от чего-то уходят. У нас же ничего подобного не происходит. Мертвая тишина. Никого ничто не волнует. Почему бояться шагнуть навстречу друг другу? Даже если, к примеру, Грузия скажет, что она согласна обсуждать вопрос о независимости Абхазии, это же не значит, что на следующий же день она будет признана, но процесс начнется. Или наоборот, если абхазы заявят, что готовы обсуждать разные вопросы, в том числе вопрос общего государства с Грузией, это не значит, что с завтрашнего дня Абхазия войдет в состав Грузии. Опять-таки начнется какой-то процесс. В этом процессе, возможно, появится огромное количество разных выходов, вариантов развития. Чего бояться стороны, которые не делают такие шаги? Во всех конфликтах, и на Кипре, и в Северной Ирландии, видно, что те, кто делают шаг в сторону уступок, в итоге выигрывают больше. Они получают больше дивидендов, больше поддержки и т.д., и т.д. Эти проблемы никто в Грузии не обсуждает, и кажется, в Абхазии тоже.

И на нашем таком форуме было бы неплохо обсудить эту тему. Думаю, если мы более или менее глубоко ее обсудим, то можем спровоцировать размышления внутри наших сообществ. В самом деле, подумаем, к чему может привести такое затягивание времени для обеих сторон. Я был бы очень рад, если дискуссия будет в этом контексте.

Нателла Акаба – Думаю, что сегодня в Абхазии действительно многих устраивает статус-кво. Может быть даже сегодня, на мой взгляд, больше людей, довольных статус-кво, чем было раньше. Но на это есть целый ряд причин. Наверное, первое и самое главное – это то, что статус-кво лучше, чем то, что нам предлагается и навязывается.

То есть я очень хорошо знаю, чего абхазы не хотят. Они не хотят возвращения в прошлое, возвращения к тем взаимоотношениям с Грузией, которые были. По сути дела ничего иного пока абхазам не предлагается. Хотя то, что предлагается, иногда бывает упаковано в какую-то немного более привлекательную оболочку, но на самом деле за этим ничего нового не стоит. И поэтому совершенно очевидно, что статус-кво – это лучше, чем вхождение в состав Грузии. С этой точки зрения очень логично то, что статус-кво сегодня устаивает все большее число людей, хотя никаких специальных соцопросов не проводилось. Поскольку все международные организации и страны, которые влияют на процесс урегулирования, повторяют, что признание абхазской независимости невозможно, значит, лучше статус-кво, чем нечто другое. Слишком мало альтернатив для Абхазии. Грузия тоже ведь не предлагает нескольких вариантов, Грузия все время предлагает возврат к прошлому.

В то же время, наверно, в головах абхазских политиков существует представление о том, что уж лучше так, как сейчас, потому что время работает на нас. Они считают, что в мире что-то будет изменяться (все более и более очевидно – не все вопросы можно решить в старых схемах) и что действительно может произойти какой-то пересмотр. Сейчас уже происходит пересмотр теории о суверенитете, о границах. Пока это происходит больше на уровне экспертов, но постепенно эти изменения достигнут и уровня политиков. При этом важно, что процессы, которые происходят в Европе, действительно позволяют надеяться на то, что могут быть найдены какие-то совершенно новые решения, которые невозможно втиснуть в старые схемы. Думаю, есть такое понимание.

Что касается Грузии, мне кажется, что ей тоже очень выгоден статус-кво, поскольку сегодня Грузия еще не способна военным путем решить проблему Абхазии. Логично предположить, что грузинские политики могут думать так: «Мы создадим сильную армию, вступим в НАТО, и НАТО нам поможет». В то же время, есть, наверно, надежда, что и в Абхазии тоже происходят какие-то процессы, может произойти какой-то раскол или деструктивные явления, или придут к власти люди, которые с большей охотой будут

идти на сближение с Грузией. Поэтому, мне кажется, действительно статус-кво на сегодняшний день очень удобен. Мы все уже привыкли к ситуации, в которой находимся, что создает определенную иллюзию безопасности.

Арда Инал-Ипа – Конечно, с абхазской точки зрения есть некоторые преимущества в том, что, хоть и де-факто, но постепенно все стороны привыкают к такому положению вещей. В Абхазии мы не можем себе позволить, как в Грузии, просто не думать о конфликте. Вы можете забыть об Абхазии и заниматься другими вещами, для нас же состояние конфликта и непризнанности – наша жизнь, поэтому мы от этого не абстрагируемся. Другое дело, что мы видим, наши власти сейчас видят решение проблемы не в изменении взаимоотношений с Грузией, а через установление новых схем взаимоотношений с Россией. Здесь нельзя сказать, что абсолютно не делается никаких шагов. Эти шаги делаются в другом направлении. В этом смысле нет полного согласия с обществом. Общество как бы разделилось. Частично люди готовы быть просто частью России. Частично поддерживают предложение об ассоциированных отношениях, не совсем еще понятное, хотя уже даже разработано положение об ассоциированных отношениях с Россией. Есть люди, которые не хотят ни того, ни другого, а хотели бы добиваться независимости Абхазии.

Но с другой стороны, я бы не сказала, что абсолютно не было никаких шагов и во взаимоотношениях с Грузией. Например, что касается Гальского района, то еще в 98-м году было объявлено в одностороннем порядке о возвращении гальских жителей. Этот факт на самом деле был очень важным, и наверное, не всех устраивал, потому что после этого последовало обострение отношений и была спровоцирована гальская война. Но, тем не менее, несмотря на последствия, очень многие люди вернулись даже на практически выжженные земли, и они исчисляются десятками тысяч. И если сравнивать, допустим, с тем же кипрским конфликтом, то здесь толерантность абхазских властей гораздо выше, и это не мои слова, а слова экспертов, которые говорят, что гораздо более жесткую позицию держали власти Северного Кипра, когда не возвращали ни одного беженца. Такие процессы, как возвращение гальских беженцев, не

в каждом конфликте происходят, несмотря на то, что абсолютно никаких дивидендов за это абхазская сторона не получила. Кроме того, мы понимали, естественно, что у нас нет достаточных сил контролировать эту территорию. Там, конечно, криминальные группы с двух сторон действуют и т.д. Но, тем не менее, этот процесс пошел практически по воле абхазской стороны и не замечать этого, я считаю, нельзя. Другое дело, что делается вид, будто этого не происходит, за исключением нынешнего года. Я, например, не согласна с тем, что воцарилась абсолютная тишина, потому что сейчас все-таки начинают говорить о том, чтобы признать и зафиксировать этих людей как вернувшихся беженцев. Все эти годы у них был статус беженцев, они ездили в Зугдиди за гуманитарной помощью и вообще у них сформировался очень своеобразный образ жизни из-за того, что они находятся между двумя сторонами. Поэтому я считаю, если хотите увидеть что-то, то было что увидеть и раньше и как-то реагировать на какие-то проделанные шаги.

С другой стороны, если говорить о выгодах Грузии, то, мне кажется, есть еще один фактор, который не подталкивает Грузию к решению конфликта. Складывается впечатление, что эксплуатируется образ жертвы конфликта. Можно подсчитать в финансовом отношении, сколько дается в виде гуманитарной помощи, кредитов и т.д. Думаю, здесь тоже есть какой-то расчет.

Батал Кобахия – Мне хотелось бы поставить вопрос таким образом: а могут ли абхазы и Грузия иметь собственную стратегию в решении абхазо-грузинского конфликта? У меня складывается впечатление, и не думаю, что это только мое впечатление, что посредники (Россия) такой возможности пока еще не предоставляли. Если я не ошибаюсь, была одна попытка грузинских и абхазских властей пойти на какие-то переговоры или хотя бы на предварительное обсуждение, когда Россия возмутилась: «Как это без нас, как это вы можете?» Даже на уровне развития гражданских инициатив международные организации не дают особенно разгуляться представителям из Абхазии и из Грузии, и не очень-то хотят, чтобы построение мер доверия шло без их консультаций и вне их стратегии. А ресурсов для влияния у них достаточно. Я хочу сказать, что посредники,

как правило, имеют свое видение разрешения конфликта. В связи с этим думаю, что такая стагнация в переговорном процессе связана с тем, что ни Россия, ни Америка пока еще не определились. Сегодня ясно одно: для России Абхазия – все-таки нужная территория, которую нужно пока придерживать. Это видно даже по тому, что, предоставив абхазам упрощенную возможность получить российское гражданство, Россия вернула абхазам право на передвижение. Люди смогли решить одну из основных послевоенных проблем – теперь они могут передвигаться, и поэтому напряжение в обществе немножко спало. Конечно, если бы Грузия сама предприняла какие-то шаги, чтобы решить проблему передвижения абхазов, то это не было бы заслугой России, но Грузия, как всегда, опоздала, так же как в переговорном процессе. То, что она могла сделать раньше, уже сделала Россия. Опять Абхазия получает основное право, которого лишилась в результате конфликта, не от второй стороны конфликта, от которой могла бы ожидать, а от третьей стороны.

Я полностью согласен с Паатой, когда он говорит, что абхазы тоже ждут, что, может быть, что-то изменится в мире. Но в этом есть определенная логика, потому что мы свидетели того, как вообще изменился мир после 11-го сентября. Совершенно изменилось отношение к демократии, например, и в принципе все может измениться. Но главное для абхазов, почему они не торопятся менять ситуацию, это вопрос возвращения беженцев. Абхазия рассчитывает, что если пройдет время, проблема беженцев как-то решится сама собой. Хотя я не думаю, что если бы Абхазия сегодня сказала, что она готова принять всех, беженцы сразу так бы и вернулись. В первую очередь возник бы вопрос безопасности и масса других вопросов. Сегодня Грузия в переговорном процессе ставит вопрос возвращения беженцев, но ни разу не поставила вопрос о репатриации абхазов. Опять же опоздала. Был Женевский процесс 96-го года, который закончился в 2000-м году, по проблемам перемещенных лиц, когда пересматривались международные стандарты в отношении статуса различных перемещенных лиц. Тогда Грузия могла бы все-таки его поставить, чтобы показать себя сильной. Все-таки это признанное государство. Грузия декларирует, что уважает демократические ценности и хочет соблюдать права, и могла бы заявить о справедливом ре-

шении вопроса беженцев для абхазов. Проблема репатриации абхазского населения очень важна. И сегодня еще есть шанс, потому что документы, принятые в рамках Женевской конференции, считаются открытыми и могут быть изменены. Абхазы-то ставили этот вопрос, и парламент принимал решение. Правда, мы не смогли довести этот процесс до логического конца, но проблема актуальна до сих пор. Грузия могла бы этот вопрос поставить перед мировым сообществом, потому что проблема возвращения беженцев не решается только по желанию Грузии или Абхазии, или еще кого-то. Нужны международные программы по развитию для того, чтобы люди могли вернуться.

Грузия тянет время, потому что зависит от позиции Америки. Раньше было предположение, что американцы помогут им вернуть Абхазию очень демократично, а теперь есть опасение, что они это могут сделать так, как в Афганистане и Ираке. Грузия, я думаю, опасается – и может быть даже больше, чем мы – что американцы вынут ее таким образом возвращать Абхазию.

Я считаю, что можно было бы начать процесс оживления переговоров. Конечно, Абхазия могла бы сама сказать: давайте возвращать беженцев, только давайте продумаем процедуру. И думаю, что если бы мы начали процедуру продумывать, то и Грузия, и Абхазия поняли бы, что сегодня это практически невозможно. В принципе, мы говорим об одном и том же, но главная и основная тема в том, что ни абхазы, ни грузины не имеют собственной стратегии и никогда ее не имели. Они думали, что имеют, но на самом деле стратегию имели другие, но запутались в своих делах.

Нодар Сарджвеладзе – Вопрос очень хорошо поставлен. Выбор ограничен. Нателла тоже говорила, что Грузия и Абхазия в малой степени что-то решают на основе своих ресурсов. Встает ключевой и традиционный вопрос – а кому это выгодно? Если рассмотрим ситуацию в рамках вопроса «кому это выгодно?» на различных уровнях населения допустим, на бытовом уровне человека с улицы, на политическом уровне то найдем, что очень многим слоям общества совершенно не выгодно сразу решать проблему. Например, когда у одного человека брали интервью по поводу перемен, которые сей-

час ожидают в Грузии, он сказал: «Разве так можно жить? Мы зашли в тупик, надо что-то менять». Потом, когда мы спросили о том, что произойдет в его жизни, он сказал: «Я с трудом кое-что построил, и если Шеварднадзе уйдет, то придется все заново менять». И оказалось, что на самом деле он не хочет этих перемен и разрешения проблем, которые встали перед Грузией. Это пример того, что на поверхностном уровне люди что-то хотят менять, а на самом деле для них лучше статус-кво, потому что перемены могут изменить ситуацию к худшему. Поэтому одна из мотиваций людей – это «кабы не было хуже».

Кто еще выигрывает? Большая выгода у криминальных структур, а наши общества криминализированы снизу до самого потолка, включая политиков. У обоих игроков есть огромное количество людей, завязанных на длительном конфликте, которые по-своему решают проблемы передвижения грузов, занимаются наркобизнесом, контрабандой и т.д. Например, тот же Дато Шенгелия содержит большую часть Менгрелии. Однажды в Зугдиди мы оказались одновременно в одном ресторане с Дато Шенгелия. Нас было много, и мы хотели занять более просторный и престижный зал, но до нас вошел Дато Шенгелия, и нам сказали, что 2 часа нам придется ждать. И мы, как в советское время, в очереди стояли и сидели, как дураки, потому что заказ уже был сделан и отказаться было невозможно, тем более, что в Зугдиди большого выбора ресторанов нет. Когда мы возмутились: «Что происходит, что мы из-за этого Дато не можем войти?» нам ответили: «Дато Шенгелия всех нас содержит». Конечно, обыкновенный зугдидский мужик выигрывает от того, что продлевается конфликт, существует Дато Шенгелия, существуют его подельники с абхазской стороны и т.д. И кто-то выигрывает. Не только Дато Шенгелия в выигрыше от сложившейся ситуации, но и многие другие.

И наверное, если провести анализ на политическом уровне, там тоже большие финансовые ставки и т.д., которые дают возможность людям что-то выигрывать оттого, что конфликт находится в неразрешенном состоянии долгие времена. Думаешь иногда – на что люди больше нацелены: на разрешение конфликтов или на сохранение конфликтов? Это часто в жизни возникает, и в личной жизни тоже –

люди иногда предпочитают сохранять конфликт, нежели разрешать. Тем более на политическом уровне, если конфликт приносит дивиденды. Сохранение конфликта и статус-кво может быть более выгодно, нежели его разрешение.

Еще выгода может быть связана с поступлениями, о чем уже говорила Арда. Ведь если ты предъявляешь Западу тяжелую ситуацию, неразрешенный конфликт и т.д., и т.п., у тебя становится больше шансов добиться каких-то финансов. Не знаю как у вас, не могу говорить за абхазов, но в грузинских НПО, в которых занята наиболее продвинутая часть общества, наблюдается феномен аггравации. Когда они пишут проекты, то аггравируют, то есть преувеличивают плохую ситуацию, чтобы показать донору, что если он не даст деньги, то произойдет катастрофа. Это происходит даже на уровне НПО, где люди прошли тренинги, знают о требованиях доноров и главное, осознают, что надо граждански мыслить, надо быть реалистом, но тем не менее аггравируют ситуацию. Когда политики выступают по телевидению, тоже аггравация налицо. Например, политики говорят, что если не будет правильных, строгих выборов, то все разрушится, и Грузия окажется где-то в средневековье. Это все ерунда. Конечно, будет плохо, но такая степень аггравации связана, безусловно, с тем, что кто-то хочет от этого выиграть. Та же политическая партия, которая предлагает такую аггравацию, хочет выиграть голоса и т.д. Это хороший способ накалить людей, чтобы они отдали свои голоса. И финансы, конечно. То же самое и со стороны государства, со стороны самого Шеварднадзе шла та же идеология. После того, как Шеварднадзе вернулся в 93-м году, самый главный концепт был – концепт помощи: мы будем получать помощь Запада. Помощь – это магическое слово, магический концепт, вокруг которого крутятся по спирали или кругу другие концепты, такие, как развитие, строительство и т.д. В центре всего находится помощь, потому что мы будем развиваться, если нам помогут, и будем строиться, если нам помогут и т.д. Но тебе вряд ли помогут, если ты разрешишь конфликт, если не будет никаких проблем. А если не получить эту помощь, тогда как же эти коррумпированные элементы будут класть в свои карманы огромные деньги? Поэтому, если посмотреть мотивацию людей на разных уровнях жизни: бытовой, чиновничьей, пра-

вительственной, то почти на всех уровнях людям выгодно жить в ситуации неразрешенного конфликта. Вот такой у меня ответ в этом отношении.

Инал Хашиг – Нодар, в принципе, сказал о тех людях, которым эта ситуация выгодна, но это, наверное, неполная картина. Я думаю, нынешняя тупиковая ситуация, стагнация конфликта связана еще с такой деталью, как то, что стороны так и не смогли реально оценить ни саму ситуацию, ни свои возможности. Уровень амбиций заметно превалирует над реальными возможностями. Сегодня претензии грузинской стороны все-таки происходят из-за того, что Грузия фактически проиграла эту войну и у нее масса требований. У Абхазии требований чуть меньше: оставьте нас в покое, дайте нам спокойно жить – это единственное требование. Но с другой стороны, абхазы для себя не определились, что такое для них независимость. Независимость – это жить независимо только от Грузии или это строительство своего отдельного государства? На сегодняшний день существует такая проблема, что, говоря о независимости, некоторые имеют в виду какие-то отношения с Россией, вплоть до вхождения в ее состав. То есть у абхазов существует своя проблема – нет четко выверенной линии. Если четко выверенная линия была года 3-4 назад, то после объявления возможности ассоциированных отношений с Россией появились сомнения. С другой стороны, Грузия ведет себя так, как будто не было никакой войны. У политической элиты столько амбиций и столько гонора, что трудно понять, кто, в конце концов, эту войну выиграл. Совершенно непонятно, как Грузия собирается разрешать конфликт. Недавно был скандал с министром госбезопасности Хабурдзания, который одновременно заявляет, что они придерживаются плана мирного урегулирования и что уже почти разработан план военного решения вопроса. Непонятно, сама Грузия чего хочет? Мирно договариваться или как? И международное сообщество не очень реально подходит к существующим проблемам, постоянно идет на поводу у каких-то амбиций, декларирует претензии грузинской стороны. Сегодня создаются фактически мертворожденные документы. Тот же план Бодена, который разрабатывался 3 года, фактически оказался

мертворожденным. И сам Боден это понимал, потому что еще на стадии разработки этого документа с абхазской стороны был получен однозначный отрицательный ответ. Этот документ не был компромиссом, потому что два основных положения о территориальной целостности Грузии и возвращении беженцев учитывали только грузинские интересы. На мой взгляд, у грузинской стороны отсутствует реальное понимание положения дел.

И сейчас тоже опасная ситуация. В переговорном процессе возникает определенная трудность. С годами уже определились основные посредники в переговорах, постоянно действующая форма переговоров – Координационный совет под эгидой ООН. Сегодня этого Совета фактически нет, он умер. Способствовали этому и сами международные посредники. Сегодня формат переговоров пытаются подогнуть под группу друзей Генерального Секретаря ООН по Грузии. Сама формулировка «по Грузии» ни о каком посредничестве не говорит. И это уже заведомо не устраивает абхазскую сторону. А если даже в вопросе о посредниках одну из сторон это уже не устраивает, то о каких тогда результатах этих переговоров может идти речь в дальнейшем? Чего они хотят от этих переговоров, и каких результатов хотят добиться?

Гурам Одишария – Фамилия Шенгелия звучала вчера и сегодня несколько раз. Если не ошибаюсь, есть шенгенская зона, да? Значит, есть и шенгелиевская, уже не только в Зугдиди, но и в других местах (*смех в зале*). К великому сожалению, всё больше и больше становится тех людей, которых устраивает эта ситуация в Грузии. Поэтому мы не просто в тупиковой ситуации, а в глубоком тупике. Кавказ похож на родину этих тупиков, а среди кавказских республик рекордсменом является Грузия.

Реплика из зала – Армяне обидятся... (*смех в зале*)

Гурам Одишария – Я говорю свое мнение. Как это объединило всех абхазов и грузин – все против меня (*смех в зале*). Я беженец, а беженцы не принадлежат никакому обществу, ни тбилисскому, ни абхазскому, они где-то посередине (*смех в зале*).

У нас есть гроссмейстеры, которые создают такие ситуации и которых это устраивает. Но у нас есть люди или сообщества людей, которые могли бы найти выход из тупиковой ситуации. Но к великому сожалению, нет механизма привлечения этих людей, чтобы они стали теми, за словами которых последовали бы какие-то решения. Поэтому цифра Института мира о том, что в мире урегулировано только 4% конфликтов из 100%, которые возникли за последние 50 лет, и для Грузии, и для Абхазии очень печальна. Я думаю, что наш конфликт хронически взрывоопасный. Периодически ситуация серьезно обостряется. Вспомним 98-й год, гальские события, затем кодорские события, и буквально перед нашим вылетом сюда появилась информация о троих убитых в Зугдиди, так называемых звиадистах, и двоих на мосту. Якобы грузины и абхазы стреляли друг в друга. Женщина убита в Гали, но ее не абхазы убили, судя по интервью, которое давали члены ее семьи. Мы привыкли к этой ненормальной ситуации и почти не обращаем внимания на подобные сообщения. Когда, скажем, в Гааге взорвался газ и спасли мальчика в критическом состоянии – это передавали по Евроньюс. Возникла какая-то интеллектуальная усталость среди народных дипломатов, которые занимаются конфликтом. Есть люди, которые уже махнули рукой, и с уходом таких людей становится больше тех, кого устраивает такая ситуация. В Грузии сейчас промежуточный период. Об этом и Нателла тоже говорила, и действительно, чего я боюсь больше всего – что если бы были силы, начались бы военные действия. Поэтому промежуточную ситуацию мы видим не реальной, а карикатурной. Я вчера о телевидении говорил – плохое телевидение, потому что общество плохое, и на экранах мы видим себя. Представьте, когда в одно зеркало смотришь на себя, а там двадцать зеркал, и ты смотришь во все, и ты не очень-то хороший, и должен стать лучше, и устаешь от этого. Когда в Абхазии прошла одна электричка, шум был по всей Грузии. Когда меня журналисты с телевидения спрашивали, одобряю я это или нет, я сказал, что там живут и ездят на этой электричке такие простые люди, которые, может быть, живут даже хуже, чем беженцы, а мы вот шумим. Но грузинское правительство, которое не смогло сохранить контакт и связи со своим народом, не сможет устано-

вить доверие с абхазским народом. Это еще больше усугубляет ту-пиковую ситуацию.

Абесалом Лепсая – Мне очень понравилось выступление Нодара, я полностью с ним согласен и хочу сказать, что наши общества действительно живут уже внутри определенной, сложившейся культуры конфликта, со своей терминологией, со своим мартирологом. Сложилась определенная система отношений. И действительно, менять эту систему отношений, эту культуру конфликта очень сложно, хотя, конечно, это нужно делать. Почти во всех конфликтах складываются такие системы отношений. Они могут быть ужасными, но люди привыкают. Это определенный способ жизни, который очень трудно менять. И более того, можно сказать, что такая система отношений и культура конфликта становится в каком-то смысле даже условием для самоидентификации, как это не печально.

И еще один аспект. Я согласен со многим, что здесь говорилось. Но все-таки в обоих сообществах нет опыта работы с конфликтами. Мы все время оперируем какими-то окончательными целями: территориальная целостность, независимость, и понятно почему. Но работа с конфликтом у нас не ведется. Мы не ведем ступенчатой, постепенной, целенаправленной работы по управлению этим конфликтом – это связано с отсутствием стратегии. Это объясняется, конечно, и слабостью обоих сообществ, потому что очень трудно принимать решения, когда правительства являются заложниками внутривосполитической ситуации.

МОСКВА, 22-24 ДЕКАБРЯ 2003 г.

Паата Закареишвили – Я привез пресс-релиз ноябрьской шляйнинговской встречи. В нем даны общие позиции и список тех, кто участвовал во всех встречах шляйнинговского процесса. Должен сказать, что список довольно внушительный и эффектный. Двенадцатый Шляйнинг состоялся в самом городе Шляйнинге. С абхазской стороны участвовали Олег Аршба (это начальник пограничной службы), члены парламента Беслан Бутба и Илья Гамисония, Манана Гургулия, Леонид Лакербая, Станислав Лакоба. Во встречах всегда участвует по семь человек от каждой стороны, но на сей раз от абхазов было шесть – в последний момент отказался Астамур Тания, и его не успели заменить, поэтому абхазы были в меньшинстве. С грузинской стороны был Давид Дарчиашвили, это политолог из Кавказского института. Еще был Коба Давиташвили, член парламента (сам еще не разберется какого – и того, и другого) и один из самых главных революционеров. Он был, можно сказать, двигателем революции. Поэтому абхазским участникам было бы интересно пообщаться именно с ним и получить информацию из первых уст. Участвовал также Зураб Эрквания – заместитель начальника департамента контрразведки. Эрквания – генерал КГБ, ВПЛ из Абхазии, был председателем совмина Автономной Республики Абхазия в изгнании и в 1998 году ушел в отставку (после майских событий в Гальском районе). В грузинской группе был еще Георгий Качарава, он тоже считается перемещенным лицом, но работает сейчас в Совете безопасности. Одной из самых ярких фигур на этой встрече был Котэ Кублашвили. Он был замминистра юстиции, когда министром был Саакашвили, они вместе работали. Он федералист, один из самых крупных специалистов в Грузии по этой теме, защитил докторскую диссертацию в Германии. Он самый молодой иностранец, который защитил докторскую диссертацию в Германии, при этом заслужил самые высокие оценки. В самом деле, очень крупный юрист, и его вклад в эту встречу был просто великолепный. Шалву Пичхадзе вы знаете, он пока остается на месте. Он советник по международным делам в госканцелярии. Вот это люди, участвовавшие в шляйнинговской встрече. В этом пресс-релизе вы можете ознакомиться с общими позициями,

но основной дух определялся, конечно, интересом к тому, что происходит в Грузии. Обсуждали перспективы – новые возможности и потенциальные опасности. В этом контексте проходила вся шлейнинговская дискуссия. Я могу рассказать, какие вопросы мы там обсуждали. Это ситуация в Грузии. Одну встречу провели о том, как смотрят на сложившуюся ситуацию в Грузии грузины и как реагирует на ноябрьские события Абхазия. Обсуждали выборы в России. Российские и грузинские выборы, скажем так, совпали друг с другом, и мы, наверное, еще поговорим о том, как Грузия и Россия резко взяли разные стороны, разные вектора. По крайней мере, видимые вектора. Пока еще результатов мало, но то, как они направляются и какие новые перспективы появляются для Абхазии, вот об этом тоже шла речь. Как Абхазия воспринимает ситуацию с точки зрения своих политических интересов – такой вопрос тоже был задан. Каковы будут последствия российских выборов для Абхазии? Как абхазы воспринимают США с точки зрения своих политических интересов? Обсуждались и отношения Грузии с Аджарией. Абхазы поставили такой вопрос, и мы досконально старались ответить на него. Отношение новой политической элиты к Абхазии, какие у них есть позиции и вообще есть ли у них позиции. Ситуация в Абхазии и анализ политической ситуации в самой Грузии. Говорили также о внутриполитической ситуации в Абхазии. Было названо десять наиболее вероятных кандидатов в президенты Абхазии (по данным социологического исследования), в том числе те, кто, наверное, не сможет принять участие в выборах из-за законодательства Абхазии, но воспринимаются абхазским обществом как кандидаты. На первом месте Хаджимба, он получил 22 процента и имеет наибольший шанс, на втором Анкваб – 15 процентов, Багапш идет на третьем месте – 12 процентов, Станислав Лакоба на четвертом – 11,2 процента. На пятом месте Леонид Лакербая – 10,4 процента, потом идет Владислав Ардзинба (он не будет участвовать в выборах, но население его все-таки отметило). На седьмом месте Нодар Хашба, восьмой – Сергей Шамба, около 4 процентов, потом Алеко Гварамия – ректор университета – около 2 процентов, и замыкает список Анри Джергения – 1,2 процента. В Абхазии идут динамичные процессы. Это показатель развития общества. У некоторых, правда, сложилось впечатле-

ние, что это кризис власти. Наоборот – о каком кризисе может идти речь, когда это мнение выразило население? То есть, население не может терпеть стагнацию и ставит власти своими требованиями в такую ситуацию, из которой нужно искать выход. Я считаю, что это нормальный, позитивный процесс. К сожалению, то, что происходило в Абхазии прошлой весной, что мне кажется положительным процессом, грузинская пресса старалась представить с отрицательной стороны – мол, никак не могут вырваться из кризисной ситуации. А я как раз хочу сказать, что это очень хороший процесс, потому что он показывает, что общество существует и у него есть своя динамика, свои интересы, что в обществе существуют разные мнения, и при столкновении этих интересов формируется что-то новое. И такие процессы надо приветствовать. Был поставлен вопрос: каков баланс сил в абхазском обществе на сегодняшний день, каковы ключевые проблемы, в чем выражается демократия в Абхазии, каковы ее составляющие. Чего там ждать от грузинских выборов? Потом обсуждался вопрос об отношении международного сообщества к Кавказу. Потом роль внешних факторов в грузино-абхазских отношениях в целом, перспективы изменения ролей в отношениях России и Запада, реакция России на события в Грузии и Азербайджане, отношение международного сообщества к новым государствам. Вот такие вопросы были поставлены.

Абхазская сторона сформулировала свою позицию – перспектива отношений между сторонами не может строиться на принципе территориальной целостности. А у грузин было такое положение – отношения должны строиться с учетом сохранения традиций абхазской государственности, обязательно на этом основании. И второй принцип – односторонний отказ от принципа этнического доминирования, гарантия этнической идентичности для абхазов. Обсуждалось также представительство Абхазии в международных организациях.

Вопрос – В связи с чем обсуждались эти предложения?

Паата Закареишвили – К этим принципам, то есть, к тому, на каких принципах должны строиться взаимоотношения, мы вышли к концу дискуссии.

Лиана Кварчелия – То есть, это все выработалось во время работы в группах?

Паата Закареишвили – Да, грузинская и абхазская группы сперва разработали свои позиции, а потом шла работа в смешанных группах. Очень хорошо перекликалось с нашей летней встречей.

Одним из интересных вопросов был договор о мире с международными гарантиями. Это была позиция абхазов. А позиция грузин была – невозможность силового решения. И различие между ними очень много обсуждали. Первый вопрос был наиболее интересным. И была очень хорошая общая дискуссия, где грузинская сторона постаралась показать, как можно спасти ситуацию, чтобы реализовать конфедеративные/федеративные, скажем так, позиции, не спровоцировав какие-то антиабхазские процессы и чтобы Грузия при этом не навредила себе. То есть, эти предложения не провоцировали территориальное разделение Грузии, а с другой стороны, сохраняли безопасность и государственность в Абхазии. Видно было, что грузины старались не хитрить и вместе искать выход из положения. Предложения позволяли обсуждать разные варианты с учетом абхазских интересов. Это была, в самом деле, очень содержательная дискуссия – и для абхазов тоже, которые сочли это предложение очень интересным, над которым можно работать. Мне показалось, что абхазы почувствовали, что грузины не лукавят – наоборот, помогают абхазам посмотреть на эту ситуацию по-новому, так, чтобы их достоинство не было ущемлено, а их ожидания были реализованы. И мне кажется, это получилось – в таких обсуждениях и в самом деле есть ресурсы взаимопонимания. К сожалению (и я это подчеркнул в своем выступлении), грузинская сторона не реализует ничего такого, о чем говорим. И вот сейчас есть шанс реализовать те позиции, которые обсуждались в Шляйнинге. Вы, наверно, знаете, что в Грузии есть группа, которая работает над концепцией урегулирования. Есть возможность, чтобы Саакашвили использовал эти наработки, если у него будет такое желание. У Саакашвили пока нет никаких позиций, он не оформился, то есть, ему сейчас не до Абхазии. И в принципе в этом ничего плохого нет, хотя и ничего хорошего тоже – если он собирается стать президентом, то должен был об этом думать, во вся-

ком случае, иметь хоть какое-то представление. Но он не имеет никакого представления, и это пока даже хорошо – у него нет никакой агрессии. Хотя мы, наверное, об этом отдельно будем говорить. У него уже были агрессивные заявления, но, как мне кажется, они не страшны. Их можно трактовать и как-то по-другому. В любом случае планируется с ним встреча, и если разговор состоится, я думаю, Саакашвили смогут убедить, что процессы идут, есть какие-то интересные наметки и можно будет их обсудить.

Мы хотели привлечь к составлению концепции двух-трех крупных конфликтологов из Западной Европы – Швейцарии, Германии. Но пока не получается их пригласить, не успеваем. Потом, наверное, Котэ Кублашвили поедет в Европу, мы пошлем с ним наш документ, и он его опробует, будет консультироваться. Потом эти материалы можно будет опубликовать и вынести на всеобщее обсуждение.

Над этой концепцией работает пять человек, и без их разрешения ее содержание нельзя пока разглашать. Но кое-что я могу сказать. Пока еще не все сформулировано, пока еще все в черновом варианте. Но, скажем, сердцевина этого документа, основные принципы уже написаны, подготовлены проекты различных договоров.

Гурам Одишария – Два дня назад была передача, и кто-то затронул абхазский вопрос, и сказали, что Тина Хидашели и команда (остальных не перечислили) разрабатывают какую-то концепцию по Абхазии.

Абесалом Лепся – Когда мы были в Ирландии и Тина там выступала, то я, например, почувствовал, что многое было хорошо продумано, и это было не случайно...

Паата Закареишвили – Мы тоже вам это говорили. Но сейчас это все на самом деле оформилось, уже имеет какие-то контуры. И в Шляйнинге тоже обсуждались настолько конкретные вопросы, что явно было видно, что это не просто с воздуха взято. И сразу была видна реакция абхазов. И это было неплохо. Я думаю, что после того, как концепция будет написана, самое первое, что нужно будет сделать – это кулуарные обсуждения с абхазами, потому что мы не хо-

тим, чтобы это было политической акцией. Мы хотим предложить такое, что можно принять или не принять, но обсуждать. И одной из первых задач будет обсуждение именно с вами, с теми людьми, которые, может быть, в марте, когда будет встреча, рассмотрят какие-то наши позиции. Мы не спешим, мы хотим быть готовыми к публикации этого материала к концу февраля-началу марта. В любом случае этот документ может заработать только после того, как будет обсужден с абхазами.

Реплика – Это предложение?

Паата Закареишвили – Да, это предложение как абхазам, так и международному сообществу. На координационной встрече в Тбилиси присутствовал второй секретарь посольства России. Мы и там не скрывали, что такая работа ведется, и он сразу почувствовал, что что-то происходит и проходит мимо России. После встречи он подошел ко мне и начал меня мучить: «Как это? Где это? Как можно получить документ?»

Я считаю, что Грузия впервые может озвучить что-то более или менее дельное. Конечно, будут довольно серьезные поправки, но это позволит вести дискуссию в обществе, и это будет интересно. Хотя может случиться и так, что дискуссия не приведет к каким-то результатам, потому что все-таки очень много должно быть сделано в Абхазии, а в Грузии на это смотрят немножко поверхностно. Когда этот документ будет раскрыт и будет больше возможности говорить, я могу рассказать, как шел процесс. Даже в этой группе, которая и вправду очень серьезно работает, есть недопонимание и недоверие: когда мы собирались и вели очень интересные дискуссии, в нашей группе все-таки было ощущение – а не лукавят ли абхазы, не обманывают ли. Какое-то недоверие явно чувствуется и со стороны абхазов, и это естественно, но очень портит ситуацию. Я не знаю, как потом будет использовано политиками то, что мы напишем, но все, что мы говорили и предлагали абхазам – это абсолютно искренне.

По этой концепции грузины не получают сперва численного превосходства над абхазами, чтобы не было реванша, чтобы абхазы почувствовали, что грузины переосмыслили то, что произошло. Грузи-

ны не готовы больше... и даже не хотят думать о том, что можно вот таким насильственным путем говорить с этим народом или усмирить его каким-то обманом или насилием, или давлением. Ситуацию может спасти только уважение и учет их интересов. Мы так и говорили, хотя некоторые, может быть, думают: а вдруг абхазы это по-другому поймут, а вдруг используют это против нас? Очень мешает незнание абхазского общества. И это незнание идет от нежелания что-то знать. Как-никак, тема важная, но грузины после новых событий опять в эйфории от того, что международное сообщество нам теперь поможет и учитывать абхазские интересы не так уж и важно. Но это следующая тема, и мы поговорим об этом потом.

Реплика – Если можно, расскажи более подробно о реакции участников-абхазов.

Паата Закареишвили – Реакция была живая. Не было отторжения. Вопросы были поставлены так, что абхазы почувствовали, что их интересы учитываются. Вся презентация была направлена на то, чтобы показать наше старание учитывать прежде всего ваши интересы. Но при этом мы учитываем и то, что никто в мире сейчас не готов признать независимость Абхазии в таком контексте, как сейчас, как ставят этот вопрос абхазы. Перед Грузией никто из международного сообщества такой задачи не ставит. Некоторые абхазы говорят – а что стоит Грузии нас признать, вы, мол, облегчите и свое положение, и наше... Но так не получится, даже если грузины были бы готовы признать. Я не раз уже говорил: на признание может пойти очень сильное государство, которое может сказать, что не в его интересах сегодня быть с Абхазией. Как раз самое трудное для грузин – это признать Абхазию. Я лично считаю, что грузины и абхазы могут построить довольно сильное единое, общее государство, которое будет служить как интересам абхазов, так и интересам Грузии. Я это однозначно вижу. Но моей целью является не это. Для меня процесс важнее, чем результат. Если мы договоримся и независимость Абхазии станет реальной, то меня это абсолютно не покорбит и не оскорбит, и не унизит, наоборот. Я и в Грузии часто говорю, что если бы я стоял перед выбором: развитая, процветающая, устойчивая

Абхазия, но независимая – или униженная, оскорбленная, уничтоженная, но в составе Грузии, для меня первое гораздо важнее, чем второе. Для меня, например, наиболее важно, наиболее приемлемо и даже для России приемлемо – если будет процветающая, развитая и гарантированная безопасность, и не в составе Грузии, а в какой-то другой форме, где Абхазия и Грузия будут на равноправных основах и началах. Вот это для меня приемлемо.

Абесалом Лепсая – То есть, вот эта конкретная концепция в Шляйнинге не обсуждалась?

Паата Закареишвили – Нет. Там был такой вопрос, например: как вы видите выборы в абхазский парламент? Как будет готовиться договор между Грузией и Абхазией?

Лиана Кварчелия – Речь шла о принципах.?

Паата Закареишвили – Да, как реализовать эти принципы. Не просто какие-то лозунги, а как их реализовывать. И были ответы, говорящие о том, как все это может работать.

Гурам Одишария – Эта встреча продвинулась на несколько шагов вперед, в отличие от других?

Паата Закареишвили – К сожалению, нет. Мне кажется, что новые события в Грузии и, в меньшей степени, в России и вероятные события в Абхазии привнесут изменения в этот процесс. Вот эти три компонента внесли новую динамику в ноябрьский Шляйнинг. Очень много ресурсов использовалось для углубления анализа ситуации, но распространения идей, подключения более широкого круга не происходит. Мне кажется, в этом виновата в первую очередь все-таки грузинская сторона, она не использует те сигналы, те позиции, которые озвучивают абхазы, она их не слышит и не хочет слышать. Один из наших участников как-то сказал, что чувствует, что мы должны что-то делать, что абхазы что-то от нас ждут, ведь публичные заявления – это одно, а внутренняя динамика требует

от нас чего-то другого, а мы не делаем ничего. И вот тогда к нам пришла идея – что, если найти людей, заинтересованных в том, чтобы поддержать группу, которая напишет для властей что-то более или менее дельное, чтобы потом все это оформить? Точно так же, как мы писали антикоррупционную программу. То есть, есть госзаказ и работает НПО, они пишут, а потом государство берет эти разработки и предлагает от себя. Если будет госзаказ и будет гарантировано, что разработанные нами идеи будут потом реализованы и не будет необоснованного отказа, тогда мы можем найти людей, которые вошли бы в рабочую группу. И вот в таком контексте мы работали.

Гурам Одишария – В последнее время очень часто проходят вот такие тематические встречи: революция роз и абхазский вопрос – в Фонде Сороса, затем в Фонде Белля. Многие именно так ставят вопрос, особенно те, кто давно связан с этой проблемой. Жизнь, конечно, быстро меняется, и фразу Саакашвили, которую он часто произносит в интервью – «Я не Шеварднадзе» – уже повторяют в народе, а это значит – уже многое изменилось. Так вот, на одной из встреч Малхаз Патарая...

Паата Закареишвили – Я постоянно хочу пригласить его на наши встречи, но в последний момент он всегда отказывается. Я хочу, чтобы он почувствовал более реально, что происходит в Абхазии. Он молодой и очень влияет на процессы. И я хочу, чтобы он почувствовал настроение в Абхазии.

Гурам Одишария – К сожалению, он сейчас далеко... Он – заместитель председателя телерадиокомитета.

Паата Закареишвили – Уже нет, он оттуда ушел. Сейчас он в неизвестном обществе им. Ильи Чавчавадзе, его абхазском филиале, наиболее активной части этого общества. Сейчас этой организации в Грузии нигде не существует, а его абхазское бюро до сих пор существует, оно довольно агрессивное и довольно жизнеспособное.

Гурам Одишария – На встрече, о которой я говорю, еще выступали Миша Мирзиашвили и Лаша Бакрадзе. Фасилитировала Марина Элбакидзе. Еще присутствовали молодые ребята, которые принимали участие в разных встречах по линии Лакербая и Юлии Харашвили (в летних детских лагерях). Была еще сама Юля, был Зураб Шенгелия. Первым начал Малхаз Патарая, высказал свое мнение, надежды и т.д. До этого я хочу сказать, что Саакашвили дал два интервью, в которых затрагивал абхазскую проблему. Он говорил, что ему снится Абхазия и что он готов надеть форму и решить эту проблему военным путем и т.д. На днях он выступал еще раз, но это выступление отличалось от первого. Он сказал, что для Абхазии мы не привлекательны, что у нас слабое государство, что мы должны построить сильное государство, чтобы стать привлекательными для абхазов.

Пола Гарб – Когда он это сказал?

Гурам Одишария – Дня три-четыре тому назад. Эти два разных мнения одного человека вызвали разные надежды и разные эмоции в разных сферах. Скажем, среди тех, кто думает о войне, реванше и т.д. – это вызвало какой-то оптимизм, что наконец-то пришли те люди, тот человек, который решит этот вопрос. А другие связывают свои надежды уже со второй постановкой вопроса.

Так вот, выступавшие анализировали ситуацию. Очень конструктивно говорил Лаша Бакрадзе. А Малхаз Патарая упомянул проект Пола Гарб, упомянул фамилию Закареишвили и сказал, что от того, что издали восемь томов, не изменилось ничего. Но потом выступила Юля Харашвили, и мне тоже пришлось выступить, потому что там были молодые люди, и они слушали все мнения, и пришлось защищать этот проект – естественно, приводя аргументы. После этого Патарая уже сказал, что он просто к слову упомянул Закареишвили и этот проект. А потом спросил, что вообще стоит за этими встречами, что мы делаем, каковы результаты этих встреч. Потом говорил, что обижен, что он написал проект и ему не дали компьютер и т.д., что он сам все напишет от руки и докажет геноцид грузинского народа, этночистку и т.д. Вот такие термины он применял. Потом он перешел на права человека, говорил о том, что беженцы не живут в

своих домах и что он будет их защищать. Он, можно сказать, наехал на Надареишвили, сказал, что он обязательно должен уйти. Но удивительно, что те, кто требует, чтобы Надареишвили ушел, тоже беженцы – люди войны. Они обвиняют его в том, что он вовремя не послал в Гаагу какие-то документы, что он занимается своим бизнесом, разбогател, заботится только о своем рейтинге и т.д. Они говорят, что придут и сделают, что надо. С Малхазом Патарая я давно не общался, я даже не знал, что он думает. Живя в одном городе, мы мало знаем о позициях друг друга, и в этом смысле встреча была полезной. Я понял, что есть опасность, если эти структуры, так сказать, легитимная власть, сохранятся, а Надареишвили уйдет, то официально придут люди, которые в три раза хуже него. Я не знаю, какая команда там собирается, но они туда рвутся. Есть еще другая команда, в которую входят Парцвания и другие, менее агрессивная, они являются сторонниками диалога. Я так думаю, что воевавшие люди, тем более те, которые стали на путь миротворчества, имеют больше влияния в Абхазии, чем, скажем, в Грузии.

Паата Закареишвили – А кто там был вместе с Патарая?

Гурам Одишария – Он был фактически один. Даже Лаша Бакрадзе сказал ему, что если он собирается сказать о геноциде, то должен сказать о геноциде и о преступлениях и с грузинской стороны. Он согласился и сказал, что они это тоже изучают. Но он был сверхагрессивным. И он не один такой.

Сейчас многие связывают свои надежды с новыми людьми у власти.

Дискуссия еще была для меня интересна тем, что там я увидел молодых людей, которым по 20-22 года и которые, как и взрослое общество, делятся на две категории – даже те, кто принимал участие в каких-то встречах.

И еще одно впечатление: есть поколение войны, которое видело войну, а на этой встрече я увидел поколение, которое выросло после войны и у которого нет к ней иммунитета и которое стремится к чему-то такому. И вот тогда мне стало страшновато.

Пола Гарб – А в чем проявлялась агрессивность?

Гурам Одишария – Скажем, один молодой человек сказал: «Я вот слушаю вас, это хорошо, что вы встречаетесь, я тоже был один раз. Но это ничего не даст...» Я, правда, не понял, на какой встрече он был. Видимо, по программе Лакербая. Он рассказал, что его семья живет в тесноте, в одной комнате трое или четверо, а сейчас их стало даже больше и жить стало очень трудно. Он честно сказал, что переживал. И сказал, что без войны ничего не получится.

Я поблагодарил всех за то, что они высказали свои позиции. И я решил почаще участвовать в таких встречах, потому что теперь редко можно обсуждать все эти вопросы вот так, сидя в одной комнате. Получается так, что те, кто участвует в диалоге, встречаются чаще. Они создали свою колонию со своими идеями, типа тех, о которых говорили Малхаз Патарая и другие. Они говорят, что у них свои истины. Видимо, такие встречи надо участить, потому что некоторые из молодых участников ушли с этой встречи уже другими людьми. Мне пришлось в конце выступить минут на пятнадцать, и я с ними беседовал. Ну, это не понравилось Малхазу Патарая, и он начал возмущаться – почему он беженец и живет не у себя дома. Я ему ответил, что есть реальная политика, и есть другие реалии. И что мы должны по-другому посмотреть и реалии принимать – с учетом интересов и т.д. Он сказал, что не знает никакой реальной политики, что он там жил и будет там жить. Он вышел из себя. Я его мало знал до этого случая, и многое меня удивило. Даже Юля Харашвили с ним поспорила. На встрече была и Лиана Берия, женщина, которая вовлечена в эти проекты, и они тоже сильно поспорили...

Реплика – А о чем они спорили?

Гурам Одишария – Они говорили, что НПО – это ничто и что вообще не надо никаких НПО. Малхаз Патарая почему-то обращался к ней и обвинял в том, что они не дали ему компьютер, что они вообще кушают деньги и хорошо живут, что у них есть гранты.

Там, в основном, были люди из Абхазии и еще из движения «Кмара». Представители этого движения соглашались со мной, говорили,

что надо делать какие-то новые шаги. Кмаровцы мне очень понравились. Я думал, что они более агрессивны, но оказалось, что они очень конструктивны. И среди беженцев тоже были конструктивные ребята. Особенно конструктивными были те, кто принимал участие в трех-четырёх встречах. А агрессивными были те, которые принимал участие только в одной встрече. Там еще были молодые, которые утверждали, что ничего не получится. Один молодой человек встал и стал говорить, что сейчас они говорят так, но это не значит, что мы не должны ездить, встречаться и решать проблемы. Очень хорошо выступил Зураб Шенгелия. Он недавно был в Абхазии и рассказал об этом. Мое мнение, что нужно как-то людей вовлекать. И если есть возможность, то пусть они увидят Абхазию, повстречаются с людьми, потому что те, кто побывал в Абхазии, приезжают уже абсолютно другими людьми.

Вопрос – А вот этот Шенгелия не в АбНИИ приезжал?

Гурам Одишария – У него были встречи в Пицунде, потом он встречался с экс-комбатантами и встречался в парламенте с теми, кто был в Шляйнинге. И у них был очень интересный разговор, он предложил такие вещи, что ему даже сказали: «А где же вы до сих пор были?» Если есть возможность у Пааты, то самого Патарая надо повезти.

Паата Закареишвили – Я его приглашал на наши встречи, но он уже два раза отказывался.

Гурам Одишария – Да, у него есть сильная группа. Он еще связан с экс-комбатантами.

Паата Закареишвили – И вот то, что он так выступил, говорит мне о том, что он специально отказывается, чтобы потом быть свободнее, скажем так.

Гурам Одишария – Ему не хватает человеческого общения с людьми. Важна и среда, в которой он живет, и не только он, они живут колониями. Еще он сказал, что добьется своего в вопросе с чеченцами, и явно видно, что настроен против России.

(Шум в зале.)

Пола Гарб – Гурам, если Вы помните, может быть, расскажете, о чем говорил Лаша Бакардзе?

Гурам Одишария – Лаша Бакардзе сперва анализировал «революцию роз», говорил о «Кмара». (Перед уходом Шеварднадзе он выступал по телевидению «Рустави-2» и говорил, как подобные события произошли в бывшей Югославии, рассказывал о Кипре.) А потом он сказал, что если говорить о преступниках, то надо говорить о преступниках и с той, и с другой стороны, а не только, что одна сторона во всем виновата. Он придерживается более мирного подхода, но не исключал и военного вмешательства.

Вопрос – Можно ли подвести общий итог этого разговора? Был ли найден какой-то консенсус? Как бы ты резюмировал эту встречу?

Гурам Одишария – Я думаю, что слишком редко встречаются люди разных поколений, представители разных партий и т.д., и обсуждают проблему. Все просто фиксировали свою позицию, но чтобы пришли к одному мнению – такого не было. В итоге и одна, и вторая, и третья, и четвертая сторона говорили, что пока нет президента, а вот будет президент, и все решится. И я вспомнил Шеварднадзе – у него перед выборами бывали резкие выступления по абхазскому вопросу. Говорил, что сделает все военным путем – то есть, играл мускулами. А потом, когда его выбирали – или его самого, или парламент – уже шла другая жизнь. И я тоже сказал, что Саакашвили пока не президент, а один из кандидатов. Президент – это уже другой человек, это не кандидат. Мы даже еще не знаем, состоятся ли выборы, придут ли люди, будет ли 4 или 5 января известно, кто станет президентом. А как он потом будет работать, тоже неизвестно. Потому что там уже складывается другая система, другие советники, другие институты. И мы как-то отложили это обсуждение и сказали, что после выборов встретимся еще раз и еще раз поговорим.

Реплика – Какой была цель этой встречи?

Гурам Одишария – Выяснить позиции, кто что думает. Поэтому пригласили и Патарая, и Мишу Мирзиашвили, и Бакрадзе, который более глубоко анализировал и приводил факты.

Реплика – Бакрадзе состоит в какой-нибудь партии?

Гурам Одишария – Нет.

Паата Закареишвили – Но он сейчас довольно близок к Саакашвили. Он был одним из активистов, часто бывал на публике, очень поддерживал это движение и всячески оправдывал. Делал медиа-поддержку. Нечто подобное делал и я. Придавали всему этому человеческий вид. *(Смех в зале.)* Придавали товарный вид. Я это делал больше через прессу, а Бакрадзе через телевидение. *(Шум в зале.)*

Абесалом Лепсяя – Зураб Чиаберашвили занял какой-то пост?

Гурам Одишария – Да, он сейчас главный в комиссии, которая определяет, свободными были выборы или нет. Он уже официально этим занимается. До него председателем ЦИКа была Нана Девдариани, а сейчас председатель он. До этого он был в НПО «Свободные выборы», они проводили мониторинг выборов, и оказалось, что были явные нарушения со стороны правительства и властей. Я уже говорил, что власти живут той же жизнью, что жили раньше. И, само собой, они сделали все, чтобы проценты были в их пользу. Но Чиаберашвили и его команда очень много труда положили на то, чтобы убедить население, что те, кто занимались выборами, действительно врал. Мне очень жаль, что Нана Девдариани опозорилась, и, видимо, надолго, если не навсегда.

Паата Закареишвили – То есть, она пошла на преступление.

Пола Гарб – Сознательно пошла?

Гурам Одишария – Да, фактически. Мы думали, что она все-таки на это не пойдет. Но, видимо, сумели ее заставить...

(Запись прерывается).

Эмиль Адельханов – Мое отношение к этому – очень субъективное. Я воспринял это так: Саакашвили испугался, что через полтора года у Шеварднадзе истекает срок, и тогда Саакашвили придется проходить через предвыборную кампанию и идти к власти самым обыкновенным способом, и еще неизвестно, что тогда приключится. Он решил прийти к власти, избежав всех этих приключений, на волне народного гнева, на белом коне. Мне это с самого начала крепко не понравилось. Дальше. Когда говорят «тройка» – Саакашвили, Бурджанадзе и Жвания, то президентом предполагается все-таки Саакашвили. Саакашвили я знал, когда он еще работал у Кавсадзе. Он был байбак и лодырь. Когда он обращался в фонд Сороса, а я тогда как раз там работал, он тоже показал себя – скажем так – с нехорошей стороны. Потом он был министром. О том, каким он был министром, может рассказать уже Паата. Там были прогрессивные устремления, речи, слова и все такое, но сказать, что он своротил горы, нельзя. Причем, ответ всегда такой – мол, система ужасная, даже самые гении не смогут справиться. Гении, наверное, не смогут, но нужно еще выяснить, гений он или не гений.

Так что особой радости не было.

Значит, началась революция... Выхожу я из дома, а ко мне подбегают соседи и спрашивают: «А пенсию нам повысят?» То есть, народ явно ожидает, что все то, что говорилось на митингах – все это будет реализовываться. И это означает, что впереди будет большое разочарование или снова вспышка народного недовольства.

По-моему, его самый крупный недостаток – это то, что верхний этаж у него не самый сильный. И мне это дело совершенно не понравилось. Я это воспринял как борьбу Пустоголовых с Дубоголовыми. Дубоголовых, конечно, не жалко, но и радоваться пока нечему. Вот такая ситуация.

Реплика – То есть, лучше, чтобы все шло спокойно?

Эмиль Адельханов – Да, все и так через полтора года решилось бы.

Реплика – То есть, вы считаете, что можно было смириться с тем, что было на выборах?

Эмиль Адельханов – Это совсем другое дело. Во-первых, он готов был кричать о фальсификации в любом случае, потому что он заявил, что если Шеварднадзе наберет 25 процентов, значит, это точно фальсификация и он это опротестует. Когда он это говорил, еще и выборов-то не было. То есть, он с самого начала уже был готов. А что касается фальсификаций, увы, но там со всех сторон были фальсификации. То есть, старались и те, и эти. Наблюдатели рассказывают потрясающие вещи.

Реплика – А какие именно? Вы не могли бы рассказать?

Эмиль Адельханов – Там и приписки были, и засыпали в ящики бюллетени пачками. В Зугдиди даже какие-то вооруженные лица в масках приходили на участок. (Об этом рассказывала англичанка.) А самое паршивое, что нет гарантии, что на следующих выборах этого всего не будет. То есть, на следующих выборах будет то же самое, только теперь в роли Девдариани будет Чиаберашвили. И, скорее всего, его никто, бедного, не поругает.

Что касается Абхазии, абсолютная правда то, что они ничего пока по Абхазии не решили. Что можно ожидать в других сферах? Естественно, будет взят жесткий курс на демократию, но будет ли при этом больше демократии или нет, еще бабушка надвое сказала. Предвыборные обещания были насчет того, что наконец займутся социальными проблемами. Я помню, и Шеварднадзе однажды сказал: «Настало время повернуться лицом к социальным проблемам». (Что, до этого он задницей к ним стоял?) *(Смех в зале.)* То есть повернуться лицом к социальным проблемам обещают все. Так что пока радоваться нечему. Министр финансов на днях сказал, что в казне нет ни копейки.

Реплика – И он говорит правду.

Эмиль Адельханов – Наверное. Это что касается социальных проблем. Что еще? В каких-то вещах, по-видимому, курс будет более

либеральным, в каких-то других – неизвестно. Например, в том, что касается религиозных меньшинств – не знаю. На днях, кстати, были подвижки. Во-первых, пятого декабря восстановили регистрацию иеговистам. Будет ли так продолжаться или не будет – черт его знает. Тут, кстати, еще один момент. «Басилисты», то есть православные экстремисты, которые у нас сражаются с сектами, сильно себя скомпрометировали тем, что за день до поражения Шеварднадзе устроили ему шумную, демонстративную поддержку. Это, конечно, один – ноль в нашу пользу.

А что там дальше будет, я не знаю. Там довольно пестрая кампания собралась. Например, звиадисту Апснадзе дали пост министра. Поживем – увидим. Но особой радости пока нет.

Реплика – Все-таки как составлялись единые списки по выборам, и кто этим занимался?

Эмиль Адельханов – Этим занималось одновременно и последовательно сразу несколько организаций. То есть, списки, действительно, были кошмарными. Вот, например, в списки внесли моего покойного тестя, а мою живую дочку не внесли. А Тамару Шамиль внесли в список трижды. Она приходит на избирательный участок и просит, чтоб ее зачеркнули. А ей говорят, что у них карандаша нет. Она дает им карандаш, они зачеркивают, а она им говорит, что они не зачеркнули, а подчеркнули. Тогда женщина за столиком устраивает истерику. Тамара берет свою бумажку, идет голосовать, и тут ей говорят, что у нее нет еще другой, сопроводительной бумажки. А та женщина кричит: «Она мне все нервы истрепала, я ей ничего не хочу давать!» Вот так.

Реплика – А все-таки, каково общественное мнение – поддержат Саакашвили, потому что недовольны были прежним режимом или потому, что ему доверяют? Какой там расклад?

Эмиль Адельханов – Прежним режимом были недовольны – это факт. Поддержат еще и потому, что он победитель – победителей обычно поддерживают – и потому, что не видно альтернативы. А

еще потому, что он проводит сейчас яркую кампанию в свою поддержку. Если остальные и проводят кампанию, то смехотворную.

Реплика – А кто эти остальные?

Эмиль Адельханов – Там их штук восемь или девять...

Реплика – Но они же смогли набрать подписи?

Эмиль Адельханов – Ну и что, что набрали? Хохма: Гиоргадзе выставил свою кандидатуру и тоже баллотируется. До этого он утверждал, что жил на территории Грузии, но в Осетии, а теперь говорит, что жил на территории Грузии, но в Абхазии.

Паата Закареишвили – Если он сможет доказать, что жил в Абхазии, то это уже дало бы ему возможность...

Реплика – Но он это не доказал...

Лиана Кварчелия – Но абхазы никогда не подтвердят, что он жил на их территории.

Реплика – Он может сказать, что он жил на территории российской базы.

Эмиль Адельханов – Патиашвили даже не пытается. Отказался главный лейборист – Нателашвили.

Кстати, тут другая тема поднимается – взрывы бомб. У нас было несколько взрывов, и один из них перед офисом Нателашвили. Взрываются эти бомбы обычно, когда никого не могут ранить. Впечатление такое, как будто стараются, чтобы бомба бахнула, но при этом не было бы жертв. Хотя бывают и исключения: когда взорвалась граната, один человек погиб.

Реплика – Но это было, по-моему, случайностью.

Эмиль Адельханов – И вот тогда Нателашвили заявил, что они его боятся и не хотят, чтобы он выставил свою кандидатуру на пост президента – и отказался выставлять свою кандидатуру.

Пола Гарб – А кто все-таки заинтересован в этих взрывах?

Эмиль Адельханов – Есть несколько версий. Там был взрыв у офиса шеварднадзевского зятя. Все это сильно смахивает на провокацию против новых властей. Но возможны и другие варианты. Может, это кто-то неуправляемый из приверженцев новых властей активничает. А может, это служба безопасности работает.

Реплика – А какие все-таки отношения между этой тройкой – Бурджанадзе, Жвания и Саакашвили? И в будущем, если Саакашвили придет, как будут развиваться эти отношения?

Эмиль Адельханов – Отношения, кажется, не блестящие, но это их личное дело.

Абесалом Лепсая – Могут ли Бурджанадзе и Жвания влиять на Саакашвили? Или нет?

Эмиль Адельханов – Тоже непонятно. Потому что на него много раз пытались влиять разные люди. Вот Паата, наверное, знает, о ком я говорю. И это не очень получалось.

Паата Закареишвили – Я смотрю на это по-другому. Я абсолютно понимаю точку зрения Эмиля. Этот взгляд в обществе присутствует, и у тех вопросов, которые Эмиль поставил, есть основание. То есть, ни один из вопросов, которые он поставил, не является беспочвенным.

Но я смотрю с другого угла зрения. У меня тоже свои опасения, свои сомнения. Но у меня больше надежды и больше доверия к тем процессам, которые идут в Грузии. Я всегда стараюсь смотреть на вещи философски. Я задаюсь вопросом, есть ли у этих процессов какое-то естественное обоснование или это искусственные процессы? То, что началось в Грузии – это более естественно, чем то, что

было до того. В Грузии происходило искусственное торможение процессов, искусственная стагнация ради бюрократии, ради коррупции и т.д. Но в любом случае стагнация, как мне кажется, страшнее любого движения. Любое движение всегда обнадеживает, в отличие от стагнации. Когда идет процесс, он должен сбрасывать скорость перед остановками, и когда он поворачивается, тоже должен сбросить скорость или показать, в какую сторону поворачивает. В любом случае процесс должен быть управляемым, по крайней мере, наблюдаемым. Кто бы там ни стоял за этими процессами – Саакашвили или кто-то другой – процессы очень серьезные. И эти процессы явно выделяются на общем фоне, который сложился в СНГ. И это меня очень радует и заставляет относиться к ним с оптимизмом.

Что в итоге случилось? В итоге в самом деле случилась революция в классической форме, то есть народ, а не кто другой, не стерпел оскорбления. Народ не стерпел того, что ему вновь предлагали нечто слишком хорошо знакомое. Так бывало и раньше – фальсифицировали и раньше, но теперь уже это никто не хочет терпеть. То есть, народу уже нужны какие-то перемены. И именно энергия народа заставила власти уйти. Конечно же, воля народа была управляемой. Любая революция управляема. Здесь, конечно, виден и талант Саакашвили, который лучше всех понял и великолепно использовал в свою пользу настроение народа, чего не смог сделать Шеварднадзе. Шеварднадзе не понял, что это народ – он до сих пор уверен, что это Саакашвили. И я не согласен с Эмилем – он делал упор на Саакашвили. На Саакашвили я тоже много не надеюсь, и у меня к нему тоже много вопросов и претензий. Но он в самом деле умело использовал то, что было реально. То есть, он умело подобрал то, что валялось на улице, и хорошо использовал, чтобы удовлетворить настроения народа. И это показывает, что он стал зрелым политиком. Из него в самом деле может что-то получиться. Но в любом случае он уже состоявшийся политик. То есть, он может делать и очень много хорошего, и очень много плохого. От него можно ожидать всего. Все будет зависеть от того, в каком контексте он будет работать, в каких условиях, какое давление на него будет оказываться, кого он будет слушать и т.д. От него можно получить любой результат. В этом ничего страшного нет. Потому что после того глубокого сна, в котором была Грузия, такой всплеск очень

даже полезен. И народ сейчас более мобилизован, лучше готов следить за тем, что происходит, чем прощать все.

И еще один важный момент – это то, что все это было под лозунгом демократических ценностей, демократических институтов, а не националистических, как при Гамсахурдия. При Гамсахурдия народ тоже был очень мобильный, но тогда Гамсахурдия это использовал под националистическими лозунгами. И у него не было никакой поддержки Запада. А у лозунгов Саакашвили, конечно, есть поддержка Запада, потому что он не спекулирует. Я довольно хорошо его знаю, близко и тесно сотрудничал и знаю, что он не спекулирует демократическими ценностями, а на самом деле верит в них сегодня. Что дальше будет, я не знаю. Нельзя сказать, что он болеет за демократические ценности, но он явно видит их плюсы. Он видит, что можно сделать, основываясь на демократических ценностях, и какой успех можно от этого получить. И главное, это видят те люди, которые поддерживают его и находятся вокруг него, и те, кто на Западе его поддерживает, то есть, третьи силы. В основном, это все-таки Америка. Европа тоже, но первенствует все-таки Америка. Все они тоже ждут от него именно демократических движений, и любой шаг налево или направо... может быть, один шаг будет прощен как-то со временем, но два шага будут сигналом, что надо реагировать.

Уже давно, еще когда в России закрыли НТВ и создали какой-то «Гражданский форум», в который, как джина в бутылке, поместили все гражданское общество и Путин стал более или менее управлять НПО, подобное желание появилось и у грузинских властей. Было несколько попыток законодательно ограничить деятельность НПО, но это не получилось. И тогда попытались как-то заткнуть рот медиа, особенно «Рустави-2», потому что этот канал был самым известным, свободным и независимым. К тому же, телевидение очень влияет на общественное мнение. Когда пошло наступление властей против «Рустави-2», возник первый яркий всплеск общественного протеста, и этот абсолютно глупый их шаг обернулся тем, что создался очень серьезный общественный кризис, то есть, кризис власти. Общество не только требовало: руки прочь от «Рустави-2»! – оно призывало к отставке правительства. И общество добилось своего. Ушел в отставку и спикер парламента Зураб Жвания. Шеварднадзе почувствовал, что это

очень серьезно. А мы убедились, что у нас есть сила. То есть, сила у нас была всегда, но мы поняли – за гражданским сектором стоит народ, народ верит этим призывам. Те митинги, можно сказать, проходили на моих глазах. И это все было организовано очень мощно и эффективно. И все почувствовали, что с нами могут считаться и будут считаться. И началась очень хорошо продуманная программа: как убрать власть законным путем. И все начали готовиться к выборам. И наше общество поставило перед собой две задачи – программу-минимум и программу-максимум. Программа-минимум – это провести парламентские выборы так, чтобы максимально укрепить демократическое крыло, чтобы люди Шеварднадзе не прошли в большинстве, чтобы прошли те люди, которые на самом деле обладали силой и смогли бы вытеснить оттуда людей Шеварднадзе. А программа-максимум – победить на президентских выборах, которые должны были состояться через полтора года, весной 2005 г. Вот такие были две программы. И мы старались сделать так, чтобы не было явно выраженной ненависти, резких выпадов против властей. Мы говорили, что главное – это выборы, и что надо провести справедливые выборы. И все поверили, что через выборы можно сменить власть, и все пошли на выборы. Это было какое-то воодушевление, граничившее с ажиотажем. Я давно такого не помню. Люди специально ходили проверять списки, они поняли, что в списках есть какие-то махинации. Они по два-три раза шли проверить – есть ли они в списках. Был специально получен грант, который обеспечивал бесплатные звонки по «07», чтобы все могли получить информацию, есть ли они в списках. Люди могли проверить себя сами на сайтах. И конечно, можно было прийти на избирательные участки и проверить. Я сам дважды проверял – один раз проверил на сайте, а потом пошел все-таки на участок за два дня до выборов и убедился, что на меня и мою семью информация расписана правильно. Люди стояли в очередях, чтоб проверить себя в списках. Это было невероятно. Таких очередей я никогда не видел. Помню, такое было при Гамсахурдия, но при Гамсахурдия я сам не участвовал в выборах, я бойкотировал эти выборы.

Вопрос – Как вы добились такой активности людей, чтобы люди поверили, что выборы могут решать?..

Паата Закареишвили – Можно сказать, что добились через НПО и через политические круги – Саакашвили, Жвания, Бурджанадзе. Постоянно от них был призыв. И очень хорошо поработала НПО «Кмара». Об этом можно говорить отдельно. Если вы помните, когда мы с Тинико были в Северной Ирландии, именно в это время формировалась «Кмара», и Тинико оттуда улетела в Югославию. И вот эта «Кмара» очень хорошо поработала, невероятно эффективно. И мы, как члены фонда Сороса, помогали им очень, финансировали их работу, и мы это не скрываем. Мы видели, что эти люди реально что-то могут делать. То есть, фон был очень мощный. Действовали через «Рустави-2» и другие независимые каналы, у нас уже появилось два-три новых. За «Рустави-2» никто не стоит, кроме бизнес-интересов, коммерческих интересов. Но у нас появились и новые кампании, такие, как «Мзе» или «Имеди», за которыми тоже стоят чьи-то финансы, но для них это коммерция и поэтому они не могут давать одностороннюю информацию, потому что в таком случае люди не будут их смотреть. Поэтому они тоже вынуждены были включиться в этот свободный рынок... распространения, скажем так, свободной информации. Все эти три кампании очень мощно поддерживали любую информацию, которая распространялась в эфире, особенно по «Рустави-2».

В общем, выборы состоялись. И мы, конечно, предполагали, что будет какая-то фальсификация. Мы допускали, что фальсификация будет на уровне административных ресурсов. Мы допускали, что фальсификация будет производиться до восьми часов, то есть, до закрытия участков. И вот начались параллельные подсчеты голосов, и это было требование США: в известном письме Бейкера одним из пунктов было требование параллельного подсчета голосов. Потом власти об этом забыли, но это было легитимное право, и какая-то организация должна была провести параллельный подсчет голосов. И это право подсчета голосов было предоставлено «Свободным выборам», потому что они были наиболее готовы к наблюдению за выборами – они это делали уже не первый раз. (Я не говорю, что они это сделали на «пятерку».) Как только на участке заканчивается подсчет голосов, готовятся несколько протоколов и один из протоколов передается представителю «Свободных выборов» – официальный

протокол, подписанный всеми членами комиссии. И он посылается прямо в Тбилиси, в штаб-квартиру «Свободных выборов», минуя все областные избирательные комиссии, центральную избирательную комиссию, и прямо в тот же день попадает в компьютер «Свободных выборов». И получилось так, что они собрали почти восемьдесят процентов вот этих протоколов за один день и сразу подсчитали. (Там, конечно же, были зафиксированы и все фальсификации, которые были совершены к восьми часам.) И по этим показателям на первое место выходил Саакашвили, на второе место выходила партия власти, на третье – лейбористы, на четвертое – «Агордзинеба» (Аджария), а на пятое место Бурджанадзе – демократы (Жвания). Вот эти пять субъектов проходили в парламент, остальные не набрали семи процентов. Это вполне похоже на реальность. И я, и многие эксперты подтверждают, что никто, кроме пяти субъектов, нет мог бы перешагнуть через 7-процентный барьер. Мы допускали, что в Аджарии у партии власти будет большая фальсификация и они получат огромное количество голосов и в Аджарии, и в Квемо-Картли, где проживают азербайджанцы. Они там всегда «законопослушны» – конечно, властепослушны, а не законопослушны, всегда голосуют за власти. В свое время голосовали за Гамсахурдия, потом за Шеварднадзе и т.д. Они голосуют за тех, кто у власти, потому что они боятся. С учетом всех этих моментов мы допускали, что в этих районах власть может набрать голоса.

И вот население второй раз подряд проголосовало против Шеварднадзе. В первый раз это было год назад на выборах в местное самоуправление. Первые две оппозиционные силы, которые получили тогда наибольшее количество голосов – сторонники Саакашвили и лейбористы (Нателашвили). Саакашвили выступал под лозунгом «Грузия без Шеварднадзе», а Нателашвили под лозунгом «Демонтаж шеварднадзевской власти». То есть, у обоих был деструктивный лозунг, ни один из них не обещал что-то сделать, каждый обещал убрать Шеварднадзе. То есть, получалось так, что после Шеварднадзе хоть пустыня, хоть что, лишь бы без Шеварднадзе. То есть, население голосовало «против», а не «за».

Очень интересный момент с Бурджанадзе. Они проводили либеральную, более мягкую политику – примирение, найти общий язык

с Шеварднадзе, выставили впереди интеллигенцию. И на этом фоне они имели в предвыборной кампании больший успех, они даже в какой-то момент опережали Саакашвили. И им это понравилось, они продолжали использовать вот этот примирительный тон. А Саакашвили был очень агрессивен. Он сделал ставку на бедные слои населения и на революционные преобразования. У Бурджанадзе был лозунг «Революция без революции», то есть: мы хотим революционных изменений, но без революционных форм.

И на этом фоне Саакашвили со своими поехал в Болниси, где живут азербайджанцы, в Квемо-Картли. Их там сильно избили, и это сделала полиция, а она не имела никакого права мешать кому-то в предвыборной кампании. Саакашвили заявил, что если им перекроют дорогу, они пройдут силой. Он ведь никогда не отступал. И вот полиция, зная это, перекрывает дорогу – то есть они явно хотели драку и драку получили. И сразу подскочила популярность Саакашвили. Он обрадовался и решил поехать в Батуми. *(Смех в зале.)* И потом они ворвались туда, куда Абашидзе никого и никогда не пускал. И там избили Кобу Давиташвили, Дато Бердзенишвили и Хабази... Сильно избили, и популярность Саакашвили подскочила еще больше. А те, кто хотел голосовать за Бурджанадзе, поняли, что ничего хорошего это не даст. И очень многие потом признавались, что приходили голосовать за Бурджанадзе, брали бюллетень, будучи уверены, что будут голосовать за нее, а заходят в кабину и почему-то обводят кружком фамилию Саакашвили. Это так и было, потому что люди боялись, что ничего не изменится, то есть они голосовали за радикальные изменения, за революционные изменения. А потом вдруг пошла сплошная фальсификация. Явно было видно, что власти очень испугались: они перешли всякие границы и очень грубо, нагло, подло начали прямо на глазах у людей фальсифицировать, считая, что эти люди помитингуют и разойдутся, вот пример Азербайджана мир же простил, и т.д. Эйфория от того, что и у нас произойдет то же, что в Азербайджане. И потому они очень нагло плюнули на все. Существует документ от «Свободных выборов», где зафиксировано 38 голосов, а центральная избирательная комиссия дает тот же документ с теми же подписями, где указано 338 голосов, то есть они приписали тройку. И вот таких моментов было много. К

тому же СМИ поработали просто гениально. У них было очень много камер, и они фиксировали каждый выход из областной избирательной комиссии – все сопровождалось камерами: куда эта машина идет, как она идет? Было зафиксировано несколько машин, заставили открыть багажники, и там сотнями, тысячами лежали бюллетени с заранее обведенными номерами кандидатов. Все это было зафиксировано на камеру. Так было в Кутаиси, в Гори, особенно в Рустави, и т.д. И все поняли, что это очень серьезная фальсификация. И народ вышел на улицу. В воздухе чувствовалось, что нужно серьезное влияние на общество, и власти пойдут назад. И Саакашвили оказался великолепный тактик. Как стратег, я считаю, он слабый, и это еще проявится в будущем, но как тактик он прекрасно чувствует нюансы – это было просто великолепно.

Эмиль Адельханов – Но его и подправляли. Ребята приходили к нему и говорили: «Миша, не спи, давай действуй».

Паата Закареишвили – Да, и это очень хорошо. Он разве когда-нибудь отступал?

Эмиль Адельханов – Нет. Но и не то, чтобы по-наполеоновски выбирал нужное действие в ту же секунду.

Паата Закареишвили – И это великолепно. Он очень хорошо показал умение коллективно мыслить. Он это показал, когда еще был министром. Он не стесняется брать у других мысли и реализовывать.

Эмиль Адельханов – В критический момент, да. Но не тогда, когда...

Паата Закареишвили – Но сейчас мы говорим о критическом моменте. И когда есть критический момент, каждый шаг должен быть верным, и этот шаг у него всегда был верным. .

Вопрос – Кто его окружал?

Паата Закареишвили – На начальном этапе перед выборами вокруг него были Давид Бердзенишвили, Коба Давиташвили, Звиад Дзидзигури (это звиадист, который представляет наиболее цивилизованное лицо звиадистского движения), Вано Мерабишвили, который был его (Саакашвили) приближенным лицом, Окруашвили вы уже знаете. Было пять-шесть человек. «Институт свободы» представлял Леван Рамишвили. Он всегда присутствует, как серый кардинал, в нем тоже много энергии – как положительной, так и отрицательной. Еще были Гига Бокерия, Давид Зурабишвили (который, к сожалению, не смог приехать в прошлый раз). Потом появилась новая интеллигенция. Такие молодые, как Лаша Бакрадзе. Они не влияли, но они хорошо показывали, что общество с ним. Они создали комитет противостояния, где сгруппировались известные молодые лица – писатели, драматурги, художники. И они показывали в противовес коррумпированной интеллигенции, которая всем довольна, что они, молодое поколение творческой интеллигенции, другого мнения. В последний момент проходили какие-то встречи в Доме кино или в гостинице «Мэрриот», все это было близко от того места, где шел митинг. Это были своего рода оперативные совещания, в которых вначале участвовал и я. В начальный период существовал какой-то мозговой центр, и они вырабатывали какие-то идеи, которые, как мне кажется, до Саакашвили как-то доходили. Потом пару раз принесли какие-то документы, которые надо было подписать, и я сказал: «Даже если это гениальный документ, почему вы приносите готовый материал? Давайте мы это обсудим». Они не согласились, и я понял, что им просто нужны подписи, и перестал туда ходить.

В общем, Саакашвили начал серию митингов. Сперва митингов было мало. Собиралось около 4-5 тысяч человек возле мэрии. Но все это было очень организовано – он назначал встречу на шесть часов, люди приходили, а в девять он их распускал. И было видно, что он умеет управлять митингом. Приходили не случайные люди. Раньше организаторы не умели распускать митинги – собрали людей, правительство ушло в отставку, все ушли в отставку, организаторы уже просят разойтись, а те не подчиняются. Это были зеваки, и им нравилась эта ситуация, эта эйфория. А сейчас это было очень эффективно. Саакашвили собирал людей, а потом отпускал, показывая

Шеварднадзе, что он может ими управлять, что это управляемая сила. И тогда эти три лидера добились встречи с Шеварднадзе.

А после выборов Саакашвили вдруг поменял команду – отошел от Бердзенишвили, Давиташвили и взял в союзники Жвания и Бурджанадзе.

Реплика – А что произошло? Что послужило причиной?

Паата Закареишвили – Я ничего предосудительного в этом не вижу. Дело в том, что они (Жвания и Бурджанадзе) получили очень мало голосов. Власти в какой-то момент даже решили: черт с тобой, возьми это первое место, если оно тебе так нужно. Значит, первое место власти предлагали Саакашвили, второе место – себе, третье место – Аджарии, а дальше лейбористы. И правительство, и Аджария, и лейбористы – это были однозначно одни и те же люди. И они получали абсолютное большинство в парламенте, и они начали торговаться с «Новыми правыми» – те тоже хотели перешагнуть через семь процентов. И тогда у Бурджанадзе и Жвания был бы очень маленький процент, у них было где-то 8 процентов. 20 процентов Саакашвили, 8 процентов Жвания и Бурджанадзе – то есть, 28 процентов. По сравнению с другими было бы очень мало. Было ясно, что Саакашвили хотят оставить одного: пусть себе кричит. А у него действительно людей нет. Он один сам тянул весь этот список – все люди были у Жвания. Они в будущем собирались объединить все эти силы. Скажем, у Жвания – компетентность и кадры, у Саакашвили – идеи и напористость и т.д. И вдруг все это рушится: Саакашвили получил больше, чем ожидал – 22-23 процента (мы все рассчитывали на 16-17 процентов)... Он провел в парламент значительно больше людей, чем планировал. Зато другие оставались на улице. И он взял их с собой, а до этого у него со Жвания и Бурджанадзе были разногласия. Я уверен, что они проявятся и в будущем. И само по себе это неплохо, нестрашно. Можно объединяться с людьми, если у вас с ними одна цель, но разная тактика. И ради достижения этой цели можно какой-то участок времени пройти вместе. И в этом контексте, конечно, Саакашвили сделал правильный шаг. Хотя он от нас, например, республиканцев, отказался и оставил нас в тени. Еле-еле республи-

канцы впервые попали в парламент и, уже попав, выходим оттуда обратно. Мы шесть человек своих людей провели в парламент, но те результаты уже аннулированы.

А сейчас Жвания нас, республиканцев, терпеть не может. Потому что мы играем на его поле. Мы постоянно говорим то, в чем ему потом надо признаваться. Еще два-три года назад мы говорили, в чем ошибался Жвания по отношению к Шеварднадзе, к России, СНГ, российским базам, Аджарии и т.д. Он сильно был связан с Абашидзе. По всем вопросам мы его ловили, а потом указывали на его ошибки. И народу всегда было видно, как мы с ним спорим, и люди переходили на нашу сторону. Поэтому он нас терпеть не может. Он хочет разрушить Республиканскую партию и по частям прибрать к рукам. И в этом контексте, конечно же, мы были против объединения со Жвания во время предвыборной кампании, а Саакашвили этого хотел. И Коба Давиташвили, хотя его человек, ушел от нас. Еще во время предвыборной кампании в органы местного самоуправления Саакашвили использовал такой лозунг: «Шеварднадзе для нас так неприемлем, что даже такие разношерстные политические силы объединились, чтобы работать против Шеварднадзе». Это был его конек, скажем так. Республиканцы отдельно, отдельно звиадисты объединились, то есть абсолютно разные люди, чтобы достигнуть главной цели. Это народу понравилось. Единство во имя цели – это очень импонировало народу. Поэтому Саакашвили никак не мог от нас отказаться и даже должен был с нами считаться – иначе мы могли бы начать работать против него и сказать, что в критический момент он бросил свой лозунг и своих людей. И потому он никак не мог перед выборами перебраться к Жвания. А после выборов стало ясно, что Жвания может сойти со сцены. И у Саакашвили уже появился лозунг: надо спасать друзей, спасать ситуацию, ведь в меньшинстве остаемся в парламенте. И тогда он, не сказав нам ничего, вдруг появляется по телевидению вместе с Бурджанадзе и Жвания. Они создали новый альянс. Это было очень смешно. И это было в его стиле. Но я как политолог считаю, что это правильный шаг, потому что он сразу же набрал новые силы. Это как бывает в компьютерных играх – герой бежит, бежит и потом схватит какую-то вторую жизнь или получит новые силы. Он набрал эти силы.

Эмиль Адельханов – Он верный друг и надежный союзник! *(Смех в зале.)*

Паата Закареишвили – Но он великолепный игрок. Он как игрок, который играет на рулетке. Волчок закрутился, а он держит фишки и до сих пор не знает, на черный класть или на белый. А волчок крутится, и он (Саакашвили) все еще колеблется и вдруг – ап, кладет и всегда выигрывает.

Реплика *(Не слышно.)*

Паата Закареишвили – Да, конечно, если это в интересах моего государства, почему он не должен это делать, не понимаю? Я даже с Абашидзе мог бы говорить. Республиканцы даже на меня обижались, когда я заигрывал с Абашидзе, чтобы использовать и озвучить какие-то вопросы по Абхазии и т.д. Для меня это в принципе не существует. Главное – какую цель ты себе ставишь. Чем дальше ставишь ты цели – тем больше у тебя союзников. Чем ближе ставишь цели – тем меньше у тебя союзников. Республиканская партия всегда ставит ближние цели. А я ставлю цели чуть дальше. И поэтому у меня союзников было больше, в том числе и Саакашвили. Я в этом стиле ничего плохого не вижу – то есть в том, что он в критический момент, ставя себе какую-то дальнюю цель, меняет какую-то команду и переходит к другой команде. Например, когда существовали кареты, были специальные станции, где меняли лошадей. И когда человек спешил, он менял уставших лошадей и пересаживался в новую карету. Надо быстро ехать, нельзя ни в коем случае сбрасывать темп, потому что этой форой может воспользоваться другой. В этом контексте я считаю, что он пока на правильном пути. Но я не знаю, в какую сторону он повернет потом.

Вопрос – А Республиканская партия на него обиделась?

Паата Закареишвили – Обиделась. Но люди все-таки прагматики. Например, Ивлиан Хаиндрава такой же прагматик, как и я. Само по себе очень плохо, что мы опять остаемся на улице, но мы же должны

объективно смотреть на этот шаг – сам по себе этот шаг, конечно, правильный. Конечно, он мог бы нас защитить, мог сказать: «Нет, если со мной не будет Республиканской партии, то я в альянс не войду». И мог бы рискнуть потерей темпа, скорости. А потом Жвания, более умный и более хитрый, мог бы все рассчитать как лучше. Жвания больше стратег, чем тактик. А Саакашвили больше тактик, чем стратег. И в альянсе это может быть очень хорошо использовано. Вас не должна вводить в заблуждение Бурджанадзе. Бурджанадзе никто без Жвания. Бурджанадзе – это просто женское лицо Жвания. За ней никто не стоит. Это Жвания и его команда. У Жвания очень плохое реноме в обществе – и вполне заслуженное. Но он все-таки настоящий, живой политик и поэтому очень хорошо манипулирует ситуацией. И в какой-то момент он поставил перед собой Бурджанадзе, вообще его имя не было слышно перед выборами. Вообще понятия «Жвания» как таковое не существовало. Был лозунг «Бурджанадзе – демократы». И нигде, ни на каких плакатах Жвания не фигурировал, только Бурджанадзе выступала. И она очень выиграла, конечно. Она подняла уровень дела, за которое борется Жвания. Я его тоже считаю талантливым. И я думаю, что Саакашвили и Жвания – оба вместе – в принципе, очень сильный кулак, который может в самом деле делать положительное дело. Жвания больше может контролировать Саакашвили.

Реплика – Но Бурджанадзе, по-моему, тоже справилась.

Паата Закареишвили – Она очень умный и самодостаточный человек, но, к сожалению, она даже не создала себе команду. Если бы она была хитрым политиком, то могла бы отколоть и забрать себе каких-то людей у Жвания или Шеварднадзе. В «Союзе граждан» была ведь очень разношерстная кампания. Там было много разных группировок. Подавляющее большинство было у шеварднадзевской группировки. Они ни на что не были способны – ни лидера у них не было, ни позиции, но они всегда голосовали за большинство. И были новые группы в том же «Союзе граждан». Например, люди Мамаладзе – это губернатор Квемо Картли, где в основном проживают азербайджанцы. Это один из самых подлых и гнилых людей в грузинской

политике. Та есть, человек, который сперва уничтожает своих людей, а потом расправляется с оппозицией. Он ведет себя, как крыса. Он очень опасный человек, и если бы он пришел к власти, то это было бы страшно. В какой-то момент мы поняли, что у нас нет выбора между демократией и Шеварднадзе, между тем, что остается, и тем новым, хорошим, что рождается. Мы перешли Рубикон, перед нами был выбор – или фашист и режим типа белорусского, или что-то новое, типа демократии.

Вопрос – А почему был такой выбор – или Мамаладзе, или?..

Паата Закареишвили – Потому что у Шеварднадзе никого не осталось, кроме вот таких амбициозных фигур, какими были Рчеулишвили – председатель социалистической партии, Мамаладзе, госсекретарь Авто Джорбенадзе, плюс Ирина Саришвили. Это было самое ближнее окружение Шеварднадзе.

Реплика – Как попала туда Саришвили?

Паата Закареишвили – Это отдельный вопрос. Саришвили показала себя еще во время Госсовета. Когда Шеварднадзе пригрозил уйти в отставку (у него был конфликт с Джабой Иоселиани), Саришвили созвала митинг, и народ на коленях просил Шеварднадзе остаться. Это была эффектная акция – народ на коленях просил его вернуться, и потом он этим оправдывался. И всем этим руководила Саришвили. Я всегда с сомнением относился к женам руководителей национального движения – как к жене Гамсахурдиа, так и к жене Чантурия. Мы их всех близко знали. И в нашем сообществе всегда было ощущение, что их женили на КГБ. (И офицеры КГБ на разных уровнях хвастались, как только могли.) У лидеров всегда были слабые моменты в отношениях с женщинами, они всегда терялись перед женщинами... По крайней мере, в самый критический момент они всегда – и Арчвадзе, и Саришвили – почему-то были на стороне властей. Арчвадзе тоже провела митинг в поддержку режима Шеварднадзе. Саришвили потеряла все. Она очень властолюбивая женщина и считает себя великим политиком. От нее отказались Жвания и все другие, ей некуда было деться.

Шеварднадзе – в самом деле великий провокатор и великий авантюрист с низменными желаниями: он очень ловко подобрал Саришвили. Но он это сделал, в принципе, на свою голову. Саришвили убеждала его, что людям на митингах платят деньги, что это все ерунда, что они скоро разойдутся. И как Саакашвили каждый раз делал правильные шаги, и каждый его шаг был правильнее, чем предыдущий, так каждый шаг Шеварднадзе был против него самого.

Раз мы перешли на политиков, то я хочу охарактеризовать и Нателашвили – председателя лейбористов, чтобы вы знали, кто он такой. Нателашвили – то же самое, что Жириновский в России. Жириновского оценивают как экстравагантного человека, шута и т.д. Но что, в сущности, он делает? Он берет себе все голоса обиженных и выпускает в воздух. Он не дает этим голосам попасть к реальной оппозиции, которая потом сможет работать против власти. Он критикует власти, но ничего против них не делает. И народ таких любит. Точно такая задача была у Нателашвили – забирать голоса и пускать их в воздух. Если бы не было Нателашвили, то все его голоса получил бы Саакашвили. Потому что это были такие же обиженные люди. Что делал Нателашвили? Например, он обещал бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, снижал тарифы на электричество. Сколько раз он подавал в суд против американцев и сколько раз выигрывал! Это тоже очень подозрительно – наши судьи, как известно, все-таки слушаются властей, ими не мог управлять Нателашвили. Скорее всего, это делал Шеварднадзе. В итоге американцы ушли с грузинского рынка, потому что тарифы были настолько низкими, что невозможно было работать. Это был какой-то абсурд. И я уверен, что Шеварднадзе и власти хотели, чтобы Нателашвили был популярным. И в самом деле, лейбористы получили очень много голосов, которые потом абсолютно испарились, потому что в итоге лейбористы оказались рядом с Шеварднадзе. Они не участвуют ни в каких митингах и, кстати говоря, потеряли очки. Опять-таки, Шеварднадзе надеялся, что это все временное явление.

Вот здесь Эмиль говорил насчет пенсий. Конечно, эти пенсии никто платить не будет. Конечно, это популизм чистой воды. Саакашвили не сможет выполнить никакие обязательства по социальным программам, потому что в казне ничего нет, все сожрала коррупция.

И потому как минимум в ближайшие два года вряд ли Грузия в социальном плане станет на ноги. Но она может делать другие серьезные шаги. Например, политические. Например, бороться с коррупцией. Может серьезно наказать каких-то людей. В самом деле вернуть какие-то деньги. И этот популизм может уйти в тень, и тогда он может сказать, что, к сожалению, денег нет.

Вопрос – Он может отнять деньги?

Паата Закареишвили – Он уже начал это делать. Даже еще не придя к власти, он начал несколько судебных процессов, арестовал нескольких людей. Это вызвало в обществе недовольство. Но я считаю, что это правильно, потому что он именно с этими лозунгами пришел к власти, что он собирается этих людей наказывать. Лично я считаю, что это неправильный метод – вот так отбирать деньги, потому что это создает новый конфликт, новое напряжение в обществе. Но это его лозунг. Мне его легко критиковать, потому что в данном случае не я принимаю решение. Но с другой стороны, что ему делать? Он обещал это сделать, и люди именно за это голосовали. Когда мы были в Америке и пришли к сенатору – в Теннесси или где-то еще, я не помню уже – мы сказали, что нас возмущает и поражает, как в Штатах, где такие демократические институты, как они могут терпеть смертную казнь. И сенатор нам сказал, что народ от них требует, чтобы они не отменяли смертную казнь. И голосует за тех, кто гарантирует, что смертную казнь не отменят. Понятно, насколько это безнравственно. Но они ничего и не делают, чтобы убеждать людей, что ужасно оставлять смертную казнь. Такая работа там не идет. Для них мнение народа важнее, чем работа с народом. А в Европе – наоборот, как мне кажется. В Европе просвещенные власти всегда считают, что народ не все понимает, и потому их задача – объяснять народу. И, постоянно объясняя, они предлагают посмотреть плюсы смертной казни и все его минусы. И народ выбирает вариант против смертной казни. По-моему, в Америке так вопрос не стоит.

Пола Гарб – Мы это делаем по-другому. Во всяком случае, то, что касается военных вопросов.

Паата Закареишвили – В любом случае, по-моему, в Америке власти больше зависят от населения, чем в Европе. В Европе верят власти. Когда в Европе приходишь к полицейскому, ты уверен, что он тебя будет защищать. В Грузии такого нет. Ты приходишь в полицию и чувствуешь, что попадаешь в капкан. И в России то же самое – лучше не подходить к полиции. А в Европе – он однозначно будет за тебя, и если ты в беде, он поможет. По крайней мере, таких настроений там больше. То есть, вера во власти там выше, чем у нас.

А вот Саакашвили в этом отношении – американец, он в Америке учился, у него американские взгляды, на Европу смотрит сквозь пальцы, и это очень плохо. Американцы на него очень влияют. И поэтому он постоянно работает на народную волю, скажем так. Как долго это будет продолжаться, не знаю.

Он до сих пор очень эффективно использует свой потенциал, хотя я уверен, что у него нет тех знаний, которыми он хвастается. Можно сказать, что он не интеллеktуал. Но в одном человеке не может быть все одновременно. Если он хороший тактик, то не может быть хорошим стратегом, если он хороший стратег, то не может быть хорошим тактиком. Я считаю, что как президент он лучше, чем как премьер-министр. Он должен проверять, как люди работают. Есть два варианта – или президент сам должен 24 часа работать за других, или он должен заставлять других работать, и тогда он может отдыхать. Конечно, самый лучший вариант, когда он и сам работает, и других заставляет. Сам он работать не любит, любит гулять. То есть, вот у него есть слабости. И в президенте такие слабости более терпимы, чем в министре или премьер-министре. Раз это реальность, то мы должны с этой реальностью считаться и максимально получать результаты. Но в любом случае, это лучше, чем Шеварднадзе. Это однозначно.

Эмиль Адельханов – Небольшой комментарий по поводу глубоких знаний и т.д. Раз у Гелашвили шел о чем-то спор, и очень много говорили об органическом законе и неорганическом. Говорил и Саакашвили...

Паата Закареишвили – Он не понимает разницу между ними.

Эмиль Адельханов – Потом подходит к юристу, сидящему рядом со мной, и спрашивает: «А что такое органический закон?»

Паата Закареишвили – Это его великолепная черта. То, что он не знает, это очень плохо. Но то, что он не стесняется спрашивать – это великолепно.

Эмиль Адельханов – Но он не громко спросил...

Паата Закареишвили – А многие и так не спросили бы.

Абесалом Лепсяя – Паата прав, конечно. Необязательно, чтобы президент все знал. То есть, это хорошо, если он многое знает, но...

Эмиль Адельханов – Конечно, вы правы. Но он заявляет, что он юрист высшей категории...

Паата Закареишвили – Жвания перед выборами два раза предлагал мне пройти по его спискам – в 1995 и в 1999 году. И я оба раза отказался по одной причине – что я не буду свою фамилию пачкать фамилией Шеварднадзе. То есть, никто в мире не должен сказать мне, что я когда-то работал у Шеварднадзе. Это – мой принцип, может быть, глупый принцип. Других, которые работали, того же самого Саакашвили и Жвания, многие в этом упрекают, но они хоть что-то делали. И моя позиция правильная, и их позиция правильная. Но Жвания я сказал, почему я не должен быть у него – мне очень многие вещи у него не нравятся. И он дал мне гениальный ответ: «Знаешь, Паата, таких, как ты, в Грузии несколько человек. А я работаю не на вас, а на тысячи людей. И мне их голоса нужны, а не твои голоса». Я ему сказал, что, конечно, я не буду за него голосовать. И поэтому если Саакашвили заявил, что он гениальный юрист, я считаю, что именно так он и должен заявлять, потому что ему нужны голоса. А народ не понимает разницу между гениальным юристом и средним юристом. В политике допускаются некоторые переборы. Честность в политике – это нормально. Но если ты честен в политике, а другие нечестные, и в итоге твое дело портится – тогда

ты должен пойти на какие-то такие шаги, из-за которых общее дело не пострадает, а выиграет. Если ты можешь энергию твоего противника использовать в свою пользу, то почему бы тебе это не сделать – не пойти к нему, не пожать руку и т.д.? Я считаю, что это правильно. Если человек себя перехваливает, это само по себе в политике не страшно. Но сам я этого делать не могу. Я, например, не могу выступать на митинге. Тысячи людей стоят передо мной, и они безликие. Я люблю смотреть в глаза человека и видеть, понимает он меня или не понимает. А кричать в воздух я не могу. Но тот, кто это умеет – я им восхищен. Это тоже нужно. В итоге они влияют на политику. Они именно те люди, которые поменяли ситуацию, и Саакашвили великолепно умеет говорить с этой безликой массой.

Что такое целесообразность? Если у меня честные цели, искренние, то я допускаю минимальные нарушения, а в том, где минимальные, а где максимальные, уже трудно разобраться. Это очень опасно. Но для меня цель не оправдывает средства. Для меня средства важнее, чем цель. А для других это по-другому, и я их понимаю

Я не согласен с Эмилом в том, что фальсификация была со всех сторон: фальсифицируют только власти и только те партии, которые в сговоре с властью. Потому что в итоге настоящая фальсификация происходит после восьми часов вечера. И состав комиссий был подобран так, что большинство членов комиссий были за власть. Потом бросали очень много бюллетеней. И это можно назвать коррупцией. Коррупция – это когда в списках очень много мертвых душ и потом приходят какие-то другие живые люди и голосуют вместо этих мертвых душ. Все это в руках власти. В итоге можно смело сказать, что 90 процентов ресурсов фальсификации у власти. Потому говорить, что все фальсифицировали – я не согласен. Может быть, были какие-то моменты сговора на участке, например: я сейчас хочу сбросить 50 бюллетеней, а за твою партию сброшу 20 бюллетеней. Но таких моментов так мало по сравнению с тем, что приписывают потом в центральной избирательной комиссии, что на результат голосования это не влияет. И мы были готовы закрыть глаза на довосемичасовую фальсификацию. Великолепный пример – лейбористы. Они получили чистые голоса. Никто в их пользу не фальсифицировал, потому что если власти будут фальсифицировать против лейбо-

ристов, то это будет фальсификация против самих себя. То, что получили лейбористы – это чистые голоса тех, кто не любил Саакашвили, но не любил и Шеварднадзе. Куда им деться? Вот они и пошли к лейбористам, то есть, к людям социалистических взглядов. Я не люблю лейбористов, но то, что они получили – это настоящие стопроцентные голоса. То же можно сказать про Саакашвили. Саакашвили настолько хорошо шел, что ему не нужно было фальсификаций. Если у него не отняли голоса, то ничего и не прибавляли. Эти 21 процент – чистая его заслуга.

Эмиль Адельханов – Тут есть один момент. Ты говоришь, что на результат это не повлияло. А мне все равно, повлияло ли это на результаты. Сам факт, что они мухлевали, от этого не уничтожается. И что меня всегда поражало – это то, что человек, имеющий все шансы выиграть, все равно мухлюет. У нас на всех выборах так было, и сейчас тоже.

Паата Закареишвили – Списки избирателей готовили власти. Я дважды проверял – есть ли я в списках. А в день выборов меня в списке не оказалось. Там уже были совсем другие списки, написанные от руки и составленные не по адресам, а непонятно по какой системе. Меня в них не было ни по алфавиту, ни по адресу. Я был вместе с Джонатаном Коэном, ему было интересно посмотреть, он стоял в очереди два часа вместе со мной, проникся духом всего этого. И мы пробрались туда, а меня в списках нет. Начался шум, гам. А моя мама тоже там была и, не найдя себя в списках, ушла обиженная. Но меня знали в лицо и просто дали мне этот бюллетень, типа того, что заткнули рот. И моей маме тоже. Там, где я живу, очень много журналистов, очень много иностранцев. Там же голосовал и Саакашвили, мы с ним соседи. Пришел и пролез без очереди. Джонатан все это видел и балдел.

Вот такие моменты были.

Было еще очень много мертвых душ в списках. То есть, люди, которые уже давно умерли и даже раньше не были в списках, сейчас стояли в списках. Это была явная фальсификация властей. Саакашвили точно не смог бы тогда это сделать. Сейчас он уже может такое

делать, потому что он уже у власти. Но я никак не согласен с тем, что в роли Девдариани может быть Чиаберашвили. Разве ты допускаешь, что я, например, могу действовать, как Девдариани?

Эмиль Адельханов – Я сказал про Чиаберашвили, что он окажется в такой же ситуации...

Паата Закареишвили – Но он скажет, если столкнется с чем-то.

Эмиль Адельханов – Дай Бог, чтоб сказал. Но боюсь, что он уже сильно ангажирован.

Паата Закареишвили – Я считаю, что Чиаберашвили такой же, как и я. Я ни в коем случае не пойду ни на какие сговоры ни с кем, кто бы это не был – мой близкий друг или...

Эмиль Адельханов – Что ж, дай Бог, чтобы ему хватило сил. *(Не слышно.)*

Лиана Кварчелия – Паата, а какие шансы договориться с Абашидзе? И будет ли Аджария участвовать в предстоящих выборах?

Паата Закареишвили – Я не знаю последних событий.

Гурам Одишария – Жвания поехал позавчера в Аджарию. Все журналисты, само собой, сейчас там. И что интересно, Абашидзе и Жвания вдруг выходят из помещения и садятся в машину, такой военный джип, Абашидзе сам садится за руль, и они куда-то уезжают. И не только журналисты, но и охрана ничего не знает – кидается вдогонку. Потом они то на стадионе оказывались, то около строящегося тоннеля, вроде договаривались друг с другом. Журналисты потом рассказывали: действительно, была какая-то беготня. А потом уже говорили, но неофициально, что Абашидзе согласен, чтобы там тоже прошли выборы. Активно включился сын Абашидзе – Георгий. И по «Рустави-2», и не только по «Рустави», прошла такая информация, что он якобы избил Джемала Гогитидзе и Цотнэ Бакурия. Это актив-

ные и главные фигуры в движении «Агордзинеба». Георгий Абашидзе объявил, что они виноваты в этом противостоянии, что они вводят его отца в заблуждение.

Что-то там действительно было, потому что и Гамлет Чипашвили подтверждает это.

Эмиль Адельханов – Я кое-что могу дополнить. Во-первых, Бакурия несколько раз утверждал в последнее время, что его били разные люди. Сколько раз и кто его бил – непонятно. Но интересно не это. Интересно то, что у нас в газетах последние два-три дня идут статьи с такими подзаголовками – «Последний бой Абашидзе», «Абашидзе собирает последние ресурсы»... Идут сообщения, что Абашидзе с помощью Гогитидзе ведет свирепый террор против оппозиции, что преследуются лидеры Национального движения, то есть, саакашвилиевского. Якобы Гогитидзе создал небольшие банды по 5-6 человек из всяких боксеров и регбистов, которые ходят и бьют оппозиционеров. Насколько это правда, я не знаю. Вполне смахивает на правду. От всех этих статей впечатление такое, что революция в Аджарии буквально на носу.

Паата Закареишвили – Аджарская тема – это отдельная тема. Аджария – это, конечно, не Абхазия. Сейчас очень многие в Грузии спекулируют: мол, если будем уступать, то получим то же, что получили в Абхазии. В принципе это не так. Просто власти должны все это вытерпеть. Абашидзе никакого права не имеет не допускать выборов в Аджарии. Он, как лидер партии «Агордзинеба», имеет право выборы бойкотировать. Он призвал своих людей, чтобы они не шли на голосование. Но он не имеет права *запретить* людям идти на выборы. Поэтому там обязательно должны быть открыты избирательные участки. Если он на это пойдет, то он себя поставит вне конституции Грузии. И тогда с ним легче будет расправиться, и он это отлично понимает. Он умнее, чем Шеварднадзе. Если Абашидзе сейчас не пойдет на сговор с властями, то власти должны это простить. В Испании в какой-то из областей до сих управляет генерал Франко. Все его терпеть не могут в Испании, он недемократичный человек, но люди его выбирают. И поэтому мы должны предложить

Абашидзе: мы ему гарантируем честные выборы, и если он честно победит, то честно приходит к власти. Но никаких сговоров, как это было при Шеварднадзе. Сейчас Абашидзе еще имеет шанс победить у себя на парламентских выборах, легитимировать себя и остаться в парламенте. Но он не 90 процентов голосов получит, а процентов 40-50, и этого ему хватает. Демократический антураж выборов позволит создать блефовые фигуры, чтобы делить голоса. Это простиительно, никто не имеет права запретить моему брату, моему соседу, моему родственнику баллотироваться, чтобы собрать голоса и потом уступить их мне. Это можно. Пусть занимается такими легитимными манипуляциями, закон позволяет. Закон же не идеальный. Невозможно с этим бороться. Вот в Германии никак человека не могут осудить за каннибализм, потому что нет такого закона. И его просто осудили за убийство. В законах бывают такие ляпсусы. В Аджарии он просто должен понять, что должен вернуться к конституции Грузии, иначе у него не будет поддержки. Его жизнь поддерживалась двумя концами пуповины. Один конец поддерживал в Тбилиси Шеварднадзе, а другой конец поддерживала Москва. А теперь поддержки в Тбилиси у него не будет. Аджария – это не Абхазия: когда в Абхазии перекрылись все трассы, Грузия не может контактировать с Россией, поезда не ходят и т.д. А что у Аджарии? Порт в Батуми и таможня. То есть, Аджарию можно изолировать. Если он начнет заниматься самобойкотом, сам себе объявит блокаду, Тбилиси в этом поможет с большим удовольствием, это не проблема. И он должен это понимать. Поэтому он в очень уязвимой ситуации. Любое его движение может обернуться против него. И он это понимает. Просто сейчас его не надо давить. А население его сбросит обязательно, потому что в Аджарии его не любят.

Что касается взрыва бомбы и т.д. Я считаю, что это все-таки так хорошо организовано, что оппозиция на это не способна. Это идет от России. Это было сделано очень четко в адрес тех людей, которые недовольны Саакашвили, против лидеров политических партий, против бизнеса, который настроен против Саакашвили. Явно видно, что хотят создать впечатление, что все это организовал против них Саакашвили. На самом деле ему сейчас это не нужно – ему сейчас нужно спокойствие.

Как бы мы ни критиковали конституцию Грузии, как ни странно, она до сих пор работает. То есть, ни один шаг не был сделан за рамки конституции. Это как самолет, который попадает в штормовое облако, все дрожит, но в итоге он нормально садится. Эта конституция выдержала огромный натиск, огромные удары, в ней оказалось очень много белых пятен, но в любом случае все было в рамках конституции. И в рамках конституции обязательно 4 января должны состояться выборы. У президентских выборов такой нюанс (и у вас тоже наверное так): чтобы эти выборы состоялись, на них должны прийти 50 процентов избирателей. 4 января – особый день. Во-первых, канун Рождества. Во-вторых – это зима и, может быть, мороз. Люди уже часами стояли в очередях у избирательных участков. Многие могут решить, что так и так проходит Саакашвили и что он может пройти и без них. И вот такие моменты могут ставить под сомнение 50 процентов явки избирателей. На прошлых выборах, если учесть фальсификацию в Аджарии, и фальсификацию в Квемо-Картли, где явно приплюсовали несколько тысяч человек, явка была всего лишь 65 процентов вместе с фальсификациями – с мертвыми душами и т.д. Сейчас этого всего не будет. По крайней мере, не должно быть. Аджария бойкотирует выборы – точнее не Аджария, а «Агордзинеба». Так что на избирательные участки может прийти и меньше 50 процентов избирателей. На это играют и эти бомбометатели, которые еще больше нагнетают обстановку: мол, что-то будет, не ходите на выборы. Поэтому, может быть, выборы не состоятся. (Конечно, конституция от этого не нарушится.) Потом, через два месяца, будут повторные выборы, а время идет, кризис углубляется, зима наступает, света не будет, газа не будет. И, соответственно, акции Саакашвили могут упасть. Вот на это, как мне кажется, и рассчитано бомбометание.

Арда Инал-Ипа – Если результаты выборов вызывали большое сомнение, то, наверное, суд должен был принимать решение о том, насколько они не действительны?

Паата Закареишвили – Конечно. Стороны показали, что они не управляют ситуацией, что у нас нет политической культуры. Вот об

этом мы тоже говорили в Москве, когда приезжали на аллертовскую встречу. Есть, например, питание, и есть культура питания. У нас есть политика, но нет культуры политики. Мы не можем оформлять свои интересы так, чтобы добиться еще большего успеха, учитывая чужой интерес. Вот такого у нас нет.

У Саакашвили было ощущение победы и желание идти до конца. То есть, ни шагу назад – надо добивать противника. У Шеварднадзе и его окружения было ощущение, что отступать дальше некуда, и потому ни шагу назад. Вот этот момент – то, что Шеварднадзе не был уступчивым – показал, почему он так неуступчив и по отношению к Абхазии. Он очень хорошо показал, что дело не в Абхазии, а в его собственной культуре, что он не способен уступать ни в чем. А ведь у него был шанс.

Почему потом я перестал ходить на эти мозговые разбирательства в штабе? Моя позиция была такой (и не только моя позиция): там были две команды – одна из них требовала больше накала, больше страсти, больше натиска, а для меня было важно, чтобы сохранилось лицо государства. Для меня неважно – кто президент, важно было дойти до конца. Мир, Запад сегодня ликует не потому, что все хорошо, а чтобы у нас не было хуже. То, что мы, дикари, сумели не пролить кровь, приводит их в восторг. Но то, что мы сменили президента таким путем, не дождавшись окончания его срока – это очень беспокоит людей. У Шеварднадзе был шанс.

Реплика – Он пошел на это под давлением.

Паата Закареишвили – Но он заслужил это давление. В конституции в пятом параграфе написано, что никто не имеет права присвоить власть. А здесь было явное присвоение власти. Когда он, вместо того, чтобы пойти с этими результатами в конституционный суд – а у него был такой шанс – назначил первое заседание парламента – это было присвоение власти. Нас часто упрекают в том, что мы как будто требовали от Шеварднадзе, чтобы он отменил результаты выборов. Никто этого не требовал, никто не имел права. А он имел право обратиться в конституционный суд. Он должен был призвать центральную избирательную комиссию скорее закончить подсчет голо-

сов. А он наоборот, создавал им все условия, чтобы затянуть этот процесс. Они специально затягивали, это уже известно. В течение недели они подсчитали результаты на 2100 участках. У нас было 2800 участков, и они еще две недели считали результаты на 700 участках. Это какой-то абсурд, это не поддается никакой логике. Явно было видно, что они что-то ждут и тянут время. За это время Шеварднадзе поехал к Абашидзе, о чем-то с ним договорился. Затем Абашидзе поехал сперва в Ереван, потом вдруг в Баку, потом в Москву. Явно было видно, что они что-то готовят. И это уже невозможно было терпеть. Вместо того, чтобы попросить ЦИК как можно быстрее закончить подсчет, они протянули время до 20 ноября (а именно это был крайний срок завершения подсчета голосов) и 20 ноября он объявил результаты. И вот по этим результатам он, как президент, мог сказать: я вижу, что эти результаты вызывают волнение в моем обществе, и я тоже в них сомневаюсь, и поэтому я подаю иск в конституционный суд, пусть он и решает. Он мог это сделать. Конституционный суд должен был бы принять решение о том, что результаты выборов сфальсифицированы, настолько это было явно. И на основании решения конституционного суда президент мог назначить новые парламентские выборы – что сейчас и происходит, только без него. Он мог бы все это сохранить себе. И он остался бы президентом. Что от него требовали? Убрать все свое окружение и признать выборы сфальсифицированными. Но его убедили: ничего страшного – все это пройдет, в 2000 году прошло, и в Баку прошло, и здесь тоже пройдет. И вот он до конца тянул эту ляжку, а потом сорвался.

Реплика – В одной статье говорилось, что он предлагал обратиться в суд.

Паата Закареишвили – Когда он уже назначил заседание парламента – а он именно к этому все тянул, ему нужно было провести первое собрание, первый сбор депутатов, но у него это не получилось – в зал ворвались, когда еще не была признана легитимность нового парламента. Если бы опоздали, тогда, конечно, нарушилась бы конституция.

Реплика – Парламент начал свое заседание?

Паата Закареишвили – Начал, но не завершил.

Эмиль Адельханов – У меня вопрос. Предусматривает ли конституция такую процедуру – врываться в парламент, разгонять парламент и свергать президента?

Паата Закареишвили – Президента никто не свергал. Он сам ушел в отставку.

Эмиль Адельханов – Он мечтал уйти в отставку?

Паата Закареишвили – Ты как эксперт по правам человека знаешь, что написано в преамбуле Декларации прав человека. Какая там формулировка?

(Шум в зале.)

Паата Закареишвили – Из-за этих революционных событий я решил наизусть выучить этот текст. «Каждая власть обязана управлять на основании закона, дабы...»

Эмиль Адельханов – Дабы народ, устав от беззакония, не восстал бы, так? Так вот, с юридической точки зрения – это все равно, что сказать: каждая власть обязана обращаться с народом так, чтобы народ не вынужден был воровать. Это не значит, что обнищавший народ имеет право воровать. Это значит, что власть обязана обращаться с народом по-человечески.

Паата Закареишвили – Он нарушил самое главное – он отнял у народа право голосовать, то есть формировать власть. Он присвоил себе власть, и народ это не простил, вышел на улицу. С 4 числа по 22 люди стояли на улице и ничего не делали. А ворвались только тогда, когда происходил акт присвоения власти. Если бы не было заседания парламента, то никто никуда врываться не собирался. Но когда

Шеварднадзе окончательно плюнул на народ и начал свое наглое выступление... Я специально сидел у телевизора и смотрел. Он начал с того, каких успехов достигла Грузия, как будто ничего не происходит. Он прикрывался международным правом и нес какую-то ахинею. А в это время около 100 тысяч человек стоят на площади. Я помню митинги 9 апреля, тогда очень много было людей, но сзади всегда был какой-то маленький проход. В этот раз ничего подобного не было – если человек туда попадал, то выйти он не мог. Дышать невозможно было. Это все происходило под дождем. Один раз CNN передавал репортаж в 6 часов утра, и площадь была вся забита. Была такая красивая сцена – огромная толпа народа, и над ними восходит солнце. Это был очень эффектный и эмоциональный кадр. Люди не расходились и требовали отставки Шеварднадзе. Если бы это заседание было бы 16-го, то люди ворвались бы 16-го. Если бы это было сегодня, то ворвались бы сегодня. Люди требовали от президента законного решения. А он принял незаконное решение. Он захотел узаконить то, что было приобретено незаконным путем.

У оппозиции это была очень хорошо продуманная акция, и они очень эффектно ворвались. У парламента не было никакого шанса. Это было первое заседание парламента, когда председатель центральной избирательной комиссии должен был огласить результаты и эти результаты должна была утвердить как минимум одна треть депутатов. Но этого не произошло. Шеварднадзе увлекся разговором. Он видел, что охрана хорошо стоит, и начал вот этот двадцатиминутный бред. Если бы он боялся, то, может быть, говорил бы побыстрее. А он вальяжно говорил. И оппозиционеры пробрались внутрь и ворвались в зал. Это были депутаты и имели право. А вместе с депутатами ворвалась и толпа. То есть, это была именно защита конституции. Пятый параграф конституции как раз об этом и говорит. К сожалению, у меня сейчас нет с собой конституции. А я всегда ношу с собой конституцию на абхазском и русском языке, Шенгелия перевел. *(Смех в зале.)* Когда я ее цитирую, все удивляются, что я занимаюсь такой пропагандой. И вот там в первом пункте говорится, что источником власти является народ. А четвертый пункт говорит о том, что никто не имеет права присвоить власть.

Эмиль Адельханов – Это означает, что народ имеет право врывать-ся в парламент и пить чай из стакана президента?

Лиана Кварчелия – В той ситуации – что еще можно было бы сделать? Если президент нарушил конституцию, не подал в конституционный суд и назначил вот это собрание – что еще можно было сделать?

Паата Закареишвили – Кому?

Лиана Кварчелия – Скажем, оппозиции.

Паата Закареишвили – Ничего. Законным путем – ничего. Уже собрался бы новый парламент. Сам себя распустить он не мог. Шеварднадзе должен был подать в конституционный суд насчет того, насколько законны выборы. Это был бы более долгий путь, и вряд ли Шеварднадзе на это пошел бы.

Эмиль Адельханов – Но лидер какой-нибудь партии имел право обратиться в конституционный суд и потребовать?

Паата Закареишвили – Для этого 10 тысяч человек должны были бы подписать эту бумагу.

Эмиль Адельханов – Нателашвили же сделал такую вещь в свое время.

Паата Закареишвили – А какая была гарантия, что сейчас конституционный суд поработал бы именно в этом направлении?

Эмиль Адельханов – В тот раз – во всяком случае, так говорит Нателашвили – конституционный суд признал, что Нателашвили прав.

Паата Закареишвили – Если бы это заседание парламента состоялось, то народ до сих пор стоял бы, народ посчитал бы, что он проиграл. И наступило бы полное разочарование в демократических институтах. И опять мы должны были бы ждать десять лет.

Что случилось после Гамсахурдия? Почему мы все виним Жвания и в чем мы его виним? В том, что он дискредитировал демократические институты. Он самый главный фальсификатор 1999 года, это он придумал во имя демократии сфальсифицировать выборы, он придумал во имя демократии спасти Шеварднадзе. В тот раз к власти мог прийти Патиашвили, и поэтому фальсификация выборов тогда перешла все границы. Представляете, явка тогда была 120 процентов. *(Смех в зале.)* Кошмар! Центральная избирательная комиссия фальсифицировала голоса не снизу вверх, а сверху вниз. К 12 часам не пришло даже 30 процентов, и выборы проваливались. И тогда бразды правления взял в свои руки Нугзар Саджая, он был председателем Совета безопасности. Он позвонил всем руководителям местных избирательных комиссий и сказал, чтобы они принесли голоса. И эти люди побросали все бюллетени. А бюллетеней оказалось больше, чем положено. А потом, когда к семи часам подошли люди, чтобы голосовать, Центральная избирательная комиссия закрыла двери. Так получилось это число – 120 процентов избирателей. И когда Шеварднадзе получил 79 процентов голосов, все успокоились. И это была заслуга Жвания. После всего этого с большим трудом вернулась надежда на то, что демократические институты работают, что выборы работают.

Эмиль Адельханов – А где гарантия, что с вами не поступят так же?

Паата Закареишвили – Нет никакой гарантии, я с тобой согласен. Очень плохо, что я так ставлю вопрос. Но у нас не было выбора – Шеварднадзе или кто-то другой. Кто вместо Шеварднадзе? Не было такого выбора. Был другой выбор – Шеварднадзе или хуже Шеварднадзе: Шеварднадзе уходит, и остается кто-то хуже него, его команда, которая ничего не заслужила перед миром, перед грузинским народом. Так же как и в случае с Ардзинба. Может, это неправильное сравнение, но Ардзинба, как бы плохо он себя ни вел и кем бы он себя ни окружил, во время войны был вместе с абхазским народом, и, соответственно, к нему отношение другое, чем к его окружению. Поэтому ему можно простить то, что нельзя простить его окружению, которое пришло на его фамилии, на его волне, и балдеет от

того, что президент их родственник. Нечто подобное было и в Грузии. Была опасность, что, не дай Бог, придет к власти окружение Шеварднадзе. Потому что им плевать на демократию, плевать на Бейкера. И нам светила перспектива пострашнее, чем режим Шеварднадзе. Вот такой у нас был выбор. И соответственно, конечно же, уход Шеварднадзе оставляет большую яму. Что легче убрать – однокоренной зуб или трехкоренной зуб? Шеварднадзе убрать труднее, чем того же Саакашвили или Жвания через 4-5 лет. Шеварднадзе правит Грузией с 1973 года. И он имеет огромную сеть, он пустил длинные корни по всей Грузии. И потому, убрав его, никто не может эту яму заполнить один. У него были огромные связи с Западом, ни у кого из лидеров таких связей нет. Никто из них не умеет врать Западу, как врал Шеварднадзе, потому что у него был авторитет. И как ни странно, ни у одного человека нет такого влияния на Россию и влияния от России, как у Шеварднадзе. Вот эти три сектора – внутреннюю политику, западную политику, российскую политику – он замыкал в себе, в одном человеке. Ни один из политиков Грузии – даже объединившись, Саакашвили, Бурджанадзе, Жвания вместе взятые – не то что не может совместить эти три позиции, не может даже в одной позиции быть лучше и сильнее Шеварднадзе. Но это их плюс – они больше зависят от народа, больше зависят от голосов. Только двум людям в Грузии не нужны были голоса – это Шеварднадзе и Абашидзе. Они свободно могли бы так провести любые выборы, что люди могли бы вовсе не ходить на выборы. Все остальные, в том числе и Нателашвили (для меня это неприемлемый человек) – все они зависят от народа, от голосов. Соответственно, они обязаны отчитываться перед народом. Через четыре года они будут отвечать за свои действия. Конечно же, опасность есть. Но опасность значительно меньшая, чем была при Шеварднадзе. Для меня Саакашвили не такой страшный, как Шеварднадзе, потому что им можно управлять и на него можно давить. Он говорит: «Почему ты не говоришь о том, какой я хороший?» Сначала пусть покажет, что хороший, а потом я скажу.

Есть такая грузинская поговорка: «Пока арба не перевернется, дорога не появится». Надо было арбу перевернуть. У самой Грузии невероятно огромные перспективы. Но политики у нас не дотягива-

ют до этих перспектив. Круг приближенных к Шеварднадзе был настолько замкнутый, что у многих политиков было больше амбиций, чем могло им позволить шеварднадзевское окружение. А сейчас они вдруг получили такой огромный круг, что не могут его заполнить. Сейчас фальсификаций не будет, потому что Саакашвили однозначно проходит. Главное, чтобы он набрал 50 процентов. Может быть, будут фальсификации насчет количества пришедших на выборы. Я лично, Паата Закареишвили, как ни странно, еще не знаю – стоит ли фальсифицировать. Если это нужно для Грузии, то, может быть, да. Конечно, это очень опасный момент. Лично я 4 января допустил бы какую-то приписку относительно явки людей, во имя...

Эмиль Адельханов – Во имя демократии?

Паата Закареишвили – Нет, как раз таки не демократии, а стабильности, потому что тогда кризис очень затягивается. Саакашвили проходит однозначно. Для меня что важно? Важно не то, чтобы прошел, а важно, чтобы потом власти готовили серьезные парламентские выборы. Если новые власти на самом деле сформируют центральную избирательную комиссию на основе профессионализма (а у нас все это формировалось на основе политических партий – у кого больше членов в комиссии, у того больше шансов), они получают больше мест в центральной избирательной комиссии. Есть очень много вопросов, которые они должны решить перед парламентскими выборами. Если опять не состоятся президентские выборы, эти вопросы откладываются. Как в Югославии – в Югославии до сих пор не могут избрать президента. В случае, если выборы не состоятся, усугубится общественный кризис. А это Грузии совсем не выгодно. Если кому это и выгодно, как ни больно об этом говорить, то выгодно только России. У самой России много проблем, и потому они не хотят допустить, чтобы в авангарде демократических преобразований стояла Грузия. И у Абхазии тоже будет меньше проблем, если Грузия станет более надежной и не пойдет с агрессией. Во всех контекстах нестабильная Грузия выгодна только России. Поэтому я сегодня даже на месте Чиаберашвили допустил бы в случае, если на выборы придут 45 процентов населения, приписать еще пять процентов. Это очень плохо, но...

Опять-таки, я должен сказать, что это очень глубокая тема. Что такое государство? Нужно ли нам государство?

Арда Инал-Ипа – Мне кажется, что можно было поступить бы по-другому. В такой ситуации при чрезвычайных обстоятельствах нужно либо очень серьезно работать с населением, чтобы все-таки обеспечить явку на выборы... А вы как-то заранее... *(не слышно)* это было бы плохим началом...

Паата Закареишвили – Я с тобой согласен, это будет очень плохой пример.

Лиана Кварчелия – Учитывая, что многие люди уедут из города, может быть, стоит принять еще какие-то решения, какие-то подзаконные акты, чтобы разрешить им голосовать в другом месте?

Паата Закареишвили – В любом случае я хочу, чтобы все было в рамках конституции. Конечно, приписки – это плохо...

Лиана Кварчелия – Нет, не приписывать, а дать возможность человеку в любой точке Грузии проголосовать без всяких формальностей.

Паата Закареишвили – Закон не позволяет. У нас просто очень мало времени, всего 45 дней, это очень мало. Потом сама ситуация очень сложная. Но выборы состоятся обязательно.

Пола Гарб – Вы так хорошо прошли через этот процесс и уже видите, что срабатывает, что не срабатывает. Выявилось ли что-то очевидное, что помешало на выборах или, наоборот, очень помогло?

Паата Закареишвили – Я больше политик, чем юрист. Так что я не могу уловить всех нюансов. Думаю, Чиаберашвили это знает лучше. Закон о выборах у нас очень слабый, потому что он политизированный. Самый главный минус этого закона – кодекс о выборах. В этом кодексе поместились все выборы – и президентские, и парламентские, и местного управления. Его главный минус в том, что он написан

под политиков, под политические партии, скажем так. Там учитывается существование сильных и слабых партий. Это не нравилось оппозиции, но нравилось властям, кто бы ни находился у власти. Когда Шеварднадзе был у власти, это ему нравилось. А сейчас, когда Шеварднадзе не у власти, этот закон, который он сам же поддерживал, ему уже не нравится. То же самое и Жвания. Этот закон ему не нравится, хотя мы помним, что он делал в 1999 году. Как только он оказался в оппозиции, этот закон перестал ему нравиться. А сейчас, когда он у власти, то он уже забыл, что этот закон ему не нравился. Закон надо менять. Одним из первых позитивных знаков новой власти будет изменение этого кодекса. И это должно быть сделано перед парламентскими выборами. Если это не сделают, трагедии не будет, но это будет серьезным заявлением о том, что они не собираются реализовать ту перспективу, о которой говорили и которая у них есть. Они должны поменять этот закон в том духе, в котором сами требовали его менять, когда были в оппозиции. Саакашвили, оппозиция многого требовали перед выборами – повысить зарплату, повысить пенсии, разобраться с олигархами, разобраться с криминалом, разобраться с коррупцией, разобраться с выборами. Если они не начнут это делать, значит, получается, что они боролись за власть, а не за демократию.

Гурам Одишария – Паата очень емко и хорошо обо всем рассказал. Что сейчас чувствуется в людях? Идут такие разговоры, что к власти пришли люди НПО, люди нового мышления. И что старое уже окончательно умерло. Может быть, они не из НПО непосредственно, но они всегда помогали им, способствовали их развитию. Скажем, тот же Жвания помогал ассоциациям молодых писателей и молодых художников, когда возникли проблемы с Союзом писателей. И это было очень важно. И многие встали рядом с ними.

Абесалом Лепсяя – Может быть, это связано даже не с тем, что они когда-то были непосредственно связаны с неправительственными организациями, сколько с тем, что неправительственные организации в массовом сознании связываются альтернативным образом жизни, альтернативным мышлением? То есть, они как бы являются определенным символом? Мне так кажется. Поэтому новых лиде-

ров относят к этому направлению, независимо от того, насколько тесно лично они были связаны с теми или иными организациями. Так ли это?

Гурам Одишария – Да, это так. Потому что сейчас часто слышны такие слова, как «новое», «новые решения», «новые решения старых проблем» и т.д. Многие говорят, что эти люди – Миша Саакашвили, например – невиновен в конфликте в Осетии, в Абхазии, что он как бы чистая персона и поэтому имеет великолепный шанс говорить на эту тему. Это уже абсолютно другой ресурс. Само собой, президент Грузии может кардинально изменить ситуацию. Паата уже говорил об этом – на него смотрят с большим оптимизмом, но и с большой осторожностью относятся к нему. Что касается кандидатов в президенты – оказывается, они получают по 50 тысяч лари, это приблизительно 24 тысячи долларов.

Вопрос – Они должны потом вернуть эти деньги, если они не набрали достаточно голосов?

Гурам Одишария – Нет. Они тратят их на плакаты, бюллетени и т.д.

Лиана Кварчелия – Мне кажется, что, несмотря на то, что Шеварднадзе был самой непопулярной личностью в Абхазии, тем не менее, такой его уход у нас восприняли достаточно настороженно. К Шеварднадзе в Абхазии вполне объяснимое негативное отношение, но и личности новых лидеров вызывают много вопросов. Например, Саакашвили, я уверена, для абхазского общества – темная лошадка. У нас очень мало информации о политической жизни Грузии. Так что до революции роз о нем мало что знали в Абхазии, тем более об его представлениях об урегулировании грузино-абхазских отношений. И если, как Паата говорит, у Саакашвили еще нет концепции в отношении грузино-абхазского урегулирования и он в зависимости от обстоятельств может сегодня сказать одно, а завтра другое, то Бурджанадзе и Жвания высказывались вполне определенно, и к ним уже сложилось определенное отношение. Помните высказывание Жвания несколько лет тому назад?

Арда Инал-Ипа – Он высказался в поддержку террористических актов партизан в Гальском районе... Это было давно...

Лиана Кварчелия – Сказал-то он давно, но это запомнили. Тем более, что ничего опровергающего он с тех пор не говорил. Поэтому к нему, как мне кажется, достаточно настороженное отношение. То же самое касается Бурджанадзе. Она знакома абхазским телезрителям по телемосту, в котором она участвовала с Тамазом Кецба. И еще совсем недавно я прочитала в газете «Панорама» ее интервью, ее мысли по поводу перспектив грузино-абхазского урегулирования. Подход Бурджанадзе ничем не отличается от того, что предлагал предыдущий режим. Она занимает достаточно жесткую позицию. Мне кажется, что те, кто помнят телемост или читали это интервью, перенесли свое восприятие и на Саакашвили. Посмотрим, что скажет он.

Если все-таки вернуться к тому, как мы воспринимали события в Грузии, у нас не было ощущения, что эти люди пришли к власти, опираясь на демократические ценности – скорее на националистические. При Шеварднадзе было плохо, но была какая-то стабильность, мы знали, что от него ждать. А сейчас пришли молодые националисты, и мы не знаем, попытаются ли они взять реванш или будут предлагать что-то принципиально новое. Естественно, у нас в обществе высказывались какие-то предположения в связи с тем, кого какая третья сторона поддерживает, как это скажется на развитии событий. Американцы, кстати, не скрывали своей поддержки новых лидеров. Но мне кажется, что глубокого анализа ситуации не было.

Паата Закареишвили – Где не было?

Лиана Кварчелия – В Абхазии. Лидеры политических движений тоже особо никак не высказывались. Хотя во время обсуждения предложений для будущего закона о выборах депутатов по инициативе лидеров оппозиционного движения «Амцхара» разговор перешел в русло обсуждения событий в Грузии и их возможных последствиях для Абхазии. По выступлениям многих было понятно, что они опасаются реваншистских настроений, хотя лично я не думаю, что сейчас приоритетной задачей для новых грузинских властей является

возвращение Абхазии силой. Возможно, это была предвыборная риторика. Однако на встрече цитировались слова Бурджанадзе, которая заявила, что если понадобится, она готова послать своих сыновей в Абхазию и Осетию, ясно с какой миссией. Общее мнение, что ничего хорошего от новых грузинских властей ждать не приходится.

Что касается ситуации у нас – да, я согласна с Паатой. Мы в своем заявлении НПО в связи с мартовскими событиями в Абхазии писали, что этот кризис как раз является признаком того, что общество развивается. Мы говорили, что это признак роста. И возможность открыто и масштабно высказывать свой протест – это тоже признак того, что в обществе идет оздоровление. Это совершенно не исключает того, что какие-то группы или какие-то личности могут руководствоваться корыстными интересами. Но большинство людей, как мне кажется, осознает необходимость перемен. Многие и раньше осознавали, но были при этом очень пассивными. Чего-то боялись, боялись не то чтобы гонений – у нас, в общем-то, политических заключенных нет... Но тем не менее, опасения были. А многие просто не верили в возможность изменений. Но доминирующим опасением было то, что на самом деле есть угроза войны. Нельзя расслабляться, нельзя разделяться, допускать раскол. Если такие настроения до недавнего времени были сильными, то сейчас, как мне кажется, люди более активно стали включаться в общественно-политическую жизнь. Перспектива предстоящих выборов и наличие нескольких оппозиционных движений и то, что уже началась предвыборная кампания и возникновение нового движения – «Ахъаца», все это говорит об очень динамичном развитии общества. Хотя у меня есть большие опасения, что наши политики, партии, движения увлекутся взаимными обвинениями, предвыборной риторикой, и люди просто разочаруются. Обмануть сегодня никого невозможно. Все знают, кто с кем связан, кто чей родственник, кто кого и почему поддерживает. Мне кажется, что неправительственные организации сыграли положительную роль в создании Форума народного согласия. Мы пытаемся помочь разным общественно-политическим движениям находить точки соприкосновения и с какой-то общей позицией выходить в парламент с предложениями. В чем-то это работает, в чем-то нет.

Но я думаю, что если бы из среды НПО кто-то претендовал на власть, то вряд ли бы им удалось сегодня заручиться поддержкой общества. Вряд ли они смогли бы, как мне кажется, претендовать на какие-то позиции, потому что все-таки в нашем обществе НПО ассоциируется с западными ценностями. Для многих демократия и западные ценности – это одно и то же. В обыденном сознании НПО – это прозападные организации, существующие на гранты. Очень, кстати, муссировался вопрос о том, какую роль НПО сыграли в Грузии, о том, что Сорос помогал, и т.д.

Ресурс НПО у нас сегодня востребован, почти все партии постоянно приглашают нас на встречи, обсуждения. Но если речь пойдет о том, чтобы кого-то видеть в роли претендента на ту или иную официальную должность, то там не будет такой поддержки. НПО-сектор как институт, конечно, нужен, и в этой ситуации кризиса он, конечно, проявился. Но хорошее отношение существует до тех пор, пока мы не претендуем на власть, в противном случае могут приписать что угодно, хотя никто из нас, в общем-то, даже в парламент не хочет баллотироваться, во всяком случае, из круга моих друзей.

Арда Инал-Ипа – Некоторые спрашивают: вам что, ваши фонды, ваши доноры запрещают баллотироваться? Я хотела добавить, что ситуация в Грузии, восприятие этой ситуации наложилось на наши внутренние процессы. В определенных кругах бродят сомнения по поводу того, стоит ли дожидаться очередных выборов президента, некоторые считают, что их надо ускорить. Об этом несколько раз ставила вопрос «Амцахара». И вдруг мы видим, что, не дожидаясь выборов, в Грузии дееспособного президента выкидывает толпа. И люди, которые находятся у власти, очень обеспокоились, что подобный опыт может быть перенят. Даже появились карикатуры и шутки по поводу того, что некоторые абхазские политики примеряют грузинские бархатные пиджаки. Это критиковалось не только потому, что не понравились молодые грузинские политики, но и потому, что не хочется такого прецедента у нас. Была и такая реакция.

Лиана уже упомянула о роли Соединенных Штатов. Конечно, то, что говорили американские политики об их помощи новой власти, не осталось незамеченным. Эта помощь в сочетании с такими

боевыми высказываниями грузинских лидеров вызывает большое опасение. «Ахъаца», кстати, выступила с заявлением после этих событий, в этом заявлении отражена серьезная обеспокоенность: надо быть в боевой готовности, потому что ситуация усложнилась и опасность стала реальной. Вот таковы основные настроения. На самом деле, риторика была предвоенная, на мой взгляд.

Еще такой момент. Многим не понравилось то, как Россия в какие-то моменты ставила знак равенства между Аджарией и Абхазией. По российской информации получалось, будто эти республики выступали на равных. Часто писали через запятую «Южная Осетия, Аджария, Абхазия»... Это очень многим не понравилось. И я думаю, что задержка Хаджимба была неспроста: он не сразу поехал в Москву, он продемонстрировал, что поехал в Москву согласно своим планам, по своим делам.

Абесалом Лепсяя – В принципе, я согласен с тем, что здесь говорилось о реакции, которая была в Абхазии на события в Грузии. В общем-то, к этому особо добавить нечего. Но мне было интересно наблюдать эту реакцию. Эта реакция много говорила о нашем обществе и о наших политиках. К сожалению, приходится отметить, что, действительно, не было серьезного анализа, как, в принципе, полагалось бы в обществе, где есть нормальные политики, которые отслеживают процессы, анализируют то, как могут развернуться события в том или ином регионе, тем более в Грузии. Вот этого действительно не было. Были чисто спонтанные реакции типа нравится или не нравится и опасения, проецируемые на то, что такие события могут произойти в самой Абхазии. Оправданы или не оправданы опасения – не в этом дело. Не очень пристальное внимание к тому, что происходит в регионе, с которым так или иначе нам приходится иметь отношения и строить отношения. Это показатель, как мне кажется, незрелости тех политиков, которых мы имеем. Это показывает уровень ответственности.

Арда Инал-Ипа – Более того, мне кажется, некоторые боялись серьезно и подробно освещать эти события. Они боялись, что подумают, что это нас касается. Я несколько раз слышала такое выражение:

«Это нас не касается. Это соседнее государство, мы не будем комментировать. Мы укрепили границы, и все». Было такое ощущение, что анализ событий каким-то образом может привязать их к тому, что происходит в Грузии... Действительно, наблюдалась некоторая близорукость.

Лиана Кварчелия – Вовремя никакой политической оценки сделано не было. Осетия высказалась, Аджария высказалась. А Абхазия...

Абесалом Лепсая – Это своеобразное продолжение традиций недифференцированного отношения к грузинам и к грузинской стороне. Там есть разные политические силы, разные личности, разные люди. И с этим надо как-то работать, с этим надо иметь дело. Там разный спектр. Сегодня там одни силы могут быть, завтра другие. Это все надо отслеживать. Все политики во всем мире так и поступают. Но мы почему-то никак до этого дойти не можем. Самое удивительное, что и не хотим. Вот это очень странно. Это показатель незрелости нашего политического истеблишмента, скажем так. Для меня это было настолько очевидно. Конечно, тут был своеобразный психологический элемент. Эти события проецировались на внутренние наши события, как-то в сознании накладывалось – вдруг у нас тоже такое произойдет, хотя серьезных оснований для этого нет, но тем не менее. Кроме того, вдруг обнаружилось, что к Шеварднадзе в Абхазии просто привыкли, хотя отношение к нему отрицательное. Да, есть там Шеварднадзе и хоть он и плохой, хоть и гад, но мы как-то к нему привыкли. А с новым мы не знаем ни как разговаривать, ни как быть, ни что делать. Действительно, темные лошадки. Для меня, кстати, тоже. И тем более надо ответственно к этому относиться.

Я хотел бы сказать, что меня, например, вот эти события в Грузии все-таки настораживают. Вне зависимости от того, было ли это выступление справедливым или не было справедливым, не давая этому оценку, меня настораживает то, что в Грузии стало очень легко свергать правительство. Гамсахурдия свергли, прошло немного времени, и свергли Шеварднадзе. Есть опасение, что это станет какой-то традицией. Эти революции будут все время происходить. Завтра не понравится Саакашвили, и его будут свергать, а потом друго-

го. Появление такой традиции нежелательно, потому что тогда общество становится трудно предсказуемым. А с трудно предсказуемым обществом трудно строить предсказуемые политические отношения. Не хотелось бы, чтобы такая традиция как-то закреплялась. Это как бы со стороны такое наблюдается. Когда люди находятся внутри этих событий, может быть, они этого не замечают, потому что ими движут какие-то сегодняшние цели: Шеварднадзе – плохой, и надо обязательно его убрать. А когда смотришь на это извне и анализируешь, то такое складывается впечатление, что как-то легко, относительно легко – конечно, я понимаю, что за всем этим стоит – но в течение короткого времени вот так как-то выбросили на свалку не первого президента... Такое впечатление складывается, когда смотришь со стороны. Хотя то, что произошло сейчас, то, что называется «бархатной революцией», обошлось на самом деле без крови. С самого начала я отдавал должное тому, что это удалось сделать именно так. Для постсоветского пространства это на самом деле довольно необычное явление, когда тысячи людей, которых очень легко спровоцировать, соблюдали некий порядок. Может быть, это свидетельство того, что Шеварднадзе настолько себя дискредитировал? По моему мнению, то, что сейчас произошло в Грузии, конечно, требует от нас определенного внимания, может быть, нового подхода... Если Шеварднадзе можно было поймать на каких-то интригах, то это другие люди. Надо будет думать, как со своей стороны в политическом плане строить отношения с этими людьми. Мы должны не только ждать, как они себя поведут, но и мы тоже должны знать, как себя повести и что сказать, что предложить. Когда происходит подобное – это всегда определенный вызов. Я сам именно так воспринял то, что произошло в Грузии.

Арда Инал-Ипа – Мы слышали много негативных оценок Шеварднадзе за все эти годы, особенно послевоенные. И действительно, было такое ощущение, что если уйдет этот человек, ответственный за войну, многое должно измениться к лучшему. С приходом других людей возникнет какая-то надежда на урегулирование. Но, наблюдая за тем, как наше общество воспринимало ход развития этой бархатной революции, чем ближе была победа этих молодых националистов,

тем больше люди с удивлением находили в себе какие-то симпатии к Шеварднадзе. Несмотря на то, что в данный момент новые лидеры были его злейшими врагами, он их все равно называл «ребята», то есть продолжал как-то по-отечески к ним относиться. Вначале мы говорили, что Шеварднадзе никогда не выпустит власть из рук и будет за нее держаться до конца, и, возможно, все дойдет до кровопролития. Но когда все-таки Шеварднадзе, так или иначе, заставили подать в отставку, я почувствовала, как это ни было трудно абхазскому человеку, но он вызвал какое-то уважение тем, что не допустил кровопролития, что сам отказался от власти, и тем, что без оскорблений высказывал свою точку зрения. С другой стороны, это говорит о том, что абхазское общество врага идентифицировало не с конкретной фигурой Шеварднадзе, а с националистической идеей, которая теперь продолжает жить уже в речах этих молодых политиков. Многие думали, что уйдут первые лица и легче будет договориться о мире. Мне кажется, что это не так просто. Если наши опасения были связаны в большинстве своем с личностью именно Шеварднадзе, то тогда в Абхазии были бы другие настроения. На самом же деле, сейчас опасения только усилились. Нам представлялось, что Шеварднадзе проводил какую-то устаревшую, уже выдыхающуюся антиабхазскую политику. Мы почти не ожидали новых выражений на этом поприще от Шеварднадзе. Но сейчас этот старый курс был поддержан новой сильной националистически заряженной волной. Несмотря на то, что к Шеварднадзе мы предъявляем гораздо больше обоснованных претензий, новые политики воспринимаются более опасными врагами, так мне кажется.

Лиана Кварчелия – Мне кажется важным еще и то, что новые лидеры у нас ассоциируются с американской политикой, и все это к тому же называется «демократией». В свете того, как себя ведет американская администрация в последнее время, возникают большие сомнения. Эти демократические лозунги... они понимаются именно как лозунги, не более того. Американцы оправдывают войну в Афганистане и Ираке, так почему не допустить, что если Бурджанадзе говорит, что пошлет воевать своих детей, а Саакашвили говорит, что наденет военную форму, то это так и будет? И эти действия можно

приправить какими-то красивыми словами, как это делает сегодня американская администрация.

Арда Инал-Ипа – Я еще вспомнила о связи этих событий с проблемой международной помощи. Перед выборами все чаще стали звучать высказывания представителей американской администрации о том, что колоссальная помощь, оказываемая Грузии, по своей значимости стоящая на втором месте в мире после Израиля, исчезает в черной дыре коррупции. Стало известно о недовольстве американской администрации тем, как расходуются эти средства. После десятилетия финансирования и поставок впервые возникло серьезное недовольство. Говорилось даже о том, чтобы значительно сократить или вообще прекратить эту помощь. В связи с этим в Грузии стали понимать (некоторые в абхазском обществе так считают, и я в том числе не отвергаю подобный вариант), что необходимо что-то срочно придумать и сделать, чтобы возобновить мотивацию оказания помощи. Иначе Грузии трудно будет выжить. Для смены старого правительства пришлось бы ждать полтора года, а за это время в Штатах уже могли бы принять невыгодные для Грузии решения. Нужно было что-то срочно обновлять, чтобы появилась возможность обосновать целесообразность помощи. И даже если бы не было фальсификации с выборами, то надо было бы что-то еще использовать, чтобы обеспечить резкое изменение ситуации в Грузии, чтобы опять было обоснование для такой помощи. И у нас очень многие считают: все равно Грузия без помощи никогда не останется, что-нибудь да придумают.

Гурам Одишария – Некоторые высказывали такое мнение. Есть даже такое предположение, что с Шеварднадзе договорились, все было очень профессионально проделано и т.д. В посольстве Америки было организовано видеосовещание с американской администрацией. Посол пригласил туда Бурджанадзе, Жвания и министра Ногайдели. Они совещались с американской администрацией через телеэкран. Содержание переговоров не оглашалось. Но когда совещание завершилось, министр Ногайдели вышел и сказал, что не первый день работает, но даже представить не мог объемы той помощи, которая нам сейчас обещана.

Реплика – То есть, обещано было еще больше?

Гурам Одишария – Больше, чем когда-либо.

Эмиль Адельханов – Мне кажется, что такая динамика отношения к Шеварднадзе – это не специфически абхазский феномен. Наверное, я тоже абхаз, потому что у меня все проходило буквально так же: чем больше его мордовали, тем больше мне его становилось жаль. *(Шум в зале.)* У меня это было так: «Эти ребята научат меня любить Шеварднадзе». *(Смех в зале.)*

Вот вы говорите о нехватке аналитических статей о событиях в Грузии. Мне кажется, такое характерно для всякой отделившейся республики. У нас, например, о России ничего практически не пишут, кроме как про очередные козни Кремля. *(Смех в зале.)* Ко мне приходит человек, работающий в НПО 10 или 15 лет, и просит написать письмо в *правозащитную* российскую организацию «Память». А если спросить у нас, кто в России самый влиятельный из демократически настроенных политиков, могут сказать: Новодворская. То есть, позиция такая: «Мы сейчас живем сами по себе, нам все это неинтересно, это все ваши дела. Вы нас интересуете ровно постольку, поскольку вы для нас опасны. И больше ничего».

Еще один момент, о котором я хотел сказать. Вы говорили, что существует опасность, что народ привыкнет к революциям. Существует еще опасность, что народ устанет от революций. Вот это еще хуже. Паата сказал, что устали от застоля – еще хуже будет, если устанут от революций, когда одна, вторая, третья революция не принесут ничего.

Паата Закареишвили – Мы еще ничего не говорили о перспективах для абхазской стороны. Наши абхазские коллеги говорили в контексте, в разрезе новых событий в Грузии. Здесь мало кто говорил об Абхазии, потому что в этих процессах на самом деле вопросы Абхазии как таковой не присутствуют. Другие вопросы занимали значительно больше времени – например, вопрос Аджарии. Можно сказать, что половина всех действий, которые сейчас происходят в Гру-

зии, связаны с Аджарией. Если в грузинской прессе сегодня и мелькает слово «сепаратизм», например, в устах Саакашвили звучит это слово, то от Бурджанадзе и от Жвания вы его никогда не услышите... *(Не слышно.)*

Вопрос Абхазии будет лакмусовой бумагой по отношению к новой политике новых властей. Мы, гражданское общество, заложили много тем, по которым очень быстро будет видно, на самом ли деле это новые власти, или они просто хотели бороться за власть. И один из основных вопросов – это, конечно, абхазский. У них два выхода – или они должны знать, что в абхазском вопросе тоже были проблемы... А они в этом не очень разбираются. Если предложат разобраться, это будет хороший знак. Они должны понимать, что если старые власти нагадили с коррупцией, с полицией, с криминалом, с пенсией, по всем вопросам у них были проблемы, то эти нездоровые отношения отразились везде, они не могли положительно отразиться и на абхазском вопросе – значит, и там тоже что-то плохо. Поэтому давайте не будем слепо следить за тем, чем занимались старые власти, давайте хотя бы изучим, что такое Абхазия и как к ней надо подходить. Это был бы хороший жест, хорошее заявление. И второй выход – если уже есть какая-то сложившаяся концепция, тогда надо сказать, что старая политика – ерунда, у нас вот такая новая позиция. Вот в этих контекстах мы могли бы им довериться. Но пока таких моментов нет.

Что касается заявлений Бурджанадзе... Она, конечно, сейчас стала более прямолинейной, хотя всегда отличалась гибкостью. Сама по себе она самодостаточный политик, довольно умная, можно даже сказать, что одна из самых умных политиков Грузии, без всяких оговорок на нее, как на женщину. Она, в самом деле, очень сильный политик. Но именно по отношению к Абхазии она очень прямолинейная и негибкая, и это удивляет. Именно ее женский подход в политике должен ей внутренне диктовать, что здесь что-то неладно и что надо быть более гибкой.

Реплика – Ведь ее кумир – Маргарет Тэтчер.

Паата Закареишвили – Но она грузинский политик и была очень гибкой внутри грузинской политики. Скажем, как спикер парламента

она умела лавировать между политическими субъектами, очень хорошо могла сочетать их интересы и учитывать это на заседаниях парламента. Она показала, что умеет различать нюансы. А по отношению к Абхазии это почему-то не срабатывает, и это очень удивительно.

Саакашвили, в принципе, не делает грубых замечаний. Пока не состоятся выборы, это все надо списывать на предвыборную риторику. Если же и после выборов продолжится такая же риторика, то тогда мы должны сказать, что это не было предвыборной риторикой. Пока что нынешняя ситуация позволяет так говорить. Но все-таки наши новые власти находятся под влиянием западных институтов, и это само по себе неплохо, потому что они под контролем. И они все-таки реализуют те позиции, те приоритеты, которые сегодня нужны Западу. Западу сегодня нужен стабильный, устойчивый демократический общественный строй в Грузии, но «стабильный» в данном случае важнее, чем «демократичный». Но если Грузия будет стабильной, устойчивой, да еще и демократической, то это будет вообще гениально. Для Запада как-то очертились вот эти три составляющие. И, соответственно, они хотят укрепить эти позиции, чтобы весь этот ряд не развалился. И поэтому они требуют от новых грузинских властей серьезных государственных шагов. Это, в первую очередь, бюджет. Грузия должна состояться как государство именно через бюджет. Она должна контролировать свой бюджет – создавать бюджет, формировать бюджет, контролировать трату денег и т.д. Грузия должна показать экономический подъем. В Грузии, в принципе, был экономический подъем, по крайней мере падения не было. Производство работало, люди работали. Но это все работало, а затем исчезало, все уходило как в песок. Государства не было, были работающие люди, которые сами удовлетворяли свои интересы, и все. Но не было государства, которое, во-первых, гарантировало бы им работу, а потом как-то взимало бы налоги и т.д. То есть, границ не существовало, они были прозрачными, кто хотел, тот и передвигался, что хотел, то и переносил. Проблемы коррупции, армии, полиции – вот те позиции, по которым Западу нужно увидеть, насколько Грузия готова меняться. Запад, особенно в лице Америки, хочет увидеть – что могут сделать власти там, где распространяется их юрисдикция. На абхазов не распространяется, поэтому там сейчас не требуют. Там

надо вести переговоры, а это более сложный механизм, поэтому сейчас не до этого. И мне кажется, что в списке приоритетов Запада Абхазия не присутствует. Поэтому, соответственно, и у политиков нет особого влечения к проблемам Абхазии – ни с хорошей, ни с плохой стороны. Грузия сейчас и самом деле не готова военным путем решать вопрос Абхазии. Поэтому это не стоит в повестке дня. А как это сделать мирным путем, еще никто не знает. Потому что эти власти еще не знают, как можно решать конфликты мирным путем. Конфликты – для нас чуждое дело, конфликты – это что-то плохое. Поэтому пока Запад не поставит перед Грузией задачу – разобраться с Абхазией, в хорошем смысле этого слова, вряд ли у наших властей появится время заняться Абхазией. Они все-таки считают, что Абхазию нынешняя Грузия никак не заинтересует. Они видят, что Абхазия беспокоится о безопасности и ищет ее где-то в России, которая на самом деле не совсем надежное государство, тем более после последних выборов, когда к власти пришли серо-коричневые. Это мое мнение и мой анализ. И там вряд ли в перспективе Абхазии будет уютно. В России, где на все нацменьшинства, на нерусских смотрят свысока, не думаю, что к абхазам будет лучшее отношение. Для них мы все грязные, чумазы кавказцы, и отношение к нам соответствующее. Им Абхазия нужна как раз таки для того, чтобы разобраться с Грузией. Поэтому более привлекательной могла быть демократическая Грузия. Грузия, которая имеет шансы стать более или менее достойным членом НАТО, в перспективе имеет шанс, чтобы ее рассматривали как члена Европейского Союза. Обо всем этом грузинские власти должны думать как о привлекательности для Абхазии. Поэтому нам лучше сперва разобраться с собственным государством, сделать все, чтобы у нас было нормальное государство. И после этого, наверное, можно заняться Абхазией. Конечно, время идет, время работает не в пользу разрешения конфликта. Но в любом случае Грузия может проявить себя более достойно. Если это так, то это, конечно, можно приветствовать. В любом случае, все это проявится в ближайшие полгода, потому что будут президентские выборы. Потом, конечно, перед парламентскими выборами тоже будет спекуляция на абхазские темы. Но в любом случае настоящая деятельность начнется только после парламентских выборов, так мне кажется. И

здесь, конечно, должна быть очень важной роль Запада. Мы должны добиться, чтобы наши коллеги, особенно те, кто помогает нам в организации диалога, эти международные организации, увидели, что Грузия может состояться как общество. Как мне кажется, грузинское общество уже состоялось, но как государство Грузия еще не состоялась. И тут велика роль Запада. Их вклад и их инвестиции дают результат, приводят к каким-то итогам. Соответственно, можно вложить силы и в разрешение конфликта. Если грузинское общество откликается на какие-то демократические запросы, то может откликнуться и на какие-то конфликтологические запросы. И здесь есть ресурсы. Если Запад внесет в свой список – «разберитесь мирным путем, руководствуйтесь уважением, соблюдением интересов абхазов и абхазского общества», я уверен, что грузинское общество и власти смогут переориентироваться на такую постановку вопроса.

И еще насчет НПО. Конечно же, это было революцией НПО и гражданского общества. Все эти новые политики, если они и не выходцы из НПО (а я точно могу сказать, что они не выходцы из НПО), то взгляды их формировались под влиянием НПО. Запад делал очень правильную ставку, когда надеялся не на политиков, а на общество и решил менять общество. То есть, есть влияние на общество, а через общество есть влияние и на политиков. Большинство советников новых властей (особенно это касается Саакашвили) из НПО. Наверное, один из плюсов сектора НПО, что у нас нет никаких претензий на власть, чтобы кого-то заменить. У нас есть претензии требовать от властей, чтобы они были лучше, чтобы постоянно их контролировать, чтобы они соответствовали тому закону, который сами же принимают.

Эмиль Адельханов – По поводу того, что НПО имеют реальную возможность влиять на нынешних политиков. Чисто практический вопрос: какова вероятность того, что, скажем, Закареишвили и Хидашели окажут влияние на политику нынешнего руководства по отношению к Абхазии?

Паата Закареишвили – Вероятность есть. Особенно если это будет поддержано западными организациями... Таких людей, как я и Хидашели, можно еще назвать человек 10-15.

Эмиль Адельханов – А конкретно по части Абхазии?

Паата Закареишвили – Вот, например, наш круг – те, кто участвует в проектах Полы Гарб. Можно взять этот список. Например, Чиаберашвили...

Эмиль Адельханов – Чиаберашвили сейчас не может – занят.

Паата Закареишвили – Это ничего. Чиаберашвили сможет нас поддержать, когда мы будем обсуждать такие вопросы. То же самое и Джгереная. Есть такие люди. На многих мы, НПО, тоже влияем, на тех, кто нам верит. И, соответственно, те, кто нам верит, тоже могут нас поддержать. Так что, если эта позиция будет подтверждена со стороны Запада международными организациями, такими как ОБСЕ, Совет Европы, другими европейскими структурами... Определенную роль могут сыграть международные НПО, например, британские наши коллеги. Но самое главное сегодня все-таки Америка. Как все-таки вдолбить американским властям, что силовые методы управления миром не всегда должны быть поощряемы в конкретных государствах? Если Америка сильна своими деньгами и в своих позициях по отношению к Ираку, с их точки зрения, это значит, что и Грузия тоже должна быть так же сильна по отношению к Абхазии. А нужно ли им быть такими сильными?

Эмиль Адельханов – Американцы такое не поймут.

Паата Закареишвили – Американцы поймут, просто они не понимают суть и смысл этнических конфликтов. И это их проблема. Для них это прошедший этап и какое-то средневековье, поэтому они смотрят на это свысока и не видят, что на границе Европы с Азией этнические вопросы еще не решены. То есть, в тех странах, где еще не состоялись национальные государства, там, где во время большевистской революции все эти процессы были прекращены.

Вопрос – А прекращены ли эти процессы, например, в Голландии?

Паата Закареишвили – По крайней мере, там принято считать, что спорные вопросы решаются законом. Вот это там решено. Там гражданские отношения выше, чем этнические отношения. Принадлежность к той или иной нации там не является превалирующим фактором, когда ты гражданин. Гражданство выше национальности. Соответственно, когда такая проблема существует, то она решается на уровне договоров, на уровне закона, то есть, главное – это общественный строй, общественные отношения. Если общественная система надежная, если она основана не на традиции, а на законе, на праве, тогда любой вопрос в перспективе решаем. Вот Бельгия – одно из самых интересных государств по национально-государственному устройству. И Испания.

Арда Инал-Ипа – Но в Испании решен национальный вопрос?

Паата Закареишвили – Что значит, не решен национальный вопрос? Окончательного решения никогда не бывает.

Арда Инал-Ипа – Это до поры до времени. Но я считаю, что на данном этапе вопрос Норвегии и Швеции решен. А было время, когда их взаимоотношения были проблемой...

Паата Закареишвили – Но *на данном этапе* он решен.

Арда Инал-Ипа – Что касается Испании. Сейчас вы, наверное, следите за последними событиями. Там скоропостижно приняли закон о референдуме. Власти Басконии хотели провести референдум о статусе своей провинции. И, наверное, хотели использовать результаты этого референдума. В срочном порядке, с нарушением некоторых процессуальных норм был принят закон, ограничивающий возможности Басконии проводить референдум. Причем многие испанские оппозиционеры, которые отрицательно относятся к перспективе отделения Басконии, тем не менее не согласны с тем, как был принят этот закон. В знак протеста они вообще не принимали участия в голосовании, потому что считают это незаконным. Согласно этому закону, очень многие люди должны будут оказаться в тюрьме, если

будут продолжаться эти процессы. Там этот вопрос стоит достаточно остро. Я говорю об этом потому, что ты слишком однозначно исключил юг и запад Европы – ты сказал, что национальный вопрос не решен только на востоке Европы, на границе между Азией и Европой. Я не могу с этим согласиться. Есть еще и ирландская проблема.

Паата Закареишвили – Я говорил не о географии, а о подходах к решению конфликтов. А общество без конфликтов не существует. В любом обществе есть вопросы, которые надо так или иначе решать. Но в некоторых обществах есть механизмы, которые дают гарантированное обсуждение этого вопроса.

Арда Инал-Ипа – Эти конфликты до сих пор остаются кровавыми.

Абесалом Лепсая – Само слово «решение вопроса» – не вполне адекватный термин применительно к этническим конфликтам и национальным процессам, вообще к политическим процессам в широком смысле. Когда писатель пишет книгу и поставил точку, то можно сказать, что он написал книгу. Когда архитектор заложил последний камень, он может сказать, что закончил строить здание. Художник нарисовал картину, нанес последний мазок и сказал, что закончил картину.

Арда Инал-Ипа – Ты разве не видишь разницу между ситуацией, скажем, в Финляндии и ситуацией в Северной Ирландии?

Абесалом Лепсая – Есть разница, конечно.

Арда Инал-Ипа – Есть действующий конфликт и есть такой, где он фактически, м.б., существует только в теоретическом плане...

Абесалом Лепсая – Если ты, допустим, через 60 лет существования Советского Союза спросила бы, решен у нас национальный вопрос, наверное, тебе каждый ответил бы, что у нас национальный вопрос решен.

Арда Инал-Ипа – Абхазец бы так никогда не ответил, и я в первую очередь так никогда не ответила бы.

Абесалом Лепсая – Я тебя уверяю, что и среди абхазцев нашлись бы люди, которые ответили бы так же.

Арда Инал-Ипа – Но это не было общим мнением.

Абесалом Лепсая – Это как раз свидетельствует против тебя, что абхазец так не ответил бы.

Арда Инал-Ипа – Я спорю с Паатой – с тем, что он говорит, что этнические конфликты имеют место на гораздо более обширной территории, чем граница между Азией и Европой...

Абесалом Лепсая – В данном конкретном случае я с тобой согласен.

Арда Инал-Ипа – Для сравнения я привела пример Норвегии, отделившейся в свое время от Швеции, где сейчас стабильность и мир. Я не могу ставить знак равенства между Северной Ирландией и Норвегией.

Паата Закареишвили – Я не поставил знак равенства. Ты ставишь вопрос о том, насколько решен этот вопрос. То есть, решен вопрос или не решен. А для меня это неважно. Для меня важно то, что в Северной Ирландии теми же способами стараются решать проблему, каким уже решили в Норвегии. То есть, путем переговоров, путем разговоров, с учетом интересов друг друга. Сейчас в Северной Ирландии прошли выборы, которые дали не самые лучшие результаты, потому что там победили реакционные силы. Но это тоже хорошо. Сейчас на них лежит ответственность – как выйти из этого кризиса? Везде в этих странах идут процессы, то есть, они не стоят на месте. Если они упираются в какую-то стенку, то не ждут какую-то Россию или какой-то Вашингтон, чтобы решить эти вопросы.

Арда Инал-Ипа – Но сама идея в том, что эти конфликты есть.

Паата Закареишвили – Без конфликтов жить невозможно.

(Шум в зале.)

Паата Закареишвили – Гражданские ценности стоят выше этнических, и с помощью гражданских ценностей они стараются решить все эти конфликты. Это очень важный момент. В Европе перешли границу – они от этнических взаимоотношений, от этнических интересов перешли к гражданским интересам. Вопросы, которые у них возникают – этнические, экономические, вопросы глобализации – все эти вопросы они решают одним способом – правовым. Везде выше всего ставят закон, договор. И договариваются. Если договорились, то этот договор потом не нарушают. А на его основе надстраивают другие договоры. Общий смысл европейского домостроительства – это кирпичное домостроительство. Каждый кирпич кладется на другой. А у нас строят секциями. Мы хотим или сразу весь дом построить, или вообще ничего не строить.

Лиана Кварчелия – Но западные страны в качестве заинтересованных сторон имеют все-таки отношение к другим конфликтам, на Ближнем Востоке, например, или к тому, что сейчас в Ираке происходит.

Паата Закареишвили – Но это Америка. А я говорю про Европу.

Реплика – Но Европа же поддерживает.

Паата Закареишвили – Европа не так уж и поддерживает. Например, британское общество не поддерживает. Там все это неоднозначно.

(Не слышно.)

Абесалом Лепсая – Я думаю, что дело в том, как смотреть на эти вопросы. Арда говорит, что в Европе есть этнические конфликты, и там эти вопросы не решены. И это действительно так. И то, что где-то нет такого конфликта – это не означает, что завтра там его не будет. А Паата тоже по-своему где-то прав, потому что он немножко

по-другому ставит вопрос. Насколько я понял, он говорит, что слово «решить» к проблеме национальных конфликтов не подходит. Есть регулирование конфликтов. Он больше говорит о том, что в Европе уже есть и найдены, совершенствуются, используются какие-то методы и формы регулирования конфликтов, и достаточно эффективные. Именно регулирование конфликтов, а не решение. Что такое решение? Это сомнительный термин по отношению...

Паата Закареишвили – Для меня процедура важнее, чем результат. Для меня управление конфликтом, конфликт-менеджмент, важнее, чем разрешение конфликта.

Абесалом Лепся – На самом деле это самое главное. Только так и надо работать с конфликтом.

Паата Закареишвили – К сожалению, вот эту войну, которая случилась к нашему великому несчастью, мы называем конфликтом. Это был не конфликт. Это было разрешение конфликта путем войны. То есть, грузины, как бы не признавая конфликта, публично о нем не говоря, втихаря, исподтишка захотели решить этот конфликт военным путем и развернули страшную, недостойную войну. Но это был не конфликт, это была попытка разрешения конфликта.

Лиана Кварчелия – Паата, я не согласна. Ты говоришь, в Европе вышли за этнические рамки и перешли в русло гражданских взаимоотношений. Но наш конфликт – не только ведь этнический, он в первую очередь политический.

Паата Закареишвили – Но они нашли такой универсальный метод, который позволяет решать любой конфликт. То есть, это метод договора. Договор не может быть между этническими группами, договор может быть между гражданами как между равноправными сторонами. Грузины и абхазы не равноправные стороны. Надо стать выше национальности. То есть, надо усвоить те ценности, которые сейчас существуют в мире. Гражданские ценности, демократические ценности. У каждой из национальностей есть свои интересы. У абхазов свои, у гру-

зин свои. Но если мы не содержание интересов возьмем за основу, а форму... Для меня сперва не важно, какие у человека интересы, для меня не важно – для чего абхазу нужна независимость. Для меня важно, что она ему нужна. И вдруг начинаю внедряться, изучать – зачем абхазу нужна независимость. И, соответственно, стараюсь понять его и предложить что-то другое. Или вот грузину необходима территориальная целостность, и абхазы должны выйти за рамки национального противостояния и задуматься – а для чего им это надо? Чего боится грузин? Почему ему нужна вот эта территориальная целостность? Могу ли я, удовлетворяя свои интересы, нарушить его интересы? Можно ли встретиться в другом месте? То есть, не здесь, на берегу Ингури с обеих сторон драться, а подняться куда-то выше, где можно сблизить наши интересы. И вот это уже вопрос переговоров. И мы находим решение вопроса где-то посередине. И вот об этом у нас никто не думает – ни в Грузии, ни тем более в Абхазии, потому что они находятся в осадном положении. И я могу понять, почему в Абхазии не думают.

Я сейчас не про наш конфликт говорю. Вот в Европе пошли дальше. Они стараются говорить не со своей точки зрения, а сойти со своей точки зрения и стать где-то посередине. Это уже не этнический подход. То есть, это больше, чем этнический подход. Здесь уже соблюдаются общественные интересы. И вот это для меня важно, каким методом они воздействуют на конфликт. Неважно, какой конфликт – партийный, семейный, внутригосударственный, внутриобщественный, межгосударственный, межэтнический. То есть, любой конфликт они берут как универсальное явление и соответственно к нему подходят. И в свое время между Швецией и Норвегией или Финляндией тоже были конфликты. И именно таким путем они начали подходить. И интересна нынешняя позиция Британии по отношению к Северной Ирландии. Лондон заявил, что для него не является самоцелью оставить Северную Ирландию в составе Британии, важно волеизъявление народа Северной Ирландии. Может быть, в этом есть какое-то лукавство, но они об этом уже официально заявляют и уже не могут от этого отойти. Вот об этом идет речь.

Арда Инал-Ипа – Понятно. Но сейчас идет речь о том, что Британия отказала...

Паата Закареишвили – Сегодня отказала. Но это еще не результат. Завтра придут те...

(Не слышно)

Паата Закареишвили – Вот мы все практически здоровые люди. Но мы же болеем. Бывает, что мы заболеваем, приходится как-то лечиться или использовать внутренние ресурсы нашего организма, а если это не помогает, то лекарства пьем.

Лиана Кварчелия – Арда же говорит о том, что не всегда болеют одни и те же. *(Смех в зале.)*

Паата Закареишвили – Западные сообщества практически здоровы. Есть такое понятие «практически здоров». То есть идеально здоровых не бывает. Твой организм способен адекватно реагировать на окружающую ситуацию и держать баланс, то, чего не может больной организм. Вот нынешние африканские, азиатские, латиноамериканские общества – и мы тоже – практически нездоровые общества. То есть, на нас влияет любой внешний фактор – американская политика, российская политика, очень многие факторы, на которые мы не можем адекватно реагировать.

Лиана Кварчелия – Но разве на европейцев тоже не влияют эти факторы? Или там нет стран-лидеров и более слабых государств, связанных обязательствами перед европейским сообществом?

Паата Закареишвили – Конечно. Все это условно.

Арда Инал-Ипа – Паата, я не верю в то, что, цивилизованно относясь к конфликту, Испания готова увидеть интерес Басконии в том, что она все-таки должна отделиться. Я, конечно, вижу, что она цивилизованно пытается решить этот конфликт, но в рамках территориальной целостности Испании. Все-таки, мне кажется, что вот этот принцип превалирует и все вот эти мудрые подходы берут его за основу, несмотря на это объединение Европы и т.д., может быть это потом приведет к

какому-то другому видению... Но сейчас я не вижу вот такой честности, о которой ты говоришь. Что, если вдруг испанское правительство увидит, что интересы Басконии в том, чтобы отделиться? Они на это не пойдут. Я этого не вижу. И ни в ком другом тоже. И нигде этого на самом деле нет. Поэтому и Британия воевала за Фольклэнды.

Паата Закареишвили – Я говорю об универсальных методах, а ты приводишь конкретные примеры. Это потому, что большинство басконцев не хотят отделиться от Испании. Поэтому у них другая мотивация, чем у террористов...

Арда Инал-Ипа – Если бы так было, то они в срочном порядке не отменяли бы референдум. Почему они тогда отменили референдум, если они уверены в том, что большинство не хочет? И сами испанцы, ведущие политики, отказались участвовать в этом голосовании, хотя они против отделения Басконии, но они считают нечестным такой закон.

Паата Закареишвили – Я не знаю, что происходит в Испании, надо в этом разобраться. Очень трудно переходить от общего к частному. Может быть, там идет какой-то процесс, может быть, они отменят этот закон. Мне кажется, нельзя рассматривать проблему в статичном положении. Надо на все смотреть в динамике.

Арда Инал-Ипа – Но я смотрю на реальную политику. Из всех возможных вариантов разрешения конфликта вычитается, исключается возможность мирной сецессии. Вот с помощью войны, как это произошло в Балканах, решение принимается. В итоге, когда тысячи людей побывали в концлагерях или были убиты, находят массовые захоронения, и в результате всего этого разделилось государство – это всеми принимается. За последние десятилетия нигде и ни разу я не видела, чтобы это было возможно, ни в одном конфликте. Я не верю, чтобы ни в одной ситуации этот вариант не был бы реальным. Но я вижу, что везде большие государства намертво стоят за свои интересы. Я не вижу там более цивилизованного подхода. Так же, как я не вижу этого цивилизованного подхода в Ираке.

Лиана Кварчелия – Я хочу немного добавить по поводу того, что ты говоришь, что в Восточной Европе и в Азии очень сильно влияние третьих сил... Мне кажется, что взаимное влияние есть везде. Другое дело, что в нашем случае больше кнута, чем пряника. Но, кстати, и пряник может обернуться кнутом.

Паата Закареишвили – В любом случае там все это происходит в рамках законов, во всяком случае, стараются. Американцы вынуждены были везти афганских террористов не в Америку, а на Кубу, потому что там не распространяются законы США. И они не могли были так незаконно вести себя с ними, допрашивать, потому что законы США им не позволили бы этого. И поэтому их отвезли в Гуантанаму. То есть, есть какие-то рамочные условия, с которыми каждый обязан считаться.

Лиана Кварчелия – Да, но всегда есть и возможность обойти эти рамочные условия.

Паата Закареишвили – Американцы не смогли обойти. То есть, не смогли бы этого сделать на территории Америки они. Поэтому они вынесли это за пределы действия конституции. То есть, американский закон работает на территории Америки. Если бы везде во всем мире была бы демократия, если бы на Кубе была бы демократия, то американцам некуда было бы везти этих пленных и они вынуждены были бы их допрашивать в более конституционной форме. Но пока мир позволяет им такие вещи, они воспользовались этим моментом. Это очень плохо, это очень плохой пример. Но это реальный пример.

Пола Гарб – На территории США сейчас задержали людей, самый знаменитый из них – Хосе Пабиа, которого уже очень долго, почти два года, держат без обвинения. То есть, нарушение происходит именно внутри страны.

Арда Инал-Ипа – Я хотела бы задать вопрос. Когда вводили войска в Ирак, ведь необходимым условием была убежденность в том, что там есть оружие массового поражения. Вот сейчас, если это оружие не обнаружат... Это было условием вхождения или не было, в конце концов?

Паата Закареишвили – Я сам задавал это вопрос. Я тоже против этого.

Арда Инал-Ипа – А сейчас это все оправдывается. Ты понимаешь, что в следующий раз произойдет? В следующий раз оказывается, что и не надо было находить там оружие, если это все оправдывается. То есть, в следующий раз даже это не надо будет доказывать. Вот ты видишь поступательное движение, а я вижу некоторый регресс, в том, что нет необходимости в санкциях ООН, например. У меня нет радужных настроений, что конфликты стали разрешаться более цивилизованно.

Паата Закареишвили – Я опять-таки говорю, что этот мир не универсален, не идеален. И погода, и все в природе показывает, что идеальной ситуации не бывает. Не надо быть утопистом и строить утопические планы. Мы должны исходить из нынешней ситуации. Что мы можем сегодня решить в контексте справедливости, в контексте законности, насколько это будет перспективно, например, через двадцать, тридцать, сорок лет? Но дальше мы не можем смотреть. Это наилучший вариант. Давид Строитель – великий грузинский царь – в лучшем случае представлял будущее Грузии на двести лет вперед. Я уверен, что он думал о том, как будут управлять его дети и как будут управлять его внуки. Его государство сохранилось до сих пор. То есть, заложенный им фундамент государственности Грузии до сих пор сохранился, и мы до сих пор пожинаем плоды. Было разрушение, было всякое. Мы не можем смотреть очень далеко. Мы можем смотреть только до тех пор, куда достигает взгляд нашего поколения. Но не дальше. Пусть другое поколение, которое будет умнее нас, по-другому решает этот вопрос. Давайте будем делать так, чтобы мы не оставляли долгов новому поколению, чтобы мы сами расплачивались по всем долгам. Пусть они сами наберут себе долгов и сами платят по ним. Переходя на наш конфликт, я уверен, что у грузин и абхазов есть сегодня ресурсы для примирения. Это не значит, что через сто лет между ними проблем не будет. Но мы не должны оставить проблемы нашим внукам. То есть, мы должны так устроить наши взаимоотношения, чтобы наши внуки за нас не отвечали. Пусть они сами создают

эти конфликты между собой и сами же их решают. То, что в свое время Берия заложил как бомбу замедленного действия в абхазском вопросе, вот сейчас мы это пожинаем. Сейчас мы, грузины, должны и за него исправлять ошибки. И за них решать, и за нас решать, потому что мы тоже уже нагадили, к сожалению, в этих отношениях. А дальше мы не можем отвечать. Я не могу отвечать за своего внука, который черт знает что может сделать по отношению к Абхазии. Это не значит, что раз я не могу отвечать за внуков, давайте прекратим всякие отношения. Ведь даже прекращение любых отношений может провоцировать какие-то новые конфликты. В сегодняшней реальной ситуации надо говорить сегодняшним днем.

Арда Инал-Ипа – Можно я последнее скажу? Я признаю, что никогда мне не удастся об этом сказать понятно, четко. Но я все равно пытаюсь, несмотря на то, что получаю плохую обратную связь. Мне кажется, что из-за того, что мы слишком поверили в то, что мы все цивилизованно решаем проблемы, мы перестали замечать, что все-таки интересы больших государств не ставятся под сомнение. Есть какой-то определенный, ограниченный набор методов... Вот в этом цивилизованном подходе разрешения конфликтов есть все варианты, кроме того, что возможно мирное отделение. Что такое нерушимость границ? Это миф. Границы меняются. Но сильные государства хотят остановить процесс. Мне кажется, что вот этой, в некотором смысле тупиковой ситуацией, мы фактически породили такое явление как терроризм. Практически в каждом случае терроризм имеет источником национальный вопрос. Он превращается в нечто ужасное. Порождается порода жестоких людей, с которыми невозможно говорить и т.д. Я полностью разделяю существующую оценку этого явления. Но я воспринимаю это явление как монстра, порожденного насилием над естественным ходом исторического процесса. Мне кажется, что загнанность этих проблем в тупик, абсолютное исключение легальной возможности решить конфликт через разделение, когда это является единственным выходом, отсутствие надежды и т.д. создает условия для терроризма. Что мы сейчас видим? Бесконечные смертники, которые не видят другой возможности, кроме как своей смертью заявить о цене проблемы его наро-

да. Я не знаю, как... Для меня это очень связанные вещи. Я просто не могу доказать... Мы видим, что с помощью терроризма не решается ни один конфликт. Но, может быть, терроризма было бы меньше, если бы был легальный, пусть и очень сложный, с определенными условиями, путь мирного решения этно-политического конфликта, где, может быть, и пришлось бы потесниться какому-то большому государству.

Паата Закареишвили – Надо потесниться.

Арда Инал-Ипа – Я понимаю, что надо потесниться. Но если бы была какая-то альтернатива у тех политических сил, которые все-таки признают, что как-то провоцируют создание этих террористических организаций. Мне кажется, что из-под них была бы выбита почва, если бы был иной механизм. Я опять чувствую, что я не смогла сформулировать, но для меня эти вопросы очень связаны. И когда я смотрю на эти бесконечные террористические акты то в Стамбуле, то в Израиле, то в Чечне и в России, я думаю, как долго это безумие должно продолжаться. Там курды, там баски, там палестинцы, там ирландцы. В Северной Ирландии террор прекратился только после того, как появилась надежда на легальный исход. Была выбита почва, которая питает идеологов террора. Британское правительство перестало говорить «никогда», перестало говорить о территориальной целостности. Начался процесс...

Паата Закареишвили – И ты думаешь, что вот это решится...

Арда Инал-Ипа – Я не думаю, что решится. Но я знаю, что эти факты надо осмысливать, видеть их. Я, например, думаю, что действительно в объединении Европы есть большой ресурс. В том, когда эти границы перестанут быть такими значимыми, когда они становятся прозрачными, там уже, наверное, это перестает быть таким болезненным вопросом: ты – часть Испании или часть Франции, или самостоятельное государство. Действительно, я вижу, что через этот процесс решаются очень многие конфликты. Но не везде, во-первых, Европа и не везде это происходит. Мне кажется, что ограничение

каких-то возможностей и мер по урегулированию конфликта, принуждение к принятию выгодного только сильной стороне решения создают почву для такого страшного явления, как терроризм.

Паата Закареишвили – Сейчас мы не готовы к такому разговору. Терроризм – это реакция на то, что происходит в мире. Это абсолютно естественная реакция. Просто эти плоды терроризма неестественны чисто с гуманной точки зрения. Потому что мы живем в социуме, и для нас очень важны общественные, социальные, гуманные ценности. И для нас неприемлема смерть, тем более, невинных людей. Но смерть в природе сама по себе ничего не значит. Смерть – это приход, уход и от этого ничего не рушится. Терроризм – это даже не политическое явление. Оно больше естественное явление. Люди, у которых нет никакой возможности как-то реагировать на что-то и быть услышанными, к сожалению, берутся за то, что наиболее страшно для общества, чтобы разбудить это общество, чтобы встряхнуть его. И чем страшнее результат, тем эффективнее. Просто не надо допускать террора как такового. Почему? Те, кто допускает террор, они хотят с ним разобраться соответственными методами. Просто это недальновидность великих государств, которым все это сходит с рук. Пока это все им сходит с рук, даже разрушение «близнецов» в Нью-Йорке не остановило Америку, а даже еще больше подстегнуло. Они быстрее идут в том направлении, в котором шли бы медленнее, если бы не было теракта. Они почему-то сочли, что теракт – это начало чего-то. Этот теракт был результатом чего-то. В том-то и дело, что трудно разобраться, где результат. И поэтому нельзя работать на результат. Надо работать на процесс. Результат как таковой никогда не наступит. Один результат сразу умножается, решение одной проблемы создает десять других проблем. Решение десяти проблем создает сто новых проблем. Мы должны знать, что это естественный процесс. Мы должны постоянно реагировать. Так, как мы постоянно чистим себя, умываемся. Почему? Потому что эта грязь постоянно набирается. Мы же постоянно убираем квартиру, а не один раз.

Лиана Кварчелия – Я согласна с тобой, что, допустим, в западной политической культуре больше обращают внимания на интересы, в

рамках закона пытаются и договоренности достигать и решать проблемы. Но двойной стандарт как раз в том, что они ведут себя более или менее цивилизованно преимущественно на своих собственных территориях. Когда речь идет об их интересах где-то за пределами территории, вот тут и проявляется двойной стандарт. И используют совершенно другие методы, вот в чем проблема. Поэтому мне как-то трудно принять и поверить... не то, чтобы даже в искренность...

Паата Закареишвили – Не надо верить.

Лиана Кварчелия – Я не знаю, как они поведут себя завтра. Если я знаю, что они в одной ситуации ведут себя одним образом, а в другой – по-другому, то в какой степени я могу доверять такой политике?

Паата Закареишвили – Потому что мы не знаем, почему это общество так развивается, почему эти политики так реагируют. Мы точно знаем, что через десять лет, если американцы не пересмотрят свои ценности, если не пересмотрят то, как они реагируют на события, которые происходят, к примеру, где-то в Чаде, то они получают серьезную реакцию. Если эта политика будет так же продолжаться, то реакция будет абсолютно естественной. Политики абсолютно игнорируют мораль, им не нужна мораль. Они очень многое игнорируют и ставят своей целью абсолютно прагматические цели, экономические интересы. Американское государство – уже состоявшееся государство, народ доверяет правительству, у них демократическая система. Вся система отлажена. А в остальном мире, с их точки зрения, дикари, несостоявшиеся. Почему мы, думают политики, должны постоянно считаться с несостоявшимися народами? Это, может быть логично, но абсолютно неприемлемо. Для меня абсолютно неприемлем, например, стиль работы Саакашвили, поэтому я его не поддерживаю полностью, но стиль его работы мне понятен. У него определенные цели. Он ставит цель и к этой цели приходит. Если бы он не приходил к цели, то тогда другой вопрос. Но он приходит к этой цели именно таким путем. А другие, вот я, например, своими методами своей цели добиться не могут. У меня все-таки стиль черепахи. Я действую в правильном направлении, но очень медленно.

Другие меня постоянно перегоняют, хотя они иногда даже не видят своей цели. Этот мир интереснее и пестрее, чем мы хотим видеть. Несоответствие нашего представления о мире самому миру – вот откуда берутся эти ножницы, вот из-за чего возникают конфликты. И американцы совсем все по-другому видят то, чем есть на самом деле. Соответственно, они и получают по морде. Нью-Йоркская трагедия, теракты в разных странах, а они думают, что надо давить еще больше. Это, конечно, даст обратный результат. К сожалению, философы в Америке непопулярны – философы бы показали, что это тупиковая ситуация. Они насаждают такую агрессивность, которая вызывает еще большую агрессивность. Но американцы этого не понимают. Они и от Азии далеки, и от Европы. Это пусть европейцы думают. У европейцев тоже немало проблем, но они думают. Они ближе ощущают эту опасность. Весь этот мир интересен тем, что каждый занимается своей функцией. Почка не может выполнять функцию сердца, а сердце не может выполнять функцию почки и т.д. У каждого – свое. И каждый должен сбалансированно работать. В природе все сбалансировано. А в обществе этот баланс нарушен. То есть, мы все равноправны – и хищники, и травоядные. Вот это равноправие разрушило естественное развитие, и мы жертвы этого.

Абесалом Лепся – Столько всего намешали. На самом деле очень интересные и глобальные вопросы. Конечно, всего мы не решим на нашей дискуссии. Просто я хотел поделиться некоторыми своими соображениями, которые навеяны этой дискуссией. Дело в том, что когда мы говорим о политических двойных стандартах, неискренности и т.д. – это было всегда, так и останется, потому что есть понятие интересов. Как государство, так и люди преследуют свои интересы. Когда мы говорим о том, что хотим справедливого решения и цивилизованного решения, то эти решения могут не совпадать на самом деле. Допустим, я могу не любить человека, но никто не обязан заставлять меня его полюбить. Но я должен вести себя с ним нормально, как цивилизованный человек. В принципе в очень простой, примитивной форме регулирование конфликта в этом и заключается. Не в том, чтобы заставить полюбить тот или иной народ или как-то до конца решить проблему, а найти приемлемые формы сосуществова-

ния. Я могу ненавидеть человека, но, встречаясь с ним на улице, я могу снять шляпу и очень вежливо с ним поздороваться. Вот этот принцип – цивилизованный и европейский, это все-таки больше европейский принцип. В Европе больше реализуется именно такой подход. То есть, люди могут быть недовольны друг другом, не любить друг друга, и они не обязаны любить друг друга. Это интимные чувства. Это – перед собой и перед богом. Но есть социальное поведение. И вот это цивилизованное поведение и есть регулирование конфликтов. Это более широкая культура, которая, конечно, больше присуща Европе и западу, чем востоку. Когда речь идет о конфликтах, в нашей дискуссии это тоже видно, есть, видимо, разные уровни урегулирования. Существуют сложные взаимоотношения между эффективностью урегулирования конфликтов и эффективностью функционирования государства как такового. Но это очень серьезный вопрос, о котором в двух словах не скажешь. Но что опять-таки является ценностью европейского опыта – в принципе для регулирования любого конфликта каждая сторона хотя бы на какое-то время должна стать немножко выше своих собственных узких интересов и взглянуть более широко на этот конфликт. Это всегда предполагает метастратегию, то есть, некоторую сверхстратегию. Сверхстратегию – не в смысле глобальности, а в том смысле, что я как конкретный человек, например, имея некий конфликт интересов с другим человеком, с целью урегулировать конфликт, должен смотреть немножко сверх себя. Это тот же европейский опыт. Там выработан этот опыт – и политический, и социальный – умение смотреть немножко сверх себя, сверх того, что есть, чтобы достигнуть чего-то нового. Этого мало в других культурах. А Европа, собственно говоря, объединилась благодаря этому опыту. Там есть соответствующие культурные и социальные традиции, умение строить и применять метастратегию, а не просто стратегию. Это умение смотреть сверх того, что есть. Вот это более эффективно. Но там тоже не идеально, естественно. Ничего идеального действительно нет. Но там это проявляется более эффективно, чем в других обществах. Поэтому они сумели создать вот эту объединенную цивилизацию.

А диспропорция между интересами государства как такового и регулированием конфликтов, безусловно, существует. Мы везде это

видим. И вся мировая современная практика это подтверждает. Конечно, есть определенный дисбаланс. В этом тоже, наверное, существует какая-то закономерность.

Арда Инал-Ипа – Это как смотреть. Вот Чехословакия разделилась. Когда Россия не отдавала Чечню... (*не слышно*). Я не могу согласиться с тем, что западный подход – это ненавидеть и улыбаться. Мне кажется, что это вполне и восточный подход. А западный подход, как мне кажется – это понять: а почему, собственно, ты должен ненавидеть? Нужно понять, в чем источник неприязни. Ты говоришь о традиции объединения. Европа была в огне войны всего пятьдесят лет назад. В этом смысле никакой традиции не было. Но производился анализ, происходило извлечение уроков... Никакой традиции объединения не было. Объединение сегодня – это новый подход, а не традиция...

Абесалом Лепсяя – Нет, традиции как раз таки существуют, потому что существует христианская культура, которая всегда объединяла Европу, и существует римское право...

Арда Инал-Ипа – Почему христианство объединяет, если они бесконечно воевали друг с другом? Если говорить о традициях, то объединение происходит с 1945 года. Ни у кого таких традиций не было, брат с братом воевал... Дело в том, что европейцы смогли извлечь уроки из своей истории.

Абесалом Лепсяя – Я не говорю о традициях миротворчества. Есть культурные традиции, которые их объединяют и на основе которых они теперь объединились и могут регулировать какое-то функционирование своих обществ. Я об этом говорю. Не о том, что есть традиции урегулирования конфликта. Они-то недавно появились, естественно.

Паата Закареишвили – Европейцы, воюя между собой веками, пришли к мнению, что воевать – это невыгодно.

Арда Инал-Ипа – Я об этом и говорю.

Паата Закареишвили – То есть, это новая традиция. И ста лет не прошло с тех пор, как невозможно было представить, что немцы и французы объединят свои армии. Они многое поменяли в своей политике. В Индии никогда не преследовали национальные меньшинства, даже религиозные. Были какие-то маленькие стычки. Но до прихода европейцев у них ничего такого не было. Именно с Европы это началось. Как только британцы приехали, а потом уехали, после этого мусульмане и индусы начали друг друга дубасить. В Китае то же самое – не было там никаких сильных войн внутри общества. А в Европе были, и они через эти войны вышли к миру. Они предлагают какие-то миротворческие проекты и процессы. Этот опыт войны в Европе – то, что сейчас они не воюют и им не нужно воевать – это просто великолепный опыт...

Лиана Кварчелия – Но, кстати, там, где они управляли бы этими конфликтами, они управляли бы в другом смысле.

Паата Закареишвили – Но они же вышли из этого. Британцы же вышли из Индии. Они поняли, что таким путем управлять невозможно.

Гурам Одишария – Очень интересная дискуссия получилась. Видно, у нас есть потребность говорить на эти темы.

Когда мы встречаемся друг с другом и с другими людьми, они спрашивают: что дает миротворчество, какие плоды, что в мире делается? Есть ли хотя бы один урегулированный конфликт? Но, к сожалению, я ничего об этом не могу сказать... Может быть, Пола, есть смысл в том, чтобы обсудить, проанализировать то, что было за пятьдесят лет. И если какие-то шаги были сделаны в мире, то одну встречу посвятить этому и хорошо подготовиться. Я долго искал информацию и вот прочел у одного американского профессора из Института мира один абзац. Профессор пишет, что за последние десятилетия двадцатого столетия полностью урегулировано всего четыре процента конфликтов. 4 процента урегулированы на все 100 про-

центов. Другие цифры не очень хорошо помню – кажется, 21 процент урегулирован частично, там прекратилась война. Но очень многие конфликты вообще не урегулированы. Это хронические конфликты. У нас, к сожалению, как я считаю, конфликт уже хронический. Тема очень интересная. Хотелось бы ей заняться. Вот мы сейчас пишем одну книгу с Дауром Начкебия. Мы подумаем еще над тем, какой она будет. Ищем музыку, ритм к этой книге, чтобы она была доступна, читабельна для всех. Есть какой-то опыт, и надо его проанализировать. По-моему, израильтянка и палестинка написали вместе одну статью. Этот факт меня заинтересовал. Я долго искал статью (вы как-то о ней упоминали, и другие тоже), но не смог найти.

Пола Гарб – Она у меня есть на английском языке.

Гурам Одишария – А под конец я хотел бы сказать о болезни. Я вспомнил Чехова и его слова: «Если ты проснулся утром и у тебя ничего не болит, значит, ты умер».

Лиана Кварчелия – Мы проводили со студентами занятия по методам анализа конфликта. Я как-то раз пришла в аудиторию, а там плакат: «Если в твоей жизни нет конфликтов, проверь, есть ли у тебя пульс».

Арда Инал-Ипа – Может показаться, что мы ушли от темы. Но мне кажется, что мы не ушли от нашей большой темы, потому что время от времени мы, представители грузинской стороны и абхазской, сталкиваемся во взглядах на современное урегулирование. Я думаю, тут тоже есть некоторое поле для того, чтобы найти больше точек для соприкосновения. У нас все-таки разная оценка многих событий и процессов...

МОСКВА, 31 МАРТА 2004 г.

Паата Закареишвили – Я постараюсь рассказать о ситуации в Грузии. Потом меня, наверное, дополнят мои друзья – Нодар и Марина.

В Грузии в самом деле произошли изменения. Это реальные изменения, не фальшивые, не заигрывания, как при Шеварднадзе. Это в самом деле легче назвать революцией, чем не называть революцией. По крайней мере, народные массы участвовали – это однозначно. Они диктовали условия, они хотели изменений, но не знали каких. И этим массовым недовольством очень умело воспользовалась сила во главе с Мишей Саакашвили, который великолепно рассчитывал работу, буквально по часам, и пришел к победе, можно сказать, на гребне девятого вала. Это типичный пример такой революции, когда честолюбивые, амбициозные люди добиваются своего (чего именно они добиваются – это другое дело). Кто главный герой этих событий? Я считаю, что главный герой этих событий – Эдуард Шеварднадзе. Он все сделал для того, чтобы это случилось. Сейчас его роль хотят как-то затенить. Если бы не его глупое и непонятное упорство... Видно, он и в самом деле постарел – раньше он таких ошибок не допускал. Он занимался самообманом. Его окружение показывало ему именно то, что он хотел видеть. Это и привело к краху его режима и освобождению Грузии от его циничной политики. Это не было ни диктатурой, ни авторитарным режимом, это был цинизм. Он издевался – говорил одно, но делал другое. И вот этот наглый цинизм вывел из себя всех. Шеварднадзе не был способен на диктатуру, он не мог даже управлять полицией и армией. Во время революции это стало очевидно: он абсолютно обессилел, он ни на кого не мог влиять. Оказалось, что все его уже давно похоронили, а все его окружение максимально пользовалось его именем.

Вопрос – Кто мог быть его преемником?

Паата Закареишвили – Было несколько кандидатов. Сейчас трудно сказать. Скорее всего, он сам не знал до последнего момента. Я уверен, что он мог бы выбирать из нескольких кандидатов. Скорее всего, им мог быть Менагаришвили – министр иностранных дел.

Им мог бы стать и Георгий Чантурия – руководитель грузинской нефтяной кампании. Это мог бы быть даже Ладо Чантурия – председатель верховного суда. Постоянно вот эти фамилии крутились. Могли быть и какие-то другие кандидатуры.

Вопрос – Паата Шеварднадзе?

Паата Закареишвили – Нет. Его сын вряд ли мог быть. По-моему, эта фамилия всплыла вопреки воле Шеварднадзе, по аналогии с Азербайджаном – думали, что и у нас можно так же. Но сам Шеварднадзе был категорически против и не позволил развернуться такой кампании. Мог бы быть Джорбенадзе, но он был катастрофически непопулярен. Скорее всего, на него не было бы ставки.

В окружении Шеварднадзе были люди с очень сомнительной, даже отрицательной репутацией, например, Ирина Саришвили (о ней я говорил на прошлой встрече). Был еще Леван Мамаладзе, губернатор Квемо-Картли, района с азербайджанским населением. Там у нас золотые прииски, которые он полностью присвоил; там город Рустави, производство азота и крупные работающие предприятия. Там был страшный беспредел – он установил свой режим и был таким маленьким шахом и вел себя беспардонно. Был и Рчеулишвили – лидер социалистической партии, которая никакого отношения к социализму не имеет. Типичный примитивный капиталист, который гребет деньги и больше ничего.

Другой момент, что вся экономика полностью перешла в руки семьи Шеварднадзе. Его зять Джохтаберидзе был телефонным магнатом, он возглавлял «Магтикком», Его семья контролировала строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан через его приближенного человека, того же Чантурия. Он не был членом семьи, но семья его поддерживала. Они и сигаретный бизнес контролировали, и т.д.

Об этом сейчас много пишут. Раньше тоже писали. Шеварднадзе говорил, что его единственный минус – то, что он дал разгуляться демократии.

Самое интересное – это те смешные интервью, которые он дает сегодня. Явно видно, что когда он был президентом, его поправляли. У него были советники, помощники, которые писали ему речи, чтобы он

выглядел более или менее нормально. Теперь он говорит, что был великим демократом, что он много позволял, что все при нем процветало.

Для международного сообщества его единственным плюсом было то, что он притворялся демократом. Поэтому он был вынужден хотя бы не мешать демократическим процессам. В отличие от того, что было в Азербайджане или в Армении, он хотя бы не имел права вмешиваться в естественный процесс развития тех гражданских инициатив, которые происходили в обществе. Он вынужден был заявлять, что он демократ, и мир поддерживал его потому, что когда-то он разрушил Берлинскую стену, когда начал реформировать Советский Союз. Это был его имидж, и за это ему платили, за его прошлый демократический опыт.

Лиана Кварчелия – Он стал пленником своего имиджа.

Паата Закареишвили – Он никогда ничего не создавал, никаких демократических институтов, но он не мог им мешать, он был вынужден с ними считаться. И главным результатом его неспособности мешать было то, что в Грузии, как сорняк, который не надо сеять, который сам появляется, возникло гражданское общество и появилась свободные масс-медиа. У нас совершенно не было партийной прессы, пресса стала полностью рыночной. То есть, информация стала товаром. И в самом деле, три-четыре серьезные газеты, сперва один канал телевидения, потом и другие два-три начали конкуренцию, то есть стали конкурентоспособными.

Наше гражданское общество не могло быть более развитым, чем в Азербайджане, в Армении или в Абхазии, и я считаю, что гражданское общество во всех наших странах сконцентрировано в столицах. Например, в Тбилиси очень сильное гражданское общество, а в провинции жуткая ситуация, кошмарная ситуация. Можно сказать, средневековье, даже не советское время, а еще хуже. Если говорить о столицах, то возьмем Сухуми. Это такой город, где видно, что гражданское общество влияет на власти. Для меня какой критерий показывает силу гражданского общества? Это гражданское общество, которое способно лоббировать какие-то идеи и влиять на правительство, как-то управлять его поведением. Я считаю, что гражданское

общество в Сухуми больше влияет на власти, чем в Баку или в Ереване. Это мое мнение, и я всегда его придерживаюсь. Вы можете спорить, но мне кажется я прав.

В Тбилиси гражданское общество смогло формировать оппозиционные политические силы. То есть, именно вокруг гражданского общества начали формироваться те политические силы, которые в итоге пришли к власти. И очень многие пришли к ней через гражданское общество. Многие министры выросли именно в гражданском обществе, скажем так. Вот эти две составляющие части – гражданское общество и свободная пресса – дали устойчивость общественному развитию. И из программы-минимум вывели две программы – проверить свои силы на выборах местного самоуправления, которые состоялись в июне 2002 года. И абсолютно неожиданно, я не знаю почему, власти как-то не посчитали эти выборы серьезными, и потерпели сокрушительное поражение. К власти пришли всюду те, кто шел под лозунгом «Грузия без Шеварднадзе». Народ явно голосовал не за что-то, а против чего-то. То есть, их выбор был однозначно против Шеварднадзе. Это было за год до парламентских выборов. Но нам повезло, что были еще и бакинские, азербайджанские выборы. И, видимо, результат азербайджанских выборов в итоге немножко успокоил власти. Они подумали, что вот оппозиция выступит, а мы их припугнем, и они разойдутся. Кого-то арестуем, кого-то припугнем... И, мне кажется, они немножко успокоились. Чувствовалось, что оппозиция везде есть, они кричат, ну и пусть кричат, это демократия и ничего страшного в этом нет. Покричат-покричат, а потом придет зима, придет слякоть, дождь, и они уйдут. Полиция придет, дубинками помашет, Запад нас покрикует, ну и что? Ничего страшного. Главное, что мы сохранимся, сохранится наш бизнес, наши деньги. Поэтому их методы фальсификации были самые примитивные, шитые белыми нитками. Они сказали: «Нам плевать на вас. Что бы вы ни думали, мы поступим так – открыто, публично, пошло будем фальсифицировать результаты. Вы все это будете видеть, а нам будет наплевать». И нечто подобное на самом деле произошло. Все предварительные данные показывали, что у них очень низкий рейтинг. Но очень многие готовились к тому, чтобы серьезно наблюдать за этими выборами и не допустить или по крайней мере

зафиксировать фальсификации. Для этого нужны были большие средства. И такие средства были получены. Было организовано серьезное наблюдение от международных организаций и, особенно, от грузинских организаций. Шеварднадзе до сих пор повторяет: «Что вы хотите? Таких прозрачных выборов никогда не было». И он прав. То есть, он допустил прозрачность, но упустил справедливость.

Нателла Акаба – А вы этого не оценили.

Паата Закареишвили – Да. Есть такая легенда, что Шеварднадзе все сделал для того, чтобы уйти достойно. Я не считаю, что он достойно ушел. Они дали возможность двум партиям, которые могли бы кричать громче всех – это лейбористы и Саакашвили – взять свои голоса. И они в самом деле набрали очень высокие проценты. Саакашвили формально взял около 29 процентов, а лейбористы 17 процентов. Это их чистые голоса. Но в Абхазии власти приписали себе черт знает сколько голосов. Между властями и Абхазией была кошмарная конкуренция – кто больше сможет сфальсифицировать. Это была унижительная процедура, когда в течение 25 дней Центральная избирательная комиссия никак не могла подвести итоги выборов. И возглавил ее человек, который все-таки был из наших кругов. Это Нана Девдариани, бывший омбудсмен. Не знаю, что с ней случилось.

Реплика – Купили?

Паата Закареишвили – Может быть, купили, не знаю. Это было уголовное дело, и это в самом деле пахнет тюрьмой. Тюрьмы мы не допустим, но судебный процесс, наверное, должен состояться.

Конечно, наше гражданское общество поработало. Очень хорошо была поставлена работа движения «Кмара». Это было движение молодежи. Оно было создано Институтом Свободы. Этот институт великолепно поработал в организационных вопросах. Они были мотором и мозгом всего этого. Они смогли организовать молодежь, которая очень правильно и дерзко выступала.

Нодар Сарджвеладзе – Дерзко, но без насилия.

Паата Закареишвили – И у них были очень хорошие клипы, великолепно поставленные, художественные. Организовали интеллигенцию, создали революционный комитет. Там были художники, профессора, молодые писатели, и они постоянно выступали.

И что делал Шеварднадзе после выборов? Он тянул время. Они были уверены, что Саакашвили и лейбористы столкнутся, тем более что они никогда друг друга не любили. Я уже говорил, что их лидер, Нателашвили – то же, что Жириновский в России: он сжигает голоса недовольных властью избирателей, чтоб не достались настоящей оппозиции, то есть, тем, кто в самом деле может их использовать. Очень часто с Жириновским сравнивали Саакашвили. Но по существу Жириновским у нас был лейборист Нателашвили. Нателашвили предлагал самые фантастические лозунги – бесплатное образование, бесплатное здравоохранение и т.д. И он получал очень много голосов, которые потом пропадали. Мне кажется, что он явно был создан властями, политтехнологами при Шеварднадзе, которые считают, что такой заслон, такой фильтр нужен. Лейбористы никогда не получали фальсифицированные голоса, им это не было нужно, потому что они сами выполнял функцию фальсификатора. Поэтому получается, что они получали настоящие, чистые голоса. 17 процентов населения проголосовали за то, чтобы лежать на боку получать все, что придет сверху.

У нас сейчас нет времени, и мы не можем сказать, почему получил мало процентов Жвания. У него была абсолютно ошибочная предвыборная кампания – и вашим, и нашим. Он хотел и с Шеварднадзе заигрывать, то есть, не очень его обижать. Его гибкость его и погубила. И его стеснительность. Он стеснялся своего имиджа, постоянно прятал какое-то свое происхождение.

Факт то, что началось затягивание времени. И в этот период начались митинги. И все ждали результатов выборов. И оппозиция еле-еле добилась того, чтобы Шеварднадзе согласился встретиться с тройкой – Саакашвили, Жвания и Бурджанадзе. Но Шеварднадзе показал свое абсолютно наплевательское отношение, сказал, что он вообще не в курсе, что это его не касается, что за все отвечает центральная избирательная комиссия. Они ему предложили на обсуждение 29 вопросов, и ни на один из этих вопросов у него не было ответа. Потом уже подняли материалы из архива, узнали, какие докумен-

ты он подписывал в это время. Он подписывал, например, документы о продаже завода какому-то члену своей семьи. И когда журналисты спрашивали Шеварднадзе, почему он не отвечает, он говорил, что у него есть другие дела.

Что показала эта ситуация? Шеварднадзе не был готов ни на шаг кому-то уступить. У сторонников Шеварднадзе было ощущение поражения, поэтому любой шаг назад был бы признан поражением. У Саакашвили было ощущение победы, поэтому они тоже не собирались отступать. Саакашвили... не то, чтобы трус, но боится. То есть, не уверен в своих силах и поэтому всегда наступает. То есть, всегда боится, что остановка равносильна поражению. Пока противник слаб, пока не собрался с силами, пока он не вооружился, ты должен его добивать. Никаких переговоров, никаких других вариантов, ничего подобного. Сегодня эта тактика себя оправдала, но всегда ли она будет себя оправдывать? Абхазам не скажешь, чтобы они ушли в отставку. А у него пока вот такая установка – чем больше наступаешь, тем больше приобретаешь. Нечто подобное явно проявилось сегодня в отношении Аджарии или, скорее, в отношении Абашидзе. В Аджарии была наступательная политика, и он чуть не проиграл. Но, слава богу, вмешались американцы и потом уже его второй приезд, триумфальный приезд в Батуми, немножко смягчил ситуацию. Но его первая поездка... Вот этот его характер уже был виден во время революции – он и его сторона никогда не думали и не допускали никаких уступок.

Если бы Шеварднадзе хотел, чтобы все было демократически, он должен был получить результаты выборов и пойти в конституционный суд, а вместо этого он созвал первое заседание парламента. Все поняли, что если он соберет этот парламент, то очень трудно будет все вернуть легитимно. И ворвались в здание парламента. Шеварднадзе отдал все приказы, вплоть до использования силы. Но ни полиция, ни армия его не послушали. Шеварднадзе был настолько уверен, что к нему никто не войдет, что он черт знает какую чепуху нес на заседании. Если бы он боялся, то он сразу бы пригласил представителя Центральной избирательной комиссии, и она сразу бы объявила результаты выборов, и сразу заиграл бы гимн или что-то в этом роде. Ничего подобного не случилось. Он начал рассказывать о том, какой он хороший. И когда Саакашвили уже был в зале и

кричал, то он нес какую-то ерунду о том, как он с патриархом... Этот день был кульминацией революции – 23 ноября.

Роль России очень важна. Как выяснилось потом, Иванов узнал, что Шеварднадзе ушел в отставку, только когда прилетел в Батуми. У него был вот такой сценарий – Шеварднадзе соглашается, что выборы сфальсифицированы, и назначает новые выборы, оставаясь президентом. А когда Иванов покинул резиденцию Шеварднадзе, там остались только Жвания и Саакашвили, и вдруг Шеварднадзе заявил, что лучше ему уйти в отставку. Они этого не ожидали.

Скорее всего, Шеварднадзе понял, что Запад и все остальные явно поддержат новые силы... Скорее всего, он решил, что ему остается всего полгода и потом все шишки полетят на него за то, что он ничего не сделал. А так он скажет, что у него не было времени что-то делать. Сейчас он именно так и говорит. Говорит, что его сбросили. Говорит одно и то же: что все это западный заговор против него.

Какие процессы пошли сейчас, в последние три месяца? 4 января были президентские выборы. Видно, что победила политика права победителей. И кадровая политика и вообще политика показывает, что президент Саакашвили особенно ни с чем не считается. То есть, он однозначно уверен в своей правоте, и то, что он считает правильным, то и делает. У него оказались две самые великие черты. Это великий тактик. То есть, он может находить правильное решение в критической ситуации. Из десяти вариантов решения он найдет самое правильное. И второе его достоинство это то, что он при этом очень ценит чужое мнение. Он никогда не стесняется присвоить чужое мнение. Если мнение для него важно, он обязательно присвоит. И даже буквально будет цитировать другого человека, хотя при этом может не назвать фамилию. Но это неважно. Это его достоинство. Политик же не с неба свалился. То есть, он прямо на ходу хватается мысли, слушает десять человек с разными мнениями, противоречащими друг другу, и придумывает одно решение, и обычно это правильное решение для того момента. Вот эти два плюса – то, что он смелый тактик и всегда правильно рассчитывает (по крайней мере, так было до сих пор), и второе – то, что для него очень важно мнение близкого окружения – все это дает ему большие возможности.

Какие у него минусы? Он не стратег. Он не то, что не знает, какой будет Грузия через пять лет, когда он закончит свой первый пре-

зидентский срок и, может быть, начнет второй – он не знает, что будет в Грузии через год или через шесть месяцев. Например, до революции он очень много говорил, что надо менять флаг. (Хорошо это или плохо – другое дело.) Но он ни разу не сказал, что надо менять конституцию и систему управления государством. А он не только внес изменения в конституцию, он поменял систему управления. Раньше он ни о чем таком не говорил, то есть у него этого не было в голове, потому что у него что в голове, то и на языке. Он ничего не умеет скрывать, он все говорит, даже самые фантастические вещи.

Реплика (*не слышно*).

Паата Закареишвили – Есть ощущение, что у него есть советники, которых он слушает. Но у него нет таких советников. Он может в газете что-то прочитать, какую-то хорошую фразу, и на основе этой фразы создать какую-то серьезную концепцию. В итоге за все отвечает он сам.

Реплика – А жену он не слушает?

Паата Закареишвили – Вряд ли. Ему жена нужна для PR-кампании. То есть, то что она голландка, что она такая интересная, что она владеет грузинским языком, поет мегрельские песни – это ему нужно. Она очень хорошо подыгрывает его PR-кампании.

Марина Элбакидзе – (*Не слышно*.) До революции роз (в роли оппозиции) и вовремя предвыборной компании Саакашвили словом не обмолвился про изменения в конституции. А сейчас, в принципе, получилось так: сам принял решение и изменил. Эти изменения обсуждались в очень узком кругу. И народу, к которому все апеллировали – что, мол, это все для народа, что это народ устроил революцию – никто об этих изменениях не сообщил и не спросил, согласен ли тот. И когда по телевидению в «Ночном курьере» на «Рустави-2», в первый и последний раз до решения парламента об изменениях в конституции, затронули этот вопрос (после этого «Курьер», кстати, и закрылся), единственный человек, который зап-

ротестовал, это была Тинико Хидашели: конституцию меняют, приснишь, народ!

Лиана Кварчелия – Если Саакашвили обо всех других вопросах говорит открыто, то почему публично не сказал, что собирается менять конституцию?

Паата Закареишвили – Да как только ему это пришло в голову, сразу же и сказал. До выборов он вообще об этом не думал.

Он получил 96 процентов, это сам по себе катастрофический результат (это в самом деле чистые голоса, не сфальсифицированные, ему не нужны были фальсификации), страшный результат, потому что это огромная ответственность. Народ показал, что он верит только ему. И то же самое было на днях на парламентских выборах. На парламентские выборы люди пришли, как на президентские. Люди опять выбирали президента, и он сам все это поддержал. По телевизору постоянно крутили пять клипов, и в этих пяти клипах фигурировал только он, хотя сам он в парламент не баллотировался. Там не было ни Зураба Жвания, ни Бурджанадзе, которая должна стать спикером парламента. Там не было ни его соратников, никого. Когда говорят о его команде: «Вот его команда начала действовать», там только два человека: генпрокурор и министр внутренних дел, то есть, люди, никакого отношения к парламенту не имеющие. А кампания была не президентских выборов, а парламентских. То есть, для него парламента не существует... [На парламентских выборах одна старушка] взяла бюллетень и спрашивает: «А где здесь Миша Саакашвили?» Я подумал – она старушка, и потому не знает, это было даже забавно. Но после выборов мои друзья – два-три человека – подтвердили, что люди постоянно спрашивали: «А где здесь фамилия Саакашвили?» и не верили, что их не обманывают. То есть, они опять пришли на парламентские выборы и опять голосовали за президента. То есть, он два раза получил мандат доверия, и огромного доверия. Сейчас, конечно, он набрал меньше процентов. На самом деле это не падение рейтинга, вот вчера по первому каналу выступал Леонтьев, который очень не любит Грузию (но это его проблема), и он сказал, что рейтинг падает... Но на самом деле рейтинг не падает, к сожалению. Почему он сейчас получил меньше голосов? Потому что очень

много было разных субъектов... Если бы в свое время в президентских выборах участвовал Абашидзе, или Нателашвили, или Патиашвили, то Саакашвили получил бы такой же процент. То есть, рейтинг не падает. Это неприятно, потому что он ничего не сделал и за это время его рейтинг должен был упасть. По-моему, это несерьезные изменения – изменение флага, а сейчас он хочет изменить гимн, ходит в кинотеатры, на футбольные матчи...

Вот конституция – это серьезно... А он что сделал? Он очень высокого уровня парламент снизил на один шаг вниз. И он приводит в пример Россию или Францию – там тоже могут распустить парламент. Во всех примерах, которые он приводит, ни в одном из этих государств, не было шага сверху вниз – был шаг снизу вверх. Когда в российской империи в свое время Николая II уговаривали разрешить Думу, потому что иначе будет революция, ему говорили, что он будет иметь право ее распустить. Это был исторический шаг. То же самое было во Франции, парламентаризм там шел снизу вверх. А мы сразу же получили тот европейский уровень, который практиковался уже во всем мире. И что он сделал? Он впервые в истории сильный парламент спустил вниз, подмял под себя. Само по себе это нестрашно, такие государства существуют. Но сам процесс интересен. Почему он это сделал? Он боялся, что этот парламент его не слушает. Эта тенденция очень волнует нас.

Потом очень много нелегитимных шагов было сделано... Почему-то были упразднены результаты выборов, но не был упразднен результат референдума... Из трех бюллетеней, которые человек бросал в урну 2 ноября, один бюллетень был по референдуму, о котором все забыли. А референдум был по вопросу – хотим ли мы сократить количество членов парламента?

Нателла Акаба – Это что Шеварднадзе предлагал?

Паата Закареишвили – Это еще одно подтверждение цинизма Шеварднадзе. Нечто подобное было сделано в Ереване со множеством фальсификаций. Но в Грузии это, слава Богу, не сработало. Революция все это стерла. Это был первый бюллетень.

Второй бюллетень был по пропорциональным спискам, а третий по мажоритарным. Почему-то из результатов этих голосований

два были признаны сфальсифицированными, а один нет. Это сама по себе абсурдная ситуация. Результаты голосования по мажоритарному списку оставили, а по пропорциональному упразднили – сказали, что сфальсифицированы. Если я бросаю фальшивые бюллетени, то бросаю все три, чтобы все было сбалансировано. Вот это было грубое нарушение закона. То есть, политика перехлестнула все, не оставила ни одного права. То есть, что хочу, то и делаю. В принципе, во время революции это можно. Но когда ты приходишь с демократическими лозунгами, то надо быть более...

То, что не мог за пять лет сделать Шеварднадзе (а он все пять лет этого требовал), все эти изменения сделали после Шеварднадзе. Шеварднадзе все это вносил на рассмотрение, но тогда этого не приняли. Как оправдывали то, что в обществе не было обсуждения этой конституции? Они сказали, что все это уже обсуждалось. Когда? Оказывается, еще при Шеварднадзе. То есть, они начали демонстрировать цинизм. Как это было цинично при Шеварднадзе, так и продолжается после него. И эти ограничения масс-медиа... Как только он пришел, перед парламентскими выборами вдруг убрали все популярные ночные ток-шоу, на которые приглашают политиков – и с первого канала, и с «Рустави-2», и с канала «Имеди», которым владеет Патаркацишвили... То есть, политики уже не появляются на телевидении. Журналист может только прийти к тебе, спросить что-то...

Арда Инал-Ипа – В результате чего это произошло?

Паата Закареишвили – Потому что там в эфире говорилась реальная правда.

Арда Инал-Ипа – Я понимаю. Но, может быть, было какое-то постановление?

Паата Закареишвили – Нет, никакого постановления не было. Вдруг в один и тот же вечер все исчезли. Независимо друг от друга неожиданно трем директорам телевидения пришла в голову идея убрать вот эти передачи. Это было в начале февраля и в один день. Явно было видно, что это был взмах одной дирижерской палочки. И вся ответственность лег-

ла на директоров телевидения. Каждый директор сказал, что надо реорганизовать, надо менять формат, мы, мол, устали от этого формата, надо придумывать что-то другое. И все три жертвы испарились.

Реплика – Они что, до сих пор не работают?

Паата Закареишвили – Они не работают и не давали по этому поводу никакого интервью... Саакашвили говорил: «Да что вы говорите? Разве так можно? Я, например, против этого. Это возмутительно. Я ни в коем случае не буду допускать никакого ограничения свободы слова. Как это можно? Я тоже буду за них бороться». Вот такой цинизм. «Но видно, там у самих директоров тоже проблемы. Я же не могу вмешиваться, как в советское время», – говорил он. Он практически прервал контакты с неправительственными организациями. Мы недавно встречались с одним известным аналитиком. Он случайно столкнулся с Саакашвили и пробыл несколько часов вместе с ним в самолете. Вдруг Саакашвили к нему подходит и говорит: «Ну что ты опять в НПО? Ну что такое НПО?» Мол, как долго ты там еще будешь? Это было еще до того, как мы получили результаты парламентских выборов. Мне кажется, ему не только на НПО плевать, ему плевать и на парламент. Он абсолютно не хотел показывать лицо парламента, а только себя показывал вместо парламента.

Арда Инал-Ипа – А что в этом клипе?

Паата Закареишвили – Он там размахивает флагом... то есть, разные сцены его революционной деятельности – как он врывается в зал и т.д. И постоянно говорится о том, что именно он привел нас к победе и голосуйте за... Но нигде не видно, что, кроме него, приходит еще кто-то другой. Явно видно, что он сам хотел, чтобы народ не парламент выбирал, а его самого.

К чему он придет, конечно, трудно сказать.

Или вот эта ситуация с Аджарией... Одна из самых отрицательных его черт – что он все делает наскоками. То есть, вдруг ночью захочет проверить военную часть. Он ночью поднимает весь совет министров и всех министров привозит в какую-то военную часть.

Нателла Акаба – Как будто после какого-то ресторана.

Паата Закареишвили – Некоторые министры испугались, они же не привыкли по тревоге подниматься, ведь это же только в армии когда была тревога, у тебя был один чемоданчик, ты его складывал и бежал. Министр же не обязан это делать. Некоторые прибежали с одышкой и извинялись, что опоздали. Чего ты оправдываешься? А если какой-то министр опоздал, то представители масс-медиа это отмечали... он проходил за троечника или двоечника... А они оправдывались...

Нателла Акаба – И народу это нравится?

Паата Закареишвили – Да, народу нравится.

И самое важное – прокатившаяся волна сомнительных арестов. Конечно же, в Грузии можно арестовать каждого, кто был в прежней власти, потому что все были коррумпированы. Но ведь всех не арестовывают. А он арестовывает приближенных Шеварднадзе и тех, кто были очень не популярны среди населения. Например, министра энергетики Мирцхулава. То есть, все были недовольны, что в Грузии нет электроэнергии, поэтому его арестовали в первую очередь. Арестовали зятя Шеварднадзе – Джохтаберидзе. Народ им тоже был очень недоволен. Арестовали директора федерации футбола, потому что всем было известно, что он продает футболистов, а деньги не идут в казну, и т.д. То есть, вот такие шумные вещи. Но не арестовывает других, которые не менее коррумпированы. И явно видно, что эта акция идет по определенному принципу. Налицо избирательное правосудие. Или надо арестовывать всех, или никого не надо арестовывать. Сейчас идет акция против министра образования, который постоянно выступал против Саакашвили. И на него завели дело. Тех, кто успел выступить против Саакашвили, и тех, кто был очень непопулярен среди населения, вот их и арестовывают. Это тоже очень тревожит.

И особенно для нас важно то, что у Саакашвили абсолютно нет никакого желания управлять конфликтами, влиять, мыслить в сторону разрешения конфликта или управления конфликтам.

Реплика – А назначение Георгия Хаиндрава?

Паата Закареишвили – Хаиндрава пока никак себя не проявил. Он был одним из членов этого революционного комитета.

Арда Инал-Ипа – ... Абхазы очень хорошо помнят его интервью, где он говорит, что достаточно уничтожить 15 тысяч молодых абхазов, подвергнуть геноциду, «и мы вполне можем это сделать».

Лиана Кварчелия – Он сказал, что если уничтожить 15 тысяч молодых абхазов – то это значит уничтожить весь генофонд Абхазии, и что грузины вполне в состоянии это сделать.

Паата Закареишвили – Я такого не помню. У нас цитировали абхазских лидеров, особенно Шамбу...

Нателла Акаба – Да, Шамба сказал, что этот человек помогал абхазам во время войны.

Паата Закареишвили – В самом деле помогал! Когда он был министром, я не мог делать самовольно то, что я делал в Абхазии – если я что-то делал, то делал через кого-то – через Хаиндрава, а потом через Шартава. И они всегда мне помогали. И он никогда не выступал в таком духе.

Нателла Акаба – Человек может сделать хорошее конкретным абхазам, но при этом говорить ужасы про весь народ.

Паата Закареишвили – Во время войны он очень был лояльным, с чисто гуманитарной точки зрения, и даже, по-моему, его из-за этого и сняли, потому что команда Надареишвили очень выступала против того, что он позволяет людям (абхазам) покидать Сухуми.

Арда Инал-Ипа – Очень сомнительно от него ожидать каких-то... - Не знаю, но, во всяком случае, мы должны доверять человеку.

Паата Закареишвили – Было бы неплохо, если бы с ним встретился какой-нибудь абхазский журналист и серьезно поговорил об этом.

Нателла Акаба – Может быть, у него был другой контекст. Но все равно, этот французский журналист, который брал у него интервью, он просто был в шоке от этих слов...

Паата Закареишвили – Завершая то, о чем я говорил, анализируя то, что произошло – и в Грузии, и вне Грузии, и, может быть, в Абхазии тоже об этом говорят – о том, что эта революция была извне и изнутри. Извне только помогали. Я сам член совета фонда Сороса, как вы знаете, и это смешно, когда говорят, что эту революцию устроил Сорос. Потому что мы максимум финансировали на 60 тысяч долларов. Если на 60 тысяч долларов можно делать революцию, то это великолепно! Потом еще говорят, что мы посылали эту «Кмару» в Югославию... Мы два раза посылали трех человек. Один раз Тинико Хидашели улетела в Югославию... Ее, Гигу Бокерия и Каху Ломая – директора фонда Сороса – два раза посылали в Югославию. И две девушки из Югославии приезжали на два-три месяца и готовили эту «Кмару».

Нодар Сарджвеладзе – А сами Жвания и Саакашвили?

Паата Закареишвили – Это не Сорос.

Нателла Акаба – А про зарплату правительству?

Паата Закареишвили – Это будет, но сейчас ничего такого нет. То есть, Сорос ничего не вкладывал в революцию, вот о чем идет речь. Конечно, сейчас он будет платить зарплату, и это будет на год.

Реплика – Именно он?

Паата Закареишвили – Именно он вместе с ООН. Речь идет о совместном проекте Сороса и ООН. Но это будет только на один год. В принципе, ничего плохого в этом нет. Сорос говорит, что пока у нас нет ресурсов, он может нас поддержать на год. И если мы хотим что-то серьезно делать, то через год мы должны встать на ноги.

Пола Гарб – Это сам Сорос сказал? Не Сорос Грузии?

Паата Закареишвили – Деньги на зарплату пойдут не через фонд Сороса в Грузии. Они пойдут прямо в казну Грузии. Это нашего фонда не касается.

...Вся эта критика не означает, что все плохо. Это в тысячу раз лучше, чем было при Шеварднадзе. Уже все-таки есть какое-то движение. Мы критикуем, но там происходит и очень много хорошего. Там идет борьба с криминалом. Просто я не люблю говорить о хорошем. Хорошее и так должно быть. Правительство и так должно делать хорошее. Почему меня сейчас не любят во власти...

Нателла Акаба – Почему они тебя не любят?

Паата Закареишвили – Потому что я их критикую. А они вот этого не любят. Я постоянно торчу на телевидении и в прессе. Мне самому это неприятно. Во время Шеварднадзе его критиковала половина Грузии – политологи, эксперты и все остальные... Критиковать Шеварднадзе было очень легко. Сейчас они все волей-неволей хвалят Саакашвили и сидят в его команде. Шеварднадзе и его люди не могут критиковать Саакашвили – этот сектор мертв. А люди, которые критиковали Шеварднадзе, они все попали к Саакашвили – или куплены, или как-то заинтересованы. И очень мало людей из этой системы критикует саму систему. Можно сказать, три-четыре человека.

Я их постоянно критикую принципиально. В Грузии многие видят правду, но не говорят. То есть, очень мало людей, которые говорят то, что видят. У меня есть привычка говорить правду. Я говорю то, что вижу.

Опять-таки, в прямой эфир приглашения нет. То есть, журналист у тебя берет интервью, но он его не изменяет. Этим ограничивают не политиков или экспертов, а журналистов, потому что к самой прессе есть недоверие, недоверие к журналистам. То есть, журналисты могут задать такой вопрос, который невыгоден властям, вот это само страшное. Я допускаю, что это политика директоров телевидения. Конечно, они очень связаны.

Можно смело сказать, что один из главных факторов революции – это Эроси Кицмаришвили, директор «Рустави-2». Он получил высокое назначение – он глава торговой палаты Грузии. Директор Сороса Каха Ломая получил пост министра образования. Директор правовой программы фонда Сороса, очень хороший парень, Георгий

Папуашвили, стал министром юстиции. Директор департамента фонда Сороса в Венгрии (он грузин) стал министром экономики. То есть, в самом деле, в кабинете министров фонд Сороса хорошо представлен. Это, конечно, бросается в глаза. Но не потому, что это как бы благодарность, а потому что там, в фонде Сороса, в самом деле собрались более или менее толковые ребята. Я тоже, к примеру, в фонде Сороса, но меня не хотят взять принципиально. Так что дело не только в фонде Сороса, а в лояльности к властям.

Реплика *(не слышно)*.

Паата Закареишвили – Конечно, парламент однопартийным не станет, это однозначно. К власти пришла политика силы, но власть неоднородна. Между Жвания и Саакашвили есть какие-то проблемы – скажем так, между командами Жвания и Саакашвили – у Бурджанадзе свои интересы. У нее маленькая группа, но и у нее свои интересы. Есть еще Республиканская партия. Может быть, я субъективен, но Республиканская партия никогда не продается. Это всегда была наша политика... Мы никак не можем попасть в парламент независимо от других и поэтому должны войти туда в троянском коне. От Республиканской партии туда попадает как минимум семь-восемь человек. А если начнется недовольство, то я уверен, что мы сможем создать там фракцию. Конечно, мы не можем влиять на решение, но мы можем говорить правду. Такого количества людей, которые будут говорить правду, не было в предыдущем парламенте.

Реплика – А кто прошел от республиканцев?

Паата Закареишвили – Двое Бердзенишвили – Леван и Давид, Роман Гоциридзе, Нергадзе, Ивлиан Хаиндрава (очень большая борьба была за него).

Арда Инал-Ипа – А Тинико где осталась? В НПО?

Паата Закареишвили – Да, она осталась в НПО, в Ассоциации молодых юристов. И Дато Усупашвили остался в НПО.

Арда Инал-Ипа – Ты можешь все-таки два слова сказать о Леване Рамишвили? Чем их институт сейчас занимается?

Паата Закареишвили – Их институт стал одним из самых мощных лоббистских центров. Все более или менее серьезные идеи лоббируют они. Они были категорически против изменений в конституции. Они были очень возмущены, они это критиковали. Они считают, что это усиление президентской власти абсолютно необосновано, то есть что президент ничем это не заслужил.

Нателла Акаба – Значит, они не всемогущи, раз...

Паата Закареишвили – Они не всемогущи, но без них властям трудно. Может быть, там был какой-то сговор и т.д., но они добились очень хорошего изменения конституции. Помимо всего остального, они давно хотели ввести в Грузии институт присяжных, а власти всегда были против. Видно, в критический момент этим им рот и заткнули. Это мне так кажется. В любом случае, они генерируют очень много идей, и эти идеи системные, они думают в динамике, в отличие от всех остальных, которые думают постфактум или мыслят стереотипами. Там два ярко выраженных лидера – это Леван Рамишвили и Гига Бокерия. Гига и, особенно, Леван, они идейные, они зубами прогрызут и людей соберут, и студентов привезут, и статьи закажут, и телевидение подключат. Это чисто политтехнологический лоббистский центр. И они очень влияют на ситуацию. Леван явно не хочет быть на публике – когда они вдвоем приходят на телевидение, все говорит Гига, Леван мало выступает.

Реплика – А у Рамишвили есть какой-то статус?

Паата Закареишвили – Нет у него никакого статуса. В мире это очень часто бывает – без статуса, но очень влиятельный. Гига Бокерия уже приобрел статус в парламенте. Он человек, который позволяет себе иногда объяснять, а иногда оправдывать некоторые действия властей, которые многим непонятны. Его слабое место в том, что когда у него нет аргументов, то он начинает «вешать ярлыки».

Такие моменты начали появляться у него, и это показывает, что у него есть слабые стороны.

Лиана Кварчелия – Паата, какой у тебя прогноз в отношении развития событий в Аджарии?

Арда Инал-Ипа – Еще я хотела спросить у Нодара – ты полностью согласен с тем, как Паата осветил эти события, как он оценивает нынешнюю ситуацию?

Нодар Сарджвеладзе – Конечно, в целом я примерно того же мнения. Но в деталях у меня кое-какие расхождения. Даже в оценке тех периодов смены правительства – у меня тоже есть свои гипотезы. Но я не хочу сейчас спорить, и особенно даже и не стоит об этом спорить.

Паата говорил об алгоритме действий Саакашвили в тех или иных ситуациях. В этом плане я хотел бы кое-что дополнить. Например, чувствуется, что он не самодостаточен. Это очень хорошо проявляется в том, что он, например, почти в любой речи, даже там, где не нужно, смеется над Шеварднадзе: «Я сейчас это делаю вот так, а не так, как это делал Шеварднадзе». Чувствуется, что он как бы нетвердо стоит на ногах. Он не самодостаточен, и это очень важно, потому что это иногда касается тех вопросов, которые касаются не его лично, а государства, народа и т.д., и т.п. То есть, чувствуется, что он еще не самодостаточен как политик, не только как личность. Он как бы занимает оборонительно-агрессивную позицию, как охарактеризовал Паата. И главное, в политическом плане он тоже не уверен в каких-то своих позициях, у него нечеткая линия поведения. Он – блестящий тактик, но не видна его генеральная линия действий, за что он вообще. Например, не видно, за какое будущее он борется, потому что он очень цепляется за прошлое. Скажем, он поехал в Гелати и поклялся на могиле Давида Строителя. Потом он вернул флаг XII века. Это – символы того, что он ищет опору в очень далеком прошлом. А по поводу будущих контуров не чувствуется, что у него есть четкая линия. Это отражается в его конкретных действиях. Например, в действиях относительно Аджарии. Явно чувствуется, что модели решения аджарской проблемы и разграничения компетен-

ций между центром и регионом у него лично нет. И он решил форсировать события путем спецоперации. Человек, который имеет стабильную четкую линию, это не сделал бы, если он был бы самодостаточным в плане своего стратегического мышления. У него нет четких программ, вот что важно. Кстати, это наверно, касается и экономики. Конечно, он сказал, что будет либерализировать налоговую систему и т.д., но дальше этого не пошло. Он сказал: «либерализовать», но там же масса деталей, президент должен указать какой-то конкретный ход. Потом он то ли забыл, то ли что... словом, ушел в сторону. Потом вдруг снова высказался по поводу легализации бизнеса – в том смысле, что каким-то бизнесменам, которые набрали денег, с сегодняшнего дня объявляется амнистия... Но продолжения этого не наблюдается. В его обращении к бизнесменам, в той модели, которую он им предложил, было множество внутренних противоречий. И не мог этот бизнесмен ему довериться. Вот эти его поверхностные заявления... Амнистировать бизнес – это большая проблема. Здесь надо учесть все, начиная с юридических вопросов, кончая правами человека и т.д. А там об этом ничего не было сказано. Было ощущение, что он выдает какие-то обещания просто на ходу.

Нателла Акаба – А вот эта «розовая революция» – она тбилисская или общегрузинская?

Нодар Сарджвеладзе – В какой-то части и тбилисская, а в какой-то общегрузинская. Общегрузинская в том плане, что регионы подключились, и довольно активно. Если смотреть на кадры, как идут машины ночью, этот бесконечный поток машин из разных деревень... Но, конечно, организация была тбилисская. В этом плане – она тбилисская. Тут Паата говорил о финансовой соросовской помощи и т.д. Но это настолько хорошо была поставлено как сценарий, как шоу – это был не только революционный процесс, это было прекрасное зрелище, прекрасное шоу, это было очень хорошо рассчитано и поставлено эстетически очень хорошо – на это, конечно, нужны были большие денежные, организационные средства.

Паата Закареишвили – Саакашвили помогали бизнесмены – например, фейерверками и т.д.

Нодар Сарджвеладзе – Это, может быть, не касается Сороса, но касается других... Я не в курсе дела. Ясно одно – это было все организовано в Тбилиси. И в этом плане это тбилисское событие. Но в плане участия – конечно, весь народ участвовал, и из восточной Грузии, и из западной Грузии.

Там еще был интересный момент, Паата об этом не рассказал... Там было и аджарское участие. Аджарцы тоже приехали. Там было противостояние, но все закончилось очень интересно, каким-то очень мирным путем – празднованием мирного сосуществования. Возможно, у кого-то там было оружие. Но сами люди создали очень хорошую внутреннюю готовность не стрелять и не переходить на конфликт. Они это все отрегулировали сами. Как раз в том-то и дело, что это был хороший прецедент в плане того, что люди могут друг с другом *поладить спонтанно*. Но с другой стороны, это был прецедент того, что аджарский вопрос, аджарская карта будет разыграна, и возможно, что когда-нибудь это не решится не так мирно. И вот последние события на границе Аджарии – там были обыкновенные люди, не только те, которые поддерживают Абашидзе, в смысле административный ресурс, но и еще какие-то люди, которые просто не мыслят себя без этого режима. И они взяли оружие... им раздали оружие и они пришли. Я уверен, что среди них очень много людей, которых подкупили и т.д., но есть, наверно, и такие люди, которые просто не мыслят себя без этого режима и не хотят никаких изменений. Из этих последних событий самое интересное – вот эти выборы в Аджарии... Я был там в декабре, а потом в январе, был в Батуми и беседовал с людьми. Я видел там аджарскую группу «Кмара», которая боролась с этими «бабуинами» (так называют сторонников Абашидзе), и там можно было наблюдать очень интересное зрелище. Они куда-то идут параллельными улицами... потом вдруг встречаются на улице, которая их соединяет, и идет вот такой разговорный момент, и все чувствуют, что они перейдут на кулаки, и почему-то не переходят. И потом расходятся. Но все время было ощущение, что когда-нибудь они перейдут на кулаки обязательно. И, безусловно, было избивание журналистов. И когда я беседовал с народом, у меня было такое ощущение, что народ голосовал за «неизменение», чтобы не было изменений, потому что они боятся изменений. Изменение означает, что если свергнуть Аба-

шидзе, то все меняется и, возможно, будет стрельба и т.д. и никто не хочет этой стрельбы. С этим ощущением я ушел. И я думал: наверно, никто не пойдет на выборы, а если и пойдут, то будут голосовать за этого негодяя (мы считаем таким Абашидзе). И вдруг получилось (до сих пор не пойму, как это получилось), что он фактически получил меньшинство даже в самой Аджарии.

Нателла Акаба – Наверно, молодежь тоже голосовала не за него.

Нодар Сарджвеладзе – Да. Суть в чем? Сейчас я, например, считаю (и, наверно, Паата со мной согласится), что судьба грузинской государственности лежит во многом в Аджарии, в аджарском вопросе. Например, то же вопрос о строительстве государственной системы, упирается в отношения между центром и регионами. Какие-то моменты, связанные с Аджарией – это сейчас центральный момент. И в этом плане, например, те события показали, что Саакашвили способен на грубейшие ошибки. Но одновременно показали, что он способен потом сделать шаг назад, как бы уйти от своей же ошибки.

Паата Закареишвили – Вот он уехал в Поти и смог избежать насилия.

Нодар Сарджвеладзе – В принципе, это хорошо. Но там были такие смешные заявления. Например, когда журналист его спросил: «А почему вы сюда пришли?», он ответил, что хотел встретиться со своими избирателями, а было семь утра. Кто в семь утра встречается с избирателями? То есть, президент обманывает. Но на это никто не обращает внимания. А на самом деле ведь это очень важно, потому что если президент обманывает людей в том, что касается своей мотивации, как ему потом можно верить? Президент – это такая фигура, которая в принципе не должна обманывать. Потом он высказал вторую мотивацию, которая тоже не была убедительной. Потому что все знали, что он хотел провести там фактически военную операцию... Это его грубейшая ошибка. Грубейшие ошибки допускал Барамидзе. Парень на границе спрашивает: «Почему вы повторяете абхазскую историю?». (Это парень был беженец. На границе появились не только переодетые полицейские, но и простые люди, у кото-

рых и в самом деле было оружие.) А министр внутренних дел Барамидзе говорит в микрофон: «Ты ошибаешься – никакого повторения абхазской истории нет». «Как же нет? Вот вы здесь ходите, так и в Абхазии так же было». «Нет. Абхазия другое дело – там жили абхазы», – ответил Барамидзе. То есть, он допускает, что по абхамам стрелять можно, но по аджарцам они стрелять не будут.

Нателла Акаба – В Абхазии никто этому не удивился.

Нодар Сарджвеладзе – Я просто подчеркиваю, что это говорил министр внутренних дел.

Нателла Акаба – Эта информация до нас дошла. Все это показывали по российскому телевидению.

Паата Закареишвили – У нас просто возмущались, когда услышали это заявление.

Нателла Акаба – Для абхазов это как бы однозначно, что по абхамам они могут позволить себе стрелять...

Нодар Сарджвеладзе – Вот такие грубейшие ошибки он может допускать, и это очень опасно. Опасно и то, что сейчас, наверно, в парламенте будет агрессивное большинство. Но главное, что это не только в парламенте, но и в обществе. Почему? Наира Гелашвили устроила в «Кавказском доме» разбор аджарских событий буквально на следующий день после того, как Барамидзе сказал это в микрофон. Там были и представители искусства – народный артист Рамаз Чхиквадзе, Вахушти Котетишвили, все те, которые обычно фигурируют как представители искусства. Там был Давид Маградзе, поэт Национального движения (как поэт, он наверно ноль, но как политик ниже нуля). Он и Наира ведущие, в зале человек пятьдесят. И они открыли заседание: Наира высказала свою озабоченность тем, что происходит, а тот сказал, что аджарцам надо показать, что этого Аслана Абашидзе стоит посадить в тюрьму и т.д. И вот в конце у них появляется резолюция, как на партийном собрании. Я попросил слова и спро-

сил: «Где я нахожусь? На коммунистическом собрании, где все ругают одного и принимают решение, или там, где принимают какое-то реальное решение о том, что нам делать как представителям общества?» Я сказал, что никто из них не сидит в кресле прокурора, что мы здесь не выдаем вердикты, что мы должны найти общий язык с теми людьми, которые на границе, а они обыкновенные люди, хоть и вооруженные, и с ними можно найти общий язык и поговорить – даже во время тбилисских событий народ начал разговор с противоположной стороной. Вдруг вскакивает Рамаз Чхиквадзе, начал подходить ко всем на сцене и спрашивать: «А с кем там диалог вести? С этими дураками? С этим средневековьем?». Вот такая была агрессия, потому что сам президент сказал, что у них феодальное мышление, а раз президент сказал, то агрессивно-послушное большинство выдает такую речь – с большой агрессией и с большой послушностью. Потом вскочил Вахушти Котетишвили, рванулся к микрофону и говорит: «Как смеет этот сумасшедший Абашидзе...», и т.д., и т.п. Вот такой театр. Я был удивлен. Потом Марина Пагава очень хорошо выступила в мою поддержку. Дальше выступил Гурам Одишария, и все относительно улеглось. Потом мы вышли и начали писать текст – обращение к нашим аджарским братьям. Написали умеренный, хороший текст, и почему-то его забрал Давид Маградзе, чтобы отнести туда, и на ходу его переделал, и это уже звучало совсем по-другому. А наши подписи там остались. И мы с Гурамом это никак не смогли проконтролировать, потому что мы почему-то доверились ему – ведь текст был уже написан. А потом у меня брал интервью журналист, и я там уже высказал то, что думал на самом деле, и таким образом реабилитировал себя. Я сказал, что я думал, прошелся по президенту, по Барамидзе и т.д. Вот такая ситуация.

Что я хочу сказать? Этот инцидент показал очень многое: в обществе существует агрессивно-послушное большинство, и не только в парламенте. Очень интересно то, что наверно, какая-то часть народа (ее трудно социологически вычислить в процентном соотношении) думает примерно так же, как Паата, как я, то есть критически относится к тому, что происходит. Например, они думают, что, в общем, очень много перегибов. И многие говорят, что надо, наконец, поставить точку в этой революции, что нельзя ее продолжать

бесконечно. Некоторые говорят: не погубит ли он нас, ведь мы ему доверились. Люди боятся, чтобы не случилось чего-то более страшного. То есть, у населения появились такие критические представления. Но это, конечно, не могло отразиться на выборах, потому что очень мало времени прошло с тех пор, как его избрали.

Он, действительно, очень харизматический человек и очень влияет на общество. Он очень энергичен, и люди отождествляют себя с ним – с таким подвижным, энергичным лидером с радикальными высказываниями, который делает ставки на какие-то такие вещи, как «я его поймаю», «без коррупции, честность справедливость» и т.д. И во время вот этой предвыборной кампании он начал гулять по всей Грузии, заглянул почти в каждую деревню и толкал вот эти речи, чтобы люди поддерживали его партию. Я не знаю, насколько он ценный как президент, преувеличивает свои полномочия или нет, но во всяком случае, действовал он так, и когда он выдавал свой клип (Паата уже обратил на это ваше внимание), в этом клипе только он, и нет партии, за которую проголосовать. То есть, люди голосуют не за партию национал-демократов, а за него лично.

Паата Закареишвили – Даже Гамсахурдия постоянно ездил со своей командой.

Нодар Сарджвеладзе – Гамсахурдия гораздо демократичнее был. И вот такие новые авторитарные моменты наступают. Вот такая интересная ситуация.

Арда Инал-Ипа – Паата, извини, что я перебила твой ответ на вопрос по Аджарии.

Паата Закареишвили – Конечно, в Аджарии свершилось главное: выборы там состоялись. И это было очень важно: Грузия доказала, что ее юрисдикция распространяется на Аджарию. Потому что Россия очень много делала, чтобы доказать всему миру, что вот потеряли Осетию, потеряли Абхазию, а сейчас Аджарию теряют, что Грузия не способна управлять государством.

(пропуск в записи) ... семейные связи и т.д. На очень многих участках, например, руководители избирательной комиссии требовали от населения, чтобы они голосовали открыто, а не тайно – чтобы люди испугались и проголосовали за Абашидзе.

Нателла Акаба – А международные наблюдатели?

Паата Закареишвили – Были, но не в деревнях. В городах Батуми и Хелвачаури однозначно голосовали против Абашидзе: в процентном соотношении два к одному, а это очень большой показатель. А в деревнях, где можно сильнее влиять и нет информации – там была другая ситуация. Абашидзе никак не может научиться на уроке Шеварднадзе, который показал, что чем глупее себя ведешь, чем глупее защищаешь свои позиции, тем больше проигрываешь – надо войти на какой-то диалог. В отличие от Шеварднадзе, с ним шли на диалог, готовы были на уступки. Он должен был принять новые условия игры. То есть, никто уже не позволит ему влиять на грузинскую политику. Он – руководитель *региона*, и должен быть руководителем именно региона. Граница, таможня – это не его дело, это уже общегосударственное дело. Он должен от всего этого отстраниться и показать, что будет вести честную игру, тогда, может быть, его оставят у власти, и только в Аджарии. Но он не шел на такие уступки. Аджария – самая легко разрешимая проблема из всех сложных проблем в Грузии. В Грузии очень много сложных проблем. Самый сложный вопрос – это абхазский вопрос. Еще один сложный вопрос – это коррупция. Но из всех сложных вопросов легче всего можно решить аджарский вопрос. И я так думаю, и многие тоже так думают. Но даже в этом легко решаемом вопросе он начал грубо себя вести. И я согласен с Нодаром: это было очень грубо – его слова, его лексикон... Аджарцы перехватили разговор по рации между полицейскими, когда была эскалация на границе: «этих аджарцев мы загоним в горы». Человек имеет право так думать. На бытовом, фольклорном уровне такие понятия есть, и во всем мире есть. Но когда ты – официальный человек и позволяешь себе такие высказывания, и тебя на этом поймают, то ты должен за это отвечать. Или то, что Абашидзе называют «бабуином» – это все очень плохо влияет.

Что делать дальше? Сейчас еще неизвестно, преодолет ли он семипроцентный барьер. Скорее всего, не преодолет, мне так кажется, если ему не помогут. Я считаю, что будет лучше, если не преодолет: это покажет всему миру и России, что никакого влияния на Аджарию у него нет. Потом центральным властям будет легче с ним справиться – наверное, цивилизованным путем. То, что у Грузии есть аджарская проблема – это легенда, на самом деле этой проблемы нет. В Грузии есть проблема Абашидзе и его клана, но не аджарская проблема. Аджарский народ, в принципе – это грузинский народ, и никакой внутренней сепаратизации там не происходит. А преодолет – он тогда остается главой Аджарии, в его руках аджарский парламент. Но и аджарский парламент, и глава Аджарской Автономной Республики – это незаконные явления. Все это он сам придумал. Он незаконно встал во главе парламента. Написал конституцию, которая противоречит грузинской конституции, сам объявил особое положение Аджарии, хотя не имеет такого права, только президент имеет такое право. То есть, он сам возложил на себя функции центральных властей. В свое время, в 2000 году, был небольшой кризис. Это был политический кризис: тогда он потребовал от центра, чтобы в конституцию Грузии были внесены слова «Аджарская Автономная Республика». Тогда же и Надареишвили тоже выступил: а почему бы тогда и не «Абхазская Автономная Республика»? Вот так были определены статусы. В Конституции Грузии записано, что статус Аджарской Автономной Республики будет определен особым конституционным законом Аджарской Автономной Республики. Это была его инициатива, он сам это предложил в 2000 году. Но ни Шеварднадзе, никто другой не думал об этой поправке. И прошло уже три или четыре года, и никто к этой проблеме не возвращался. Сейчас надо срочно писать этот закон. Хорошо, что Шеварднадзе в свое время его не написал, а то это был бы проабашидзевский закон. Сейчас это уже в наших руках. Тем более надо срочно писать этот закон. В Республиканской партии уже готова эта концепция, ее уже можно рассматривать или написать другой закон и на основании этого закона проводить новые выборы. Он же сам требует, чтобы написали новый закон? Вот мы ему и напишем.

Нодар Сарджвеладзе – О выборах или о разграничении полномочий?

Паата Закареишвили – О разграничении полномочий. Скорее всего, парламент будет работать до конца июня, и к этому сроку депутаты должны принять этот закон, а где-то в сентябре-октябре можно провести выборы. По-моему, это и есть цивилизованный выход из положения. Но Абашидзе должен понять одну истину: он уже не может рассчитывать на тот статус, который он имел при Шеварднадзе, такой неписанный статус. И Россия его не поддерживает – Путин его явно не поддержал. Его поддерживает мэр Москвы. То есть, Аджария стала полем битвы разных российских фракций парламента, как Ставропольский край или какой-то другой регион России. Какие-то фракции Думы влияют на события в Аджарии, но не центральная власть России. Он это почувствовал: Тбилиси не поддерживает, Россия не поддерживает. И теперь у него две возможности – или уйти на пенсию, перебраться в Россию и жить здесь как Гиоргадзе, или отправиться в тюрьму. У него нет никаких оснований быть сейчас у власти. Если он пойдет уже против этого договора или закона, у него не будет другого выбора. К тому же, там довольно сильные оппозиционные силы – «Наша Аджария» и другие, которые, наверное, уже пойдут на революцию, то есть, на то, что было сделано в Тбилиси. Если он не пойдет на переговоры и ни на какие уступки, тогда он, конечно, пойдет на кровопролитие. То есть, если он пойдет на конфронтацию, то он будет готов стрелять в людей – чего не решился сделать Шеварднадзе. Шеварднадзе, может быть, и хотел это сделать, но его не поддержали. Полиция Абашидзе, его вооруженные люди, его поддержат. Он раздал оружие, сейчас там у населения много оружия. Они пойдут на стрельбу, и я уверен, что это будет очень серьезный удар по революции. Чем больше пройдет времени, чем позже это будет, тем менее эмоционально это будет восприниматься как в России, так и во всем мире, как мне кажется. Конечно, наши власти должны сделать все, чтобы этого не допустить.

Нодар Сарджвеладзе – Поэтому нужна последовательная политика.

Паата Закареишвили – А если он на это не пойдет, тогда у властей остается хорошо продуманная операция его ареста и т.д. Потому что он ведет себя абсолютно вразрез с государственными интересами и

очень много на себя берет. Пока затишье, а потом посмотрим, как он будет реагировать на предложения о новом законе о статусе Абхазии.

Нателла Акаба – Можно маленький комментарий? Мне кажется, ты как-то недооцениваешь интересы российского бизнеса. Все мы знаем, что, в частности, московские крупные инвесторы сделали в Абхазию очень большие инвестиции. Так что, наверное, Грузия должна иметь какую-то концепцию относительно этого тоже, и тогда, может быть, будет проще...

Паата Закареишвили – В отличие от Шеварднадзе, Саакашвили точно не играет, и я считаю, что, несмотря на всю критику, которую мы высказываем, у него много положительного. Положительно и то, что он начал строить конструктивные отношения с Россией. Этого требуют и американцы: американцам невыгодно из-за Абхазии или даже Южной Осетии портить отношения с Россией. Если Саакашвили поддерживает базы и это проблема для России, то надо сказать России: «Мы будем гарантом ваших баз, если вам нужны там базы. Если там есть ваш бизнес, мы будем гарантом вашего бизнеса». То есть, конечно, что-то надо переписать на себя. Не уничтожать все вместе с Саакашвили, а сказать, что без Саакашвили вам там будет не хуже. Я думаю, наши политики должны на это пойти. Я думаю, что с Россией необходимо находить общий язык и строить более или менее долгосрочные отношения.

Лиана Кварцелия – По поводу того, что нет проблемы между абхазами и остальной Грузией. С этим я спорить не буду. Но мне кажется, что проблема не только в Саакашвили. Проблема в том, что в Грузии сложилась определенная схема поведения... Как в последнее время приходят к власти лидеры в Грузии? Смена лидера происходит на волне каких-то выступлений. Так пришел к власти Гамсахурдия, так же пришел Шеварднадзе, а теперь Саакашвили. После прихода каждого нового лидера затевается война... Мне кажется, если бы не было этой предыстории, население Абхазии воспринимало бы события спокойнее. Мне кажется, абхазы воспринимают Тбилиси как некую разрушительную силу, угрозу – вот это, может быть,

тормозит смену режима в Абхазии. Не знаю, права я или нет, но у меня такое впечатление.

Нодар Сарджвеладзе – Паата прав, главный фактор там – это Абашидзе. Но там еще и административный балаган. Там есть 100 человек, которые представляют не только администрацию и которым выгодно в плане бизнеса иметь режим Абашидзе. И они, конечно, влиятельны. В совокупности они образуют в Абхазии какое-то количество людей, которые противостоят центру, Тбилиси.

Нателла Акаба – И не только они, но есть, по-моему, и другие группы...

Нодар Сарджвеладзе – Но все они держатся вместе.

Нателла Акаба – В Абхазии, наверное, очень многих не устраивает тот способ, которым сменилась власть в Грузии.

Лиана Кварчелия – То есть они боятся. И когда вмешивается Тбилиси, они это воспринимают как угрозу, потому что есть пример Южной Осетии, есть пример Абхазии и есть пример Мегрелии. Они опасаются насилия, потому и такое сопротивление.

Нодар Сарджвеладзе – Да, в этом, конечно, есть резон.

Арда Инал-Ипа – Я хотела бы задать вопрос именно о высказываниях президента Саакашвили, его возможных планах и о том месте, которое Абхазия сейчас занимает в его политике. Из того, что мы слышим, многие вещи можно отнести за счет популизма. Но, тем не менее, очень многое тревожит. Хотелось бы услышать: с вашей точки зрения, как вы оцениваете абхазский вопрос в политике Саакашвили?

Марина Элбакидзе – Я хочу отметить два момента, о которых уже говорили Паата и Нодар: один – взаимоотношение сторон и другой – насколько существует в Абхазии сепаратизм. Абашидзе, может быть, не гибок, не идет на прямые переговоры с властями и т.п. Хотя по

телевидении он говорил, что готов идти на переговоры (Я буду судить по той информации, что передают по телевидению, что декларируют стороны формально и что может видеть зритель со стороны. Внутренние, закулисные течения я – рядовой гражданин – не знаю; не знаю, какие у Абашидзе планы и какие связи с Россией – это другой вопрос). Формально по телевидению он уже несколько раз высказывался, что готов идти на переговоры с центральной властью. Я еще раз хочу подчеркнуть, что он негибкий и упрямый, но с другой стороны, новое правительство тоже непоследовательно в своих заявлениях и действиях и тоже не очень гибкое. Саакашвили или кто-то другой из власти может в один день говорить одно – например, что они готовы на переговоры и т.д., а на другой день вдруг слышишь такие заявления в адрес другой стороны, которые напрямую оскорбляют личность. Когда оппонента называешь пигмеем – это оскорбление, не оставляющее место для политического диалога. «Бабуином» Абашидзе могу назвать я, обыкновенный гражданин, который ходит по улице и рассказывает анекдоты. Но когда политики заявляют о своей готовности «на переговоры и сотрудничества», то они должны следить за своей речью. Я думаю, что такого рода оскорбительные высказывания – часть политической игры, показывающие реальные намерения через подтекст. Такого же характера и те заявления, в которых нет прямой угрозы, но демонстрируется сила. Они направлены на то, чтобы дать знать другой стороне о готовности решить вопрос силовым способом. По моему, ни с одной стороны не наблюдается желания идти на переговоры и решать все эти проблемы в обстановке сотрудничества.

Теперь о том, насколько в Абхазии присутствует сепаратизм. Опять-таки я согласна с тем, что там, в Абхазии, нет никакого сепаратизма со стороны населения. Но какой-то потенциал противостояния все же существует: в каких-то определенных условиях, при стечении неких обстоятельств люди могут взяться за оружие, и что произойдет дальше – прогнозировать сложно. Среди населения найдется какое-то количество людей – не из непосредственного окружения Абашидзе, просто обыкновенных жителей, которые, может быть, не очень хорошо живут, но боятся внезапных перемен: а вдруг все изменится к худшему...

Нателла Акаба – Изменения могут быть к худшему.

Марина Элбакидзе – Поэтому, когда таким людям дают в руки оружие и они от него не отказываются, появляется опасение – может, с малой вероятностью, но все же – что они могут его использовать. И вот такие люди тоже стояли на так называемой границе Аджарии. Хотя, когда из Тбилиси приезжали поговорить с ними не политики, а представители гражданского общества, то разговор между ними был очень доброжелательным – обсуждали, как предотвратить столкновение и каковы могут быть его негативные последствия. В общем, на диалог они идут, но оружие все-таки держат. Поэтому я думаю, что это немаловажный фактор, что в любой стране среди населения всегда может оказаться какой-то взрывоопасный потенциал, и это надо учитывать, быть к этому готовым и знать как с ним справиться. В таком контексте они – не сепаратисты, но боясь чего-то или кого-то, чтобы предотвратить худшее, готовы на резкие шаги.

А что касается абхазского вопроса, это тоже немаленький вопрос и, может быть, стоило бы его обсудить отдельно. Кстати, Вальтер Кауфман (завтра у нас встреча с ним), после революции, после президентских выборов, организовал несколько встреч в тбилисском офисе, где обсуждались вопросы, напрямую связанные с новым правительством, с новой политической ситуацией. И одна встреча, кстати, была посвящена обсуждению вопросов о том, как можно решить грузино-абхазский вопрос на новом политическом фоне и какие появились перспективы. Были приглашены Георгий Хаиндрава и Джонатан Коэн. Коротко, можно сказать, что никаких особых перспектив, исходя из этой беседы, мы пока не увидели.

Нодар Сарджвеладзе – Плохого не говорили, но видения нет.

Нателла Акаба – Чистый лист бумаги.

Марина Элбакидзе – Гога Хаиндрава ничего плохого не говорил, и для начала это уже хорошо. Он настроен на мирное решение...

Арда Инал-Ипа – А вот эти агрессивные высказывания Саакашвили?

Марина Элбакидзе – Я не знаю, какие из его высказываний доходят до Абхазии. Высказывания как раз таки у него были разные, иногда противоположные – мирные и угрожающие. Мирные высказывание – они не конкретные, но, в общем, формально он заявлял, что к решению абхазской проблемы надо идти только политическим, мирным путем.

Лиана Кварчелия – Но одно из последних высказываний, которые дошло до нас, о том что «для восстановления территориальной целостности надо быть готовым к тому, что прольется грузинская кровь». Он это говорил в годовщину смерти Жиули Шартава.

Марина Элбакидзе – Поэтому я и говорю, что высказывания у него бывают противоположными. Его высказывания можно разделить на две категории – негативные и позитивные, но надо слышать и обсуждать и те, и другие.

Паата Закареишвили – Мы рассчитывали, что 2 ноября будут парламентские выборы, потом все успокоится, а потом будут президентские выборы. Была такая идея – написать книгу «Абхазия перед выборами»...

Лиана Кварчелия – То есть, как будет использоваться абхазский вопрос в предвыборной кампании в Грузии?

Паата Закареишвили – Но потом началась революция. Шесть месяцев идет предвыборная кампания. Мы начали с октября собирать материалы. Получилась довольно толстая книга – около трехсот страниц. Переведем ее на русский язык, и она будет называться «Предвыборная Абхазия». И там будут все цитаты грузинских политиков, а также и международных политиков и, может быть, НПОшников. То есть, как перед выборами в разных контекстах упоминалась Абхазия. Мы уже начали верстать эту книгу, и мы раздадим ее депутатам.

Лиана Кварчелия – А как в Грузии оценивают события в Абхазии?

Паата Закареишвили – По Абхазии вроде бы мало о чем можно говорить. Вы и так сами все знаете. В основном агрессивные, несерьезные, нелегитимные, беззубые, но все-таки агрессивные заявления, ничем не обоснованные. Это – бессвязные заявления...

Нателла Акаба – А вот этот новый Мжавия? По-моему, он бывший депутат парламента...

Паата Закареишвили – Да. Мжавия на наш процесс отрицательно влиять никак не будет.

Даже то, что власти хотят структуры автономной республики отправить в Зугдиди, то есть выслать из Тбилиси – тоже показатель отношения к нему. Я считаю, что у ВПЛ должна быть какая-то структура, но не такая, как сейчас – не абхазская структура, а беженская, и они должны переизбираться через каждые два-три года, но не надо оставлять те нелегитимные структуры, которые есть сейчас.

Чаще можно услышать скорее агрессивные заявления, чем неагрессивные, но они очень несерьезные. Гога Хаиндрава никаких агрессивных заявлений не делал. Наоборот, он на любой встрече всегда подчеркнуто старается быть миролюбивым. Он говорит, что надо все делать, чтобы прекратить эти агрессивные заявления, потому что это ни к чему хорошему не приведет.

Марина Элбакидзе – Я еще раз хочу затронуть аджарский вопрос. Какие параллели у нас появились во время этого кризиса? Одни сравнивали события, которые происходят в Аджарии, с теми, что произошли в Абхазии. Другие опровергали эти опасения, говорили, что это совсем разные вещи и разные процессы. В одном контексте они разные, а в другом контексте можно найти что-то общее. Мы несколько раз встречались с беженцами из Абхазии, и по телевидению они выступали, и как раз, по-моему, именно они чаще других проводили параллели и выражали опасения, что в Абхазии тоже все так начиналось и что они тогда ничего не смогли сделать, чтобы предотвратить столкновение. То есть, появились опасения, что опять могут быть допущены ошибки со стороны правительства, но в то же время и желание граждан предотвратить опасность.

Лиана Кварчелия – Они косвенно признали, что по отношению к Абхазии были допущены ошибки.

Марина Элбакидзе – Это и дает надежду, что если на этот раз они не хотят решить проблему с Аджарией силовым методом, то и абхазский вопрос не захотят решить силовым методом.

Нателла Акаба – Был еще один неприятный момент. Когда все это раскручивалось в Аджарии, мне позвонила сначала Марина Пагава с информацией о том, что якобы в Аджарии появились 60 добровольцев из Абхазии, которые пришли чуть ли не поддерживать Абашидзе. Оказывается, была такая официальная информация. И потом Анико тоже мне звонила.

Нодар Сарджвеладзе – Я тоже об этом слышал. И потом проверял эту информацию, ее обещали повторить в тот же вечер, но больше не повторили.

Нателла Акаба – Надо у Марины и Анико спросить, потому что они сказали, что сами это слышали.

Нодар Сарджвеладзе – Я думаю, что даже Анико и Марина сами этого не слышали. Это, видимо, какая-то волна...

Нателла Акаба – Но если такие слухи появляются, значит, это кому-то нужно.

Лиана Кварчелия – У меня вопрос и комментарий. Начну с комментария. Вы говорили, что если Абашидзе не пойдет на компромиссы, то у Саакашвили не останется другого выхода, как убрать его силой. А вот видите ли вы опасность применения силы в других случаях? Вы говорите, что у Саакашвили и его окружения пока нет видения урегулирования грузинско-абхазских взаимоотношений. Допустим, что его воинственные заявления – это популизм. Но популизм – тоже очень опасная вещь, потому что он культивирует у многих людей реваншистские настроения. С другой стороны, вы доста-

точно критично говорили о том, как Саакашвили пытается бороться с той же коррупцией – одних сажает, других не трогает. Вы не видите в его действиях какой-то последовательности. То же самое вы говорили об экономических реформах. А если его реформы не состоятся? В обществе опять возникнет недовольство существующим положением вещей. Как вы думаете, есть ли опасность, что в какой-то момент опять будет использоваться образ врага и против него будет применена сила? Ведь не исключено, что в этом образе могут представить Абхазию.

Марина Элбакидзе – Мне лично прогнозировать, какой это будет – негативный сценарий или положительный – очень сложно, потому что, в принципе, Саакашвили и новое правительство своими действиями могут вызывать и надежду на положительное развитие событий, и опасение, что все будет развиваться по негативному сценарию. Их действия дают как надежду на улучшение, так на опасение. Например, сажая коррумпированных чиновников, они делают как бы справедливое дело и народ этому радуется – в принципе. С другой стороны, как эта «справедливость» совершается, насколько борьба за справедливость справедливо происходит – важный вопрос и может быть предметом для опасения.

То же самое и по поводу того же абхазского вопроса: есть и одни заявления – агрессивные, и другие – мирные. И если Паата, который был приближенным...

Реплика *(не слышно)*.

Марина Элбакидзе – Я имею в виду личностные качества. Паата говорил, что Саакашвили умеет на ходу схватывать какие-то хорошие, умные мысли и потом быстро начинает их реализовывать – это тоже дает какую-то надежду. С другой стороны, эти его качества, которые так ярко проявляются и дают надежду, иногда даже пугают, потому что все, что тебе показалось интересным – ухватывать быстро, импульсивно, и быстро превращать в реальность – тоже опасно, потому что сложно оценивать – хорошая ли это идея на самом деле, справедливая или нет...

Нателла Акаба – ...и к чему она приведет.

Марина Элбакидзе – Да, и к чему она приведет, какие принесет результаты. И главное – как ее осуществить, каким методом. То же самое было и в отношении Аджарии. Правильно, там феодальный режим, там Абашидзе, надо его убрать. Но как это сделать? Принести жертвы или можно обойтись какими-то другими путями?

Когда мы стояли в ноябре на площади, тогда на самом деле был положительный настрой, реально чувствовался настрой народа на положительные изменения. И сегодня не так легко отказаться от надежды и сказать, что все это было зря или думать, что человек, которого поддержала почти вся Грузия делает неправильные шаги.

Пока еще прошло немного времени. И за это короткое время появились примеры и плохого, и хорошего. Есть то, за что стоит строго критиковать, но можно видеть, что он какие-то вещи правильно делает. Большинство пока поддерживает все его решения. Приведу опять пример с конституцией. Изменения в конституции многие восприняли неоднозначно. Как объясняют окружение Саакашвили и его сторонники – эти изменения (например, дать президенту право распустить парламент) были необходимы в связи с постреволюционным временем. Может быть, так оно и есть, а я, простой смертный, этого не понимаю, поэтому многие с таким объяснением согласны. Но с другой стороны, когда они все время оперировали тем, что все это делается для народа, а у меня, у народа, не спрашивают мое мнение и ограничивают полномочия избранного мною парламента без «разрешения народа» – это меня настораживает. Может, я – народ – ничего умного не скажу, но я – народ – вчера революцию устроил, и поэтому пусть меня спрашивают, хочу ли я такие изменения или нет.

Сейчас я хочу вернуться к вопросам: куда мы придем? Какой будет сценарий? Понадобится ли еще одна революция или мы все-таки будем жить по-человечески? Мне будет сложно, исходя из сегодняшней ситуации ответить на эти вопросы. Наверное, нужно какое-то время, проследить как будет «вести себя» новый парламент. Наверное, нужно посмотреть еще два-три месяца, будут ли он принимать какие-то реально полезные законы для построения государства или

будут поступать, как с конституцией. Тогда уже нужно будет думать о реакции со стороны общественности.

Нодар Сарджвеладзе – Я думаю, что вопрос об образе врага – очень важный вопрос, потому что, безусловно, Саакашвили повысил планку. У него очень высокая планка. Он обрекает себя на неудачу в том смысле, что не все это будет осуществлено в виде реформ, потому что слишком большие обещания и ожидания. Население дало ему 96 процентов. Эти 96 процентов говорят о том, что население инвестирует в него 96 процентов своих ожиданий и ждет, чтобы они оправдались. И что их осуществление на 96 процентов зависит от президента, а на 4 процента от нас. У него пока не видно делегирования ответственности от президента к народу. Это трагическое противоречие тех систем, когда есть слишком большое доверие. Когда социальный капитал превышает какие-то размеры – это тоже переходит в какие-то минусы. Он сам сделал конституционные изменения, и у него появилось право распустить парламент. Исходя из всего этого, видно, что есть какие-то интуитивные предчувствия того, что в какой-то момент может быть провал и надо создавать образы каких-то врагов. Пока он создает образ врага в лице Шеварднадзе, коррумпированных чиновников, партизан, которых он разоружил. Он разоружил бандитов в Сванетии, выяснение отношений с Асланом Абашидзе будет длиться примерно еще год и т.д. Но потом у него будут созданы еще другие образы врага – внутри общества. Это будет парламент, который он, наверное, в какой-то момент распустит, если он будет ему противоречить. Пока что я думаю, что резона для того, чтобы использовать в этом смысле Абхазию, у него в обозримом будущем нет. Но образ врага он будет создавать наверняка, потому что без этого он не может. Он борец, и он должен создавать такой образ. Так что это очень сложный вопрос.

Марина Элбакидзе – Еще одно наблюдение – он в основном в своих суждениях употребляет единственное число первого лица – «Я». Когда он рассказывает про какие-то события, то употреблением «Я» подчеркивает, что это он принимает решение и сам активно во всем участвует. В самом деле – решения принимает он, и он вправе говорить: «Это сделал я». Но это как бы самолюбование собой и всей

властью. Например, во время аджарского кризиса было принято решение, что Зураб Жвания поедет на переговоры с Абашидзе, Саакашвили по телевидению несколько раз говорит: «Я отправляю туда Жвания», после переговоров: «Я отправил туда Жвания».

Нодар Сарджвеладзе – Что еще кроется в этой фразе: «Я его отправил, а он не оправдал моих ожиданий, и его надо наказать».

Арда Инал-Ипа – А как отношения с Бурджанадзе? Одно время я так слышала, что у него были какие-то причины для несогласия и она даже в знак протеста уехала за границу, но Саакашвили поспешил показать, что не очень огорчен ее отъездом.

Марина Элбакидзе – На данном этапе раскол невыгоден.

Паата Закареишвили – Для Запада главное было объединение. Главное требование было – покажите, что налицо объединение, и тогда мы вам поможем.

Арда Инал-Ипа – Вот сейчас ее послали в Аджарию, как оценивается ее визит?

Нодар Сарджвеладзе – Она выполняет интересную роль.

Нателла Акаба – Да, нам тоже так показалось.

Паата Закареишвили – Она довольно умная, но, к сожалению, никак не может освободиться от своих родственных связей. Она, в самом деле, умный политик, умнее многих – без ссылок на то, что она женщина. В свое время ее назначили быть спикером парламенте, потому что она была женщина. А она оказалась самодостаточным и довольно устойчивым политиком сама по себе. Жвания и Бурджанадзе – более умные политики, нежели Саакашвили. Они могут что-то планировать заранее. И очень многие западные эксперты делали ставку именно на нее. Она наиболее уравновешенная. Она сама не коррумпирована, но ее отец имеет заслуженную коррумпированную

биографию. Ее отец влияет на нее, на какие-то назначения. Ее муж тоже влияет.

Пола Гарб – Она тоже становится коррумпированной?

Паата Закареишвили – Очень многие назначения, которые она сделала в промежутке между выборами – в смутное время, скажем так – были неправильными. В основном, все связи идут к родственникам мужа. Потом идут скандальные опровержения, скандальные извинения. Она никак не может освободиться от этого влияния. Если бы она смогла уйти от этого влияния, став самостоятельным политиком... Да пусть она будет женой и дочерью, ради Бога, это нормально. Но пусть она освободится от их влияния, пусть не учитывает их интересы. У нее даже есть шанс стать президентом. Этот шанс был и сейчас, и, может, будет и в будущем, потому что Саакашвили наломает много дров.

Нателла Акаба – А может, она ждет, когда Саакашвили наломает дров...

Паата Закареишвили – Тогда пусть она тем временем исправляется, потому что ее авторитет портят ее неправильные шаги.

Реплика – А кто ее муж?

Паата Закареишвили – Он теперь начальник пограничной службы.

Нодар Сарджвеладзе – Огромная должность.

Нателла Акаба – И очень денежная.

Нодар Сарджвеладзе – ...Коррупция на новом уровне. Там граница, там таможня, там пропускной пункт.

Нателла Акаба – Как плохо любить своего мужа в такой ситуации! Вот развелась бы и стала президентом.

Паата Закареишвили – У него не хватает ума уйти в отставку и жить дома нормально, и не мешать своей жене, у которой хорошие перспективы. Но он этого не понимает.

Нателла Акаба – А может быть, он этого не хочет – быть мужем президента?

Реплика – А деньги? Может быть, она тоже привыкла к этим деньгам?

Нодар Сарджвеладзе – Они обречены делать деньги.

Нателла Акаба – Бедные. *(Смех)*.

Нодар Сарджвеладзе – Мы с тобой в этом плане свободны, а они несвободны.

Реплика – И никто вас не упрекнет!

INTERNATIONAL ALERT – ПРОГРАММА ПО ЕВРАЗИИ МОНИТОРИНГ ПРОЕКТА

*«Построение доверия между грузинским и абхазским
обществами с участием Кавказского форума НПО»
(январь 2001-март 2004)*

Кэтрин Барнс
независимый консультант

1 Краткое содержание

Данное исследование было организовано с целью мониторинга программы, финансируемой Европейской Комиссией и британским Глобальным фондом по предотвращению конфликтов (Global Conflict Prevention Pool) и направленной на построение мер доверия в контексте грузино-абхазского конфликта. Доклад начинается с изучения актуальности мер гражданского общества по построению доверия, анализа различных парадигм осмысления конфликта и роли гражданского общества, а также происходящих изменений динамики конфликта и их влияния на инициативы по его трансформации. После этого рассматривается замысел и структура, а также результаты программы в целом, чтобы затем перейти к подробному анализу основных вопросов менеджмента и осуществления программы.

Можно сказать, что главным общим результатом программы на данном этапе было содействие формированию «центрального ядра» миротворцев – представителей гражданского общества. Путем взаимодействия между собой и участия в программной деятельности эти люди получили подготовку – *психологическую* (разрушение «образа врага» и преодоление других эмоциональных и когнитивных преград взаимодействию), *интеллектуальную* (понимание проблем с точки зрения друг друга, более глубокая информированность о развитии ситуации) и *практическую* (путем развития навыков и предоставления ресурсов), позволяющие им более эффективно участво-

вать в построении мира. Кроме того, благодаря развитию сетей, эти люди могут теперь совместно работать по проектам построения мира. Такие проекты уже принесли следующие результаты:

- Создание возможностей для взаимодействия через границу конфликта большого числа людей из различных социальных и профессиональных групп, что производит «демонстрационный эффект» в их социальном окружении.
- Расширение пространства для общения и трансформация сложившегося за годы конфликта «образа врага».
- Развитие и поддержка взаимодействия профессиональных и секторальных сетей на территории Кавказа в целом и между грузинами и абхазами в частности.
- Развитие и / или восстановление отношений между активистами гражданского общества.
- Продолжающийся диалог, в ходе которого возникает новое понимание конфликта, его причин и динамики, а также путей его трансформации.
- Создание и распространение нескольких «продуктов» – книг и видеofilьмов, которые распространяют эти идеи среди широкой аудитории.
- Укрепление ресурсов предотвращения конфликта путем повышения способности людей противостоять милитаристским ответам на конфликт и содействовать социальному развитию своих сообществ.
- Развитие технического и практического потенциала гражданского общества и профессиональных групп.

Благодаря этим результатам, программа способствует изменению атмосферы конфликта по мере того, как все большее число людей признает необходимость долгосрочной нормализации отношений между охваченными конфликтом обществами. Тем самым создаются условия для стабильного политического урегулирования.

Большинство программных мероприятий проводились в общекавказском контексте, чему способствовало создание **Кавказско-**

го форума и постоянное партнерство с ним. Наряду с активизацией взаимодействия через границу грузино-абхазского конфликта, программа также стимулирует взаимодействие между различными народами Кавказа, разобщенными из-за конфликтов и новых межгосударственных границ. Многие наши собеседники отметили создание Кавказского форума и Лиги женщин Кавказа среди наиболее заметных достижений программы IА. Еще одной отличительной характеристикой является то, что программа **сосредоточена на конкретных социальных группах**, связанных с ключевыми аспектами построения мира. Например, женское направление вывело на первый план гендерные вопросы, а работа с комбатантами продемонстрировала уникальные методы работы с этим влиятельным сообществом. Основные целевые сообщества программы следующие: НПО в целом (через Кавказский форум); молодые журналисты, объединенные идеей адекватного освещения конфликта; женские организации; организации людей с ограниченными возможностями; писатели и «экс»-комбатанты. Помимо развития контактов, возможностей для обмена идеями и формулирования общих стратегий и подходов, в рамках программы было много практических мероприятий, реализованных участниками сетей и являющихся вкладом в построение мира.

В целом программа способствовала созданию разнородной сети людей, как находящихся по обе стороны грузино-абхазского конфликта, так и в целом на Кавказе, объединенных идеей мирной трансформации конфликтов и мирного развития общества в целом. Чтобы эта сеть могла перейти на следующую, более высокую ступень своей работы, главным партнерам будет полезно проанализировать общую парадигму построения мира, которой они придерживаются, чтобы затем этот анализ лег в основу четко сформулированной стратегии действий. В исследовании выделены несколько важных стратегических моментов: более активно работать над развитием своего общества; более широко распространять информацию и расширять базу общественной поддержки и / или активно пытаться повлиять на решения политиков путем участия в политическом диалоге. Составив общую картину своих стратегических целей и соответствующих видов деятельности, партнеры смогут проанализировать орга-

низационную структуру программы и усовершенствовать ее в направлении максимальной координации усилий и эффективности использования ресурсов.

2 Замечания по методологии и терминологии

В основу исследования положены наблюдения на встрече партнеров из Грузии и Абхазии в Москве в ноябре 2003 г. и материалы, собранные в ходе двухнедельной поездки 17-31 января 2004 г. в Тбилиси, затем в Сухум/и, а также в Гал/и, Очамчиру, Ткварчел/и и Пицунду, для проведения интервью и наблюдения за ходом ряда мероприятий по проектам. Мы взяли интервью у 44 человек; большинство из них были связаны с программой в качестве координаторов или участников деятельности, но около 25% опрошенных непосредственно не участвовали в программе, а наблюдали за ее ходом с точки зрения правительственных структур, международных организаций и членов Кавказского форума. Материалы, полученные из первичных источников информации, были дополнены анализом программной документации, внутренних отчетов и других вторичных источников.

Информация, собранная в ходе этого процесса, была использована для ответа на ключевые вопросы, с целью установления основных тем и проблем, исходя из восприятия программы ее участниками. Поскольку эта информация рассматривается сквозь призму личного понимания автором всего увиденного и услышанного ею (с помощью квалифицированного переводчика Ирины Савельевой), а также ее знания о процессах трансформации конфликтов в других странах, автор берет на себя полную ответственность за толкования, анализ и рекомендации, приведенные в этом докладе.

С методологической точки зрения чрезвычайно трудно оценить результаты программы, направленной на формирование таких абстрактных понятий, как «доверие» или «потенциал» миротворчества и социального развития. Трудность первого порядка состоит в оценке того, действительно ли произошли изменения в тех людях, на которых была направлена программа; трудность второго порядка – в оценке того, достаточно ли значительными были эти изменения, чтобы повлиять на общую динамику конфликта, и наконец, трудность тре-

тьего порядка состоит в определении того, какие перемены можно отнести к результатам именно этой программы, если учесть, что многие партнеры и участники также задействованы в других инициативах. Хотя в докладе сделана попытка оценить результаты реализуемой ИА Грузино-абхазской программы построения мер доверия на каждом из этих трех уровней, в отсутствие подробных эмпирических социо-политических исследований и в особенности в отсутствие “базового” исследования условий, предшествовавших началу программы, дать однозначный и окончательный ответ на какой либо из поставленных вопросов крайне трудно, если вообще возможно.

Поэтому вместо формального и во многом ограниченного «мониторинга» или методологически рискованной оценки того, достигла или не достигла программа своих довольно амбициозных целей, поставленных в заявке на финансирование (см. Раздел 3), основной акцент исследования делается на анализе замысла и построения программы в целом, а также на способах реализации программы с целью: (а) проанализировать используемую методологию; (б) документально зафиксировать результаты программы с точки зрения ее участников и наблюдателей, а также (с) высказать рекомендации по поводу того, на какие вопросы следует обратить внимание при дальнейшем развитии программы. При этом выражается надежда, что данный доклад будет полезен как донорам при проверке выполнения программы, так и тем, кто участвовал в ее выполнении. В частности, хотелось бы, чтобы это исследование дало импульс анализу усвоенных на данный момент уроков и послужило катализатором дискуссий о том, как партнеры программы могут в дальнейшем развивать свою деятельность, чтобы она оставалась актуальной и эффективной с точки зрения мирной трансформации конфликта.

Учитывая характер рассматриваемых вопросов, полезно будет вкратце остановиться на терминологии. Используемые в тексте названия «Абхазия» и «Грузия» не несут какой-либо политической нагрузки, а являются описательными наименованиями территорий, на которых проводилось исследование. Поскольку существуют различия в произношении и написании ряда географических названий, в тексте используется условная орфографическая форма, отражающая как грузинское, так и абхазское написание. Слова «абхаз» и «гру-

зин» использовались как в значении этно-национальной идентичности, так и в целом для обозначения людей, населяющих названные территории (на каждой из которых проживают группы с различной идентичностью). Исходя из принципа уважения самоидентификации, используемый в тексте термин «перемещенные лица» относится к сообществам, покинувшим Абхазию из-за войны и последующих событий; большинство этих людей предпочитают использовать этот термин для обозначения своего положения.

3 «Построение мер доверия» – трудности и дилеммы

Организация «International Alert» (IA) работает по программе, включающей в себя ряд инициатив по трансформации конфликта в Грузии / Абхазии и в более широком кавказском контексте. Цель грузино-абхазской инициативы построения мер доверия – «создание благоприятной обстановки для установления мира между Грузией и Абхазией» путем «усиления потенциала и возможностей представителей гражданского общества влиять на лиц и группы, обладающие властью для установления мира».¹

Несогласие политиков идти на компромиссы и периодическое возобновление вооруженных столкновений привели к переходу конфликта в устойчивую фазу, которую многие называют «замороженным конфликтом» или ситуацией «ни мира, ни войны». Многие отмечают существующее в Грузии восприятие ситуации как поражения и желание отомстить, а с абхазской стороны – восприятие своего положения как осады или блокады. Эти довольно упрощенные представления создают систему, при которой каждая из сторон чувствует себя «жертвой», что усугубляется продолжающимися угрозами и отношением к другой стороне как к помехе или угрозе на пути к своей цели (т.е. мнение, что Абхазия мешает Грузии достичь окончательного суверенитета и территориальной целостности и обеспечить возвращение домой людей, перемещенных в результате войны, в то время как Грузия угрожает сорвать планы Абхазии стать признанным на международном уровне, независимым национальным государством).

¹ Цитируется по Меморандуму проекта и Логической таблице, поданным в ЕЕСАД в сентябре 2000 г.

Участники данной программы, в числе других, считают, что инициативы гражданского общества могут способствовать урегулированию конфликта, если помогут в преодолении наследия войны: страха, ненависти и недоверия, которые привели к формированию с обеих сторон «образа врага» – серьезной помехи на пути любого мирного процесса и трансформации конфликта между народами, всегда жившими рядом друг с другом. Для преодоления этих негативных факторов стратегия программы основана на построении мер доверия путем проведения встреч и совместной деятельности между группами, находящимися по разные стороны границы конфликта (СМИ, женщинами, комбатантами, писателями, людьми с ограниченными возможностями) и в районах прекращения огня. Эта деятельность помогла сформировать отношения, открыть каналы общения и бросить вызов стереотипам, которые бытуют в сообществах, травмированных насилием и войной и страдающих от изоляции.

Очевидно, программа помогла развитию доверия между ее участниками, о чем говорится в Разделе 6.1.1, однако построение мер доверия имеет несколько уровней. Как пояснил один из участников ноябрьской встречи 2003 г. в Москве, разные инициативы могут ставить своей целью укрепление доверия на разных уровнях: *(a)* в более широком региональном контексте; *(b)* между обществами в целом; *(c)* между отдельными социальными группами; *(d)* между профессиональными группами / секторами; *(e)* на межличностном / эмоциональном уровне; *(f)* внутреннее ощущение доверия в обществе. Доверие, достигнутое на одном уровне, не всегда переходит на другие, хотя прогресс на каждом из уровней потенциально расширяет возможности построения доверия на всех уровнях.

В наших беседах четко прослеживалась тема взаимозависимости между восприятием безопасности и чувством доверия. В этой динамике есть как объективный аспект, продиктованный реальной ситуацией, так и субъективный, зависящий от личного восприятия. В объективном плане развитию доверия препятствуют сохраняющиеся милитаристские установки. Особенно остро в этой связи встают два момента: многие абхазы указывают на отсутствие со стороны Грузии достаточных гарантий, что не будет предпринято дальнейших попыток военной кампании для установления контроля над территорией, а грузины говорят

о проблемах безопасности в Гальском районе и в частности о безопасности людей, покинувших свои дома во время войны и либо вернувшихся, либо желающих вернуться домой. Некоторые также упоминают о том, что Россия, негласно «гарантируя» территориальную безопасность Абхазии, тем самым открыто угрожает безопасности Грузии. В субъективном плане эта ситуация по-прежнему способствует подозрительности и неверию в добрые и честные намерения другой стороны. Таким образом, безопасность и доверие переплетаются в сложной взаимозависимости, где одно может либо укреплять, либо подрывать другое, и наоборот. Программа не ставит задачей непосредственное влияние на объективную ситуацию, но при этом стремится вызвать позитивные изменения субъективных аспектов – что представляется необходимым в качестве основы для изменений объективных обстоятельств.

По мнению многих из наших собеседников, инициативы в рамках программы IA не оказывают непосредственного влияния на вероятность мирного урегулирования многочисленных нерешенных политических вопросов – они считают это прерогативой официальных переговоров. Тем не менее они полагают, что вносят вклад в долгосрочное улучшение взаимоотношений между своими пострадавшими от конфликта обществами и кроме того, помогают создать условия, в которых достижимо реальное и долгосрочное урегулирование. Например, многие сравнивают все более активное развитие общественно-политического диалога и сотрудничества между Грузией и Абхазией с ситуацией между Азербайджаном и Арменией в контексте Карабахского конфликта, где отсутствие общения и взаимодействия разделяет народы непроницаемой стеной, что в свою очередь является серьезной помехой как политическим переговорам, так и процессу примирения в более широком смысле.² Они считают, что их усилия закладывают основу долгосрочной нормализации взаимоотношений между обществами и тем самым повышают вероятность стабильного политического урегулирования.

² Существует мнение, что срыв переговоров в Ки-Уест между президентами Армении и Азербайджана произошел из-за того, что президенты оказались далеко впереди своих народов в понимании необходимости компромисса и не смогли добиться народной поддержки мирного урегулирования. (См. de Waal, Tom “Crossing the line: reflections on the Nagorny Karabakh peace process” Conciliation Resources, Practitioners Notes 3, <http://www.c-r.org>)

3.1 Парадигмы миротворчества в грузино-абхазском контексте

Одна из сразу бросающихся в глаза особенностей грузино-абхазского конфликта – это глубокое различие между парадигмами, лежащими в основе представлений различных сторон о сути конфликта и стратегиях его урегулирования:

- Официальная позиция межправительственных организаций, разделяемая многими их сотрудниками и государствами-участниками, а также некоторыми грузинами и абхазами, находится в плоскости **«большой политики»** и **«государственности»**: неприкосновенность существующих территориальных границ и конфигурации международно признанных государств; осознание существующего баланса сил (и связанное с этим предположение, что в конечном счете лишь США и Россия могут решить вопрос сепаратистских движений на Кавказе) и твердое стремление следовать указаниям Совета безопасности ООН и искать решение, благодаря которому будет восстановлена территориальная целостность Грузии, а перемещенное в результате войны население вернется домой. С этой точки зрения позиции сторон диаметрально противоположны. Многие международные структуры выражают глубокую озабоченность и недовольство отсутствием в течение длительного времени реального прогресса в ходе политических переговоров. Нередко активистов гражданского общества Абхазии воспринимают скорее как помеху, нежели как помощь в достижении целей и считают мирные инициативы гражданского общества ненужными и неуместными.
- Другая парадигма, разделяемая многими представителями государственной власти и гражданского общества на всей территории Кавказа, опирается на историческую задачу достижения **этно-националистического** идеала нации-государства, которое представляло бы собой выражение воли «народа», являющегося единым этно-национальным сообществом. С этой точки зрения первоочередное значение имеет признание существования *народа*, а территориальные границы государств призваны лишь

служить этой цели. При этом права меньшинств могут в той или иной мере соблюдаться либо не соблюдаться, но в любом случае меньшинства остаются маргинальным сообществом, иногда даже воспринимаемым как угроза развитию центрального этноса. С точки зрения этой парадигмы целостность новых независимых наций-государств Южного Кавказа – лидеры которых, как правило, являются активными сторонниками данной парадигмы – находится под угрозой в случае обособления какой-либо территориальной единицы. Лидеры (и большинство населения) этих территориальных единиц называют такой подход лицемерным и указывают на историческую несправедливость, в результате которой они были лишены собственной международно признанной государственности. Они твердо намерены впредь не допускать этого. С такой точки зрения грузино-абхазский конфликт мог бы быть урегулирован в случае признания Абхазии независимым государством – возможно, в обмен на право перемещенных лиц вернуться домой под гарантии защиты их прав. Гражданское общество могло бы содействовать этим процессам, которые привели бы к восстановлению добрососедских отношений и примирению между народами с возможностью их дальнейшего мирного сосуществования.

- Третья парадигма обращается к примеру европейских интеграционных процессов. Она основана на идее демократических государств, опирающихся на открытое общество и гражданские ценности, способных войти в европейские структуры и / или существовать в едином кавказском пространстве, подобно странам Евросоюза. С такой точки зрения неурегулированные конфликты составляют угрозу этому проекту модернизации. Хотя рано или поздно должно быть найдено взаимоприемлемое политическое решение, на это может уйти немало времени, а пока необходимо работать над развитием демократической культуры и институтов внутри существующих структур. Усилия, направленные на повышение роли гражданского общества в политической и общественной жизни идут параллельно или дополняют усилия по достижению политического урегулирования.

Хотя эти фундаментально различные подходы редко бывают озвучены, они лежат в основе дискурса о конфликте и его урегулировании. Они отражают различные сверхцели, ценности и допущения, которые изнутри формируют их стратегию, политику и практическую деятельность. Хотя эти подходы не всегда являются взаимоисключающими, они совершенно по-разному определяют главное направление миротворчества, и что особенно важно для данного проекта – каждый по-своему видит роль организаций гражданского общества и населения в целом в решении конфликта. Подробный анализ этих конкурирующих между собой парадигм, их влияния и потенциальных последствий, находится за пределами темы данного исследования. Тем не менее, если не уделить им должного внимания, может оказаться, что разные люди, организации и инициативы преследуют не совместимые между собой цели, подрывая тем самым координацию и логику мирных инициатив.

Как будет неоднократно упоминаться в этом докладе, развернутый анализ влияния и потенциальных последствий этих разных парадигм был бы полезен для разработки четко сформулированной мирной стратегии и для определения роли в ней гражданского общества. При разработке мирной стратегии было бы также полезно вспомнить часто цитируемое высказывание: «проблему невозможно решить на том же уровне мышления, которое привело к этой проблеме». Не исключено, что ключ к трансформации состоит в том, чтобы сформулировать и культивировать новую парадигму, которая ляжет в основу призывов к миру, способных мобилизовать широкую поддержку, помогая людям изменить свое восприятие ситуации и лучше понять, какое общество они хотели бы построить, чтобы в нем жить.

3.2 Гражданское общество, социальное развитие и «смещение границ конфликта»

Несколько человек, с которыми мы беседовали, подчеркнули важность сокращения бедности, социального развития и построения потенциала гражданского общества как таковых, а не как сред-

ства урегулирования конфликта.³ Пожалуй, это различие чаще отмечали абхазы, которых задевало то, что нередко помощь развитию неявно или открыто обусловлена политическими вопросами или, с их точки зрения, непропорционально сосредоточена на потребностях возвращающихся грузин. Они подчеркивают неотложную необходимость развивать всю территорию Абхазии.

Однако, что немаловажно, мы также слышали от нескольких грузин о важности социо-экономического развития сообществ перемещенных лиц. Они озабочены тем, что нестабильность и плохие социоэкономические условия в настоящем и устойчивая привязанность к своей прошлой жизни в Абхазии привели эти сообщества в состояние стагнации. Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как большинство из них бежали из Абхазии, но лишь немногие по-настоящему интегрировались в грузинском обществе. Один из наших собеседников высказал предположение, что из-за постоянных мыслей о возвращении IDP оказались изолированы от развития современной гражданской культуры Грузии, проявившейся в реакции гражданского общества на выборы, кульминацией которой была «революция роз». Некоторые респонденты считают, что нужно уделить внимание созданию условий для инициатив социального развития с участием многих сообществ и в особенности содействовать образованию и профессиональной подготовке молодежи, чтобы набирали силу гражданские и демократические ценности.

Примечательно, что среди нескольких человек, подчеркнувших важность развития, были и абхазы – сторонники независимости, и грузины – сторонники интеграции. Несмотря на различие позиций по вопросу политического статуса, очевидно, что уже выработалась «общая платформа» между людьми, разделенными границей конфликта, которые хотят будущего благополучия для своих обществ и региона в целом на основе современной гражданской демократии и открытого общества. Они понимают, что от этого перехода будет в конечном счете зависеть возможность трансформации этно-полити-

³ Следует отметить, что противопоставление мирного процесса и процесса развития – ложное, и подходы к трансформации конфликта частично основаны на понимании их глубокой взаимосвязи с общей обстановкой в регионе конфликта. Устойчивое человеческое развитие – необходимая предпосылка для создания «позитивного мира», свободного от институционального насилия.

ческого конфликта, сформировавшего абхазо-грузинские отношения. Это понимание контрастирует с мнением тех, кто культивирует этнополитический порядок, основанный главным образом на милитаризме и покровительстве «своим», что в свою очередь ведет к авторитарному единоличному правлению и к коррупции. Первые, как правило, убеждены в необходимости решать вопрос политического статуса исключительно мирным путем, в то время как вторые склонны к тактике принуждения, включая военную силу.

Все это имеет глубокие последствия для формирования динамики конфликта и адекватных стратегий его урегулирования. По словам одного аналитика: «Конфликт переместился внутрь каждого общества – линия фронта теперь пролегает не между грузинами и абхазами, а между миротворцами и их противниками». Те, кто с обеих сторон призывает к сохранению «статус кво» – ни войны, ни мира, плюс богатые возможности для некоторых получить выгоду от нестабильности – нуждаются друг в друге, чтобы оправдать и удержать свои позиции. Аналогично, миротворцы и активисты гражданского общества с грузинской и абхазской сторон признают, что общие для них ценности имеют тем больше шансов на успех, чем сильнее будут их единомышленники по другую сторону границы конфликта.

Недавняя «революция роз» и последующее образование нового правительства Грузии, которое активно опирается на лидеров НПО, ярко продемонстрировали растущую силу гражданского общества. Однако очень многие из этих лидеров – да, пожалуй, и гражданское общество Грузии в целом – не уделяют большого внимания разработке мирных инициатив в отношении Абхазии и Южной Осетии. По словам одного известного активиста гражданского общества Грузии: «Наше общество не интересуется проблемами конфликта – их оставили перемещенным лицам, а тем, в свою очередь, не интересно взаимодействовать с грузинским гражданским обществом по продвижению демократических ценности: их главное желание – вернуться домой, в Абхазию, и чувствовать себя там в безопасности. Они, как правило, общаются с правительством и гражданским обществом как беженцы, а не как грузины». В этом парадокс ситуации – большинство грузин, лично заинтересованных в урегулировании конфликта (люди из Абхазии, вынужденные покинуть свои дома) в массе

своей изолированы от основного гражданского общества Грузии, хотя именно оно способно повлиять на то, чтобы процесс урегулирования шел исключительно мирным путем, а значит имел бы шансы на реальное преодоление конфликта. Но происходит нечто иное: хотя президент Саакашвили провозгласил свою приверженность мирному пути, его новое правительство делает противоречивые заявления в адрес Абхазии – вполне возможно, что такие высказывания вызваны тем, что политики апеллируют к популистским настроениям⁴.

Парадоксально – и вместе с тем очень показательным как результат войны, продолжающейся нестабильности и вытекающей из них готовности к применению военной силы – что падение правительства Шеварднадзе и инаугурация Саакашвили вызвали в Абхазии повсеместное и нарастающее чувство тревоги (которое, впрочем, разделяют и некоторые грузины). Из-за отсутствия со стороны нового грузинского руководства каких-либо убедительных шагов к построению доверия и из-за периодического бряцания оружием в сторону Абхазии у многих людей возникает чувство крайней уязвимости, поскольку они видят Абхазию в роли пешки в российско-американской борьбе за влияние на Южном Кавказе. Печально то, что такая ситуация может подорвать позиции гражданского общества Абхазии и поставить под угрозу неформальный общественно-политический диалог через границу конфликта – диалог, в построение которого вложено столько сил и времени. Не исключено, что эта угроза будет нарастать, учитывая предстоящий сложный период перед выборами преемника Ардзинбы осенью 2004 года.

Среди этого переплетения проблем участники программы построения мер доверия стремятся проложить дорогу к созданию благоприятных условий для стабильного мира в Грузии / Абхазии. При разработке следующего этапа программы будет важно задуматься о том, как должны действовать представители гражданского общества, чтобы перейти “линию фронта” внутри своего общества и сформировать среди населения и политиков веру в мирный путь урегулирования конфликта и в процесс демократического развития. Возмож-

⁴ Просим учесть, что данное исследование было закончено в апреле 2004 года, и дальнейшие события не нашли в нем отражения (Примечание International Alert)

но, что лучше всего для этого подойдет стратегия активной работы с населением и с другими секторами гражданского общества, которые пока не считают себя участниками деятельности по преодолению конфликта.

4 Цели, структура и методология программы

Глобальная цель программы – создание благоприятных условий для построения стабильного мира в Грузии / Абхазии. Партнеры стремились достичь этой глобальной цели, поставив перед собой три конкретных цели:

- (1) «Способствовать развитию потенциала профессиональных и социальных групп и отдельных лиц, которые могут продвигать идеи мира в своем обществе;
- (2) Поддерживать организации и инициативы гражданского общества, чтобы они могли повлиять на руководителей, принимающих решения, и внести свой вклад во всестороннее мирное урегулирование конфликта;
- (3) Укреплять доверие между организациями гражданского общества с обеих сторон».

Достижение этих конкретных целей опиралось на несколько основных задач:

- **«Построение мер доверия»** осуществлялось посредством различных видов деятельности, встреч и процессов, позволяющих участникам по обе стороны границы конфликта общаться между собой, обсуждать ситуацию и сотрудничать в достижении общих целей;
- **Развитие потенциала** достигалось путем (а) создания и последующей поддержки *сетей* – как институционально оформленных (Кавказский форум и Лига женщин Кавказа) так и неформальных – как, например, группа молодых журналистов; (б) предоставления технической *инфраструктуры* – мобильных телефонов, интернета, информационной связи между офисами – а также обучения и технической поддержки; (с) предоставления

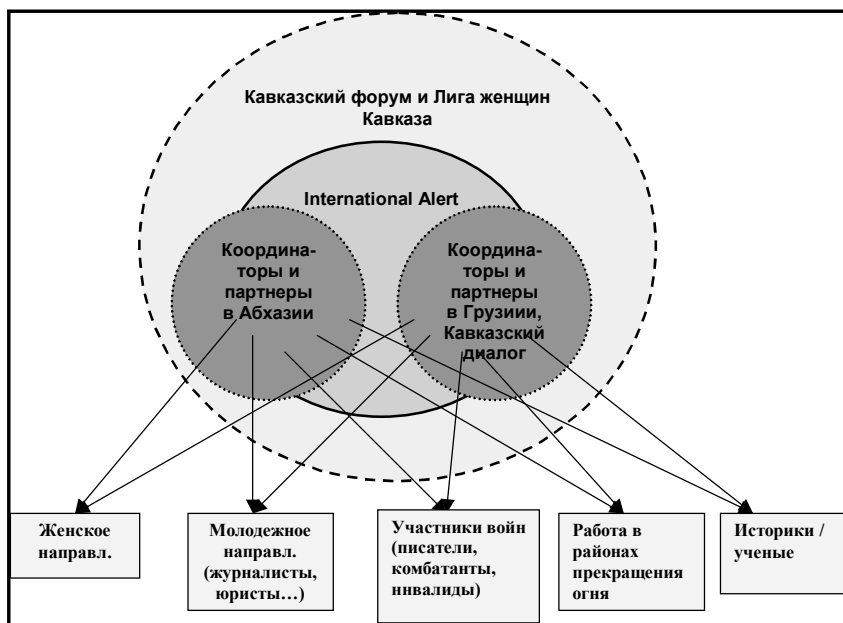
финансовых ресурсов, необходимых для выполнения проектов и дающих возможность партнерам выделять значительное время на работу по проектам, проведение встреч, интервью и т.п.;

- **Формирование уверенности в своих силах** достигается на основе практического опыта и ресурсов, о которых говорилось выше, а также благодаря поддержке со стороны сотрудников ИА, видящих свою роль в том, чтобы помочь участвующим в процессе активистам гражданского общества чувствовать все большую уверенность в своей способности активно прокладывать путь социальным переменам.

Краеугольным камнем методологии программы является то, что инициаторами деятельности в пострадавших от конфликта обществах являются сами местные партнеры. ИА приложила много усилий к тому, чтобы продемонстрировать, по словам одного из сотрудников, что «мы не приносим с собой новую повестку дня – мы следуем вашей и ищем общий знаменатель». Существует убеждение, что именно такой подход важен для устойчивости, поскольку инициативы, привнесенные извне, нередко заканчиваются с уходом инициатора, а зародившиеся «изнутри» с большей вероятностью будут продолжаться, потому что опираются главным образом на энтузиазм и потенциал местных исполнителей. Помимо прочего, считается, что такой подход в какой-то мере защитит программу от критики со стороны тех, кто не доверяет иностранцам и подозревает их в продвижении собственных геополитических интересов под видом мирных программ.

Замысел и структура программы основаны на секторальном подходе к работе с гражданским обществом. Программа организована в виде нескольких относительно независимых одно от другого направлений работы, нацеленных на основные социальные и профессиональные группы. Программу в целом осуществляет группа основных партнеров в Грузии и Абхазии при поддержке организации «International Alert» совместно с Кавказским форумом и Лигой женщин Кавказа. За каждое программное направление отвечают грузинский и абхазский партнеры. В Разделе 8 более подробно объясняется, чем продиктована такая структура программы.

Илл. 1: Структура программы

Глобальная цель, конкретные цели и задачи программы ориентированы в большей степени на процесс, чем на получение физически ощутимых или измеримых результатов – хотя некоторые виды деятельности по различным направлениям ставят перед собой достижение определенных результатов. По этой причине может быть полезно вначале проанализировать общий замысел и структуру программы с концептуальных позиций и представить некоторые точки зрения на программу участников и наблюдателей. Также полезно будет рассмотреть те проблемы, которые возникли на данном этапе развития сотрудничества и могут стать центральными темами для разработки на следующем этапе.

4.1 «Теории перемен», лежащие в основе проекта

Из интервью было ясно, что многие координаторы имеют совершенно ясное представление о концепции программы и о том, ка-

кие перемены они стремились осуществить. Они хотели создать условия и возможности для людей, находящихся по разные стороны границы конфликта, общаться на межличностном уровне и найти пути обсуждения конфликта, связанных с ним проблем и чувств. Они надеялись с помощью таких обсуждений найти точки соприкосновения и понять существующие различия. Многие считают, что с помощью такого взаимодействия можно построить (или возродить утраченное) доверие людей друг к другу и разрушить «образ врага», сформировавшийся во время войны. Со стороны многих грузинских координаторов была выражена надежда, что будет заложена основа примирения, которая в будущем позволит уехавшим грузинам вернуться домой и мирно жить рядом с абхазами. Со стороны многих абхазских координаторов была выражена надежда, что их гражданское общество и страна будут развиваться на позитивной основе, а не на основе ненависти и «образа врага».

Стратегия и основной акцент программы до сих пор были обращены на представителей гражданского общества в самом широком смысле, а не на политиков, принимающих решения. Такой подход, очевидно, основан на убеждении, что развитие человеческого потенциала гражданского общества более важно для достижения устойчивых социальных перемен и трансформации конфликта, чем попытки изменить политиков. Один из лидеров программы говорил о своей личной приверженности идее поддержки и развития гражданского общества. Он считает, что в условиях огромного разрыва между правительством и обществом – где первое практически не подотчетно второму – чрезвычайно важно донести до людей идею того, что «вы и есть государство – в той же мере, что и правительство». Он отметил, что люди обретают силу и уверенность, если бросить вызов их сомнениям и нерешительности: «позволят ли нам это? кто дал нам право действовать?». Важнейшая цель, по его мнению, это изменить сознание людей, чтобы они обрели уверенность в своих силах – т.е. способность по собственной инициативе и по собственному замыслу создавать такое общество, в котором им хотелось бы жить. Недавние события в Грузии показали, как важна именно эта форма мобилизации гражданского общества, постепенно возникающая в течение прошлого десятилетия. Как сказал молодой грузинский

журналист: «по мере роста гражданского общества власти вынуждены становиться более демократичными. Сами политики не изменились, но изменился контекст, в котором они действуют». Многие из наших собеседников подчеркнули необходимость продолжения и усиления работы, направленной на формирование такой гражданской активности, в том числе в области построения мира.

Активисты и организации гражданского общества обретают легитимность благодаря своей способности разрабатывать творческие и эффективные подходы к решению стоящих перед обществом проблем. Хотя они редко обладают властью решать политические вопросы – они могут лишь участвовать в принятии решений как граждане своей страны – у них есть авторитет, позволяющий предлагать и продвигать альтернативные решения и тем самым влиять на политиков и правительство. Этот принцип может дать особенно богатые плоды в миротворческой работе – в условиях, когда конфликт и война побудили людей занять позицию «ни вашим, ни нашим», а большинство путей решения проблемы слишком дорого обходятся обществу или некоторым группам. Организации гражданского общества могут помочь найти выход из этого тупика, если воспитают в обществе своих сторонников, готовых поддержать существующие мирные политические инициативы и / или предложить новые.

IA и другие партнеры хорошо осознают этот потенциал. На заключительных стадиях программы IA формулирует это следующим образом: «Некоторые политические силы в обоих обществах используют риторику войны в своих внутренних политических целях. Мирные переговоры нередко дают оппозиции повод обвинить правящие структуры в том, что они заняли слишком мягкую позицию. Партнеры при содействии IA и проекта продвигают идею мира на уровне внутренних политических сил, и им нужно оказать хорошо продуманную поддержку в этой сложной задаче».

Встал вопрос о том, какую форму принимает эта поддержка. Многими было отмечено – причем у одних это звучало как критика, а у других, напротив, как комплимент – что программа основана на принципе «построения мира через встречи». При этом молчаливо подразумевалось, что встречи необходимы, но недостаточны для построения мира. Хотя большинство главных партнеров активно

работают в своих сообществах, неясно, до какой степени они видят проект в целом как основу для формирования совместных стратегий в ответ на возникновение новых и важных социально-политических аспектов конфликта. Хотя встречи незаменимы как возможность людям собраться, познакомиться и понять друг друга в достаточной степени, чтобы конструктивно вместе работать, в долгосрочной перспективе, если отсутствует стратегия распространения достигнутых результатов за пределы непосредственных участников встреч, то этот процесс не поможет добиться значительных перемен. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в Разделе 6.2.

Несколько человек считают, что есть необходимость в более практической работе среди своего общества, которая дополняла бы результаты совместных встреч. Однако мнения по этому поводу сильно различаются в разных направлениях работы. Потребность в такой практической работе особенно подчеркивают участники женского направления, также эту работу активно ведут молодые журналисты и проекты в районах прекращения огня (несмотря на то, что они начаты лишь недавно). Подробнее об этом – в Разделе 7.

Кроме того, складывается впечатление (хотя это не было официально озвучено), что разработанные программой методы нацелены главным образом на изменение установок и поведения людей на личностном уровне, а не на изменение в организациях или в политике – видимо, предполагается, что если изменятся сами люди, то более адекватными будут созданные ими организации и политика. Один респондент отметил это как различие между работой с журналистами (т.е. над переменами в конкретных людях) и работой по реформированию медиа-компаний (т.е. над переменами в организациях) или законодательства о СМИ (т.е. над переменами в политике). Благодаря такому подходу стало возможным создание и развитие сети активистов гражданского общества, приверженных идее мирной трансформации конфликта.

4.2 Уровни работы

Еще одной плоскостью в общей структуре программы была арена предполагаемых перемен. Партнерам очень хорошо известна взаи-

мосвязанность конфликтов на Кавказе и то, как она влияет на перспективы урегулирования грузино-абхазского конфликта. Кроме того, они понимают, что некоторые вещи можно делать на каком-то одном уровне, но очень трудно – на всех остальных. Участники назвали четыре основных уровня, на которых работа ведется или потенциально возможна: внутри каждого общества, между грузинами и абхазами, в масштабах всего Кавказа и на глобальном уровне.

4.2.1 Кавказский форум и работа на региональном уровне

Важным измерением грузино-абхазской программы построения мер доверия было то, что частично она проходила в рамках общекавказского формата, выраженного в Кавказском форуме. Первоначально этот формат был задуман для того, чтобы участники из Абхазии могли более свободно вести диалог с грузинами. Однако сейчас многие отмечают, что Кавказский форум помог лучше осознать, что Кавказ – и северный, и южный – это единая система, и у людей здесь общая кавказская идентичность. Руководящий принцип форума – равное признание всех кавказских народов, поэтому участие в форуме не привязано к проблеме признанных и непризнанных государств и основано на социальных группах и сообществах, связанных общей идентичностью. Многие считают, что изменения в одной части системы влияют на другие части этой системы. Было замечено, что поскольку региональное измерение является одним из факторов в динамике конфликта, особую важность приобретает миротворчество на общекавказском уровне и развитие в масштабах всего региона такого гражданского общества, которое могло бы способствовать трансформации конфликтов.

Целый ряд респондентов считают, что Кавказский форум стал одним из самых ценных результатов программы и ее уникальным вкладом. Кавказский форум со временем превратился в независимую сеть и больше не является непосредственным продолжением грузино-абхазской программы. (Хотя изучение Кавказского форума не входит в рамки данного исследования, тот факт что программа дала начало этой важной инициативе – серьезный показатель ее устойчивости и эффективности). Программа продолжает сотрудничество с Кавказским форумом, и во многих инициативах, осуществля-

емых различными направлениями грузино-абхазской программы, участвуют представители других частей Кавказа и / или в их организации принимает участие Кавказский форум.

Кроме Форума, программа способствовала формированию целого ряда других общекавказских сетей – наиболее известна из них Лига женщин Кавказа, но также существуют менее формализованные: сеть журналистов; сеть организаций людей с ограниченными возможностями, работающих по принципу независимой жизни; сеть участников войн. О них более подробно будет рассказано в Разделе 7, где рассматриваются отдельные направления работы.

Однако координаторы и наблюдатели, у которых мы брали интервью для данного исследования, продемонстрировали разное отношение к деятельности на общекавказском уровне. Некоторые полагают, что у этой деятельности вспомогательный, *инструментальный* характер (т. е. она призвана способствовать общению между грузинами и абхазами), а другие считают ее объединяющей, *интегративной* (т.е. она призвана трансформировать кавказское пространство в направлении единой общекавказской идентичности, в чем то сходной с общеевропейской).

Некоторые наши собеседники указали на проблемы более практического плана. По словам одного из респондентов: «На всех встречах преобладали грузины и абхазы и главной темой обсуждения был грузино-абхазский конфликт. Иногда это вызывало проблемы, поскольку другие чувствовали, что им не уделяют достаточного внимания». Видимо, такой дисбаланс можно отчасти объяснить тем, что инициатива первоначально зародилась в рамках грузино-абхазской программы. Другой причиной, возможно, было ограниченное финансирование, выделенное на работу регионального уровня, которое не позволило обеспечить равное число участников отовсюду. Но также существует мнение, что так произошло, поскольку в Грузии и Абхазии более, чем в других частях Кавказа, развиты миротворческие сообщества – как в численном выражении, так и в степени их зрелости и уверенности в своих силах; вероятно, на формирование этих качеств повлияли более длительные и активные, чем в других местах, мирные программы с участием гражданского общества. Но все же дисбаланс нередко приводил к тому, что в отличие от участ-

ников из Грузии и Абхазии, которые могли более тесно взаимодействовать друг с другом в контексте общекавказской встречи, другим участникам из регионов конфликта было гораздо труднее установить подобные контакты.

Многие опрошенные указали на необходимость в дальнейшем прояснить, в чем состоят цели работы на общекавказском уровне и каких целей на каких уровнях эффективнее добиваться. Некоторые выразили озабоченность по поводу того, что в настоящий момент инициативы общекавказского уровня, не связанные непосредственно с деятельностью в рамках грузино-абхазского конфликта и не ставящие задачей достижение перемен в своих обществах, могут стать «встречами ради встреч». Это отвлечет силы и ресурсы от других (возможно, более эффективных) инициатив и может даже вызвать негативную реакцию населения и организаций гражданского общества, критично относящихся к встречам, которые не отвечают их непосредственным нуждам. Были и другие – они энергично отстаивают необходимость работы на общекавказском уровне, но считают, что важна более тщательная проработка целей Кавказского форума и его «политического проекта» и четкие стратегии достижения этих целей.

4.2.2 Работа по обе стороны грузино-абхазского конфликта

Большинство программных мероприятий были направлены на создание возможностей для взаимодействия и сотрудничества между сторонами, разделенными границей конфликта. Общие итоги этой работы анализируются в Разделе 6. Все респонденты согласились с тем, что поддерживать это взаимодействие было важно, хотя многие одновременно считают, что оно должно быть более непосредственно связано с их деятельностью в своем обществе.

4.2.3 Работа внутри обществ и сообществ

Хотя поначалу это в программе не предусматривалось, со временем участники поняли, что необходимо работать внутри своего общества, поскольку без этого невозможно доверие, необходимое для нормального взаимодействия с теми, кто находится на другой стороне конфликта. В этой связи следует вернуться к Разделу 3, где гово-

рилось о связи между трансформацией конфликта и развитием гражданского общества. Первым шагом к такому развитию в рамках программы была работа в абхазских районах прекращения огня, о чем говорится в Разделе 7.5. Наряду с этим такой компонент присутствовал и во многих других направлениях работы, о которых рассказывается в Разделе 7. Отчасти здесь были и прагматические соображения: участники иногда сталкивались с критикой в свой адрес по поводу того, что тратят слишком много времени и средств на поездки в другие страны, а простым людям непонятна цель и польза таких поездок и встреч. Таким образом, посвящая часть времени работе в своем обществе, участники демонстрировали легитимность и практическую значимость миротворческой деятельности.

На московской встрече была подчеркнута необходимость найти «баланс приоритетов», причем некоторые считали, что «мы должны помнить: основная наша работа – это построение мер доверия в Грузии / Абхазии», в то время как другие полагали, что это будет не очень эффективно, а в период повышения напряженности – крайне трудно, без общекавказского формата. Хотя нужно признать, что среди сторонников первой точки зрения было больше грузин, а среди сторонников второй – абхазов, большого расхождения во взглядах по этому вопросу не наблюдалось. Скорее складывалось впечатление, что участники стремились осознать и сформулировать разные цели, которые преследуются на разных уровнях деятельности, и четче определиться с приоритетами.

4.3 Проблемы и возможности будущего развития

Программа способствовала созданию разнородной сети людей, как находящихся по обе стороны грузино-абхазского конфликта, так и в целом на Кавказе, у которых выработалось доверие друг к другу. Эта сеть может служить платформой для многих инициатив. Вопрос сейчас в том, что делать дальше с этой сетью и как повысить ее значение для более широких общественных кругов? Чтобы ответить на этот вопрос, видимо, пора инициировать обсуждение **общей парадигмы построения мира**, которую стремится реализовать программа. Результатом такого обсуждения было бы ясное понимание перс-

пективы, которое в свою очередь привлекло бы к участию всех тех, кто разделяет эти идеи.

В ходе такой дискуссии, вероятно, предстоит вернуться к непростому обсуждению актуальных политических вопросов в связи со статусом Абхазии и перемещенных лиц. Но вероятно, не менее сложными, хотя и необходимыми для формулирования программы трансформации конфликта и построения мира, будут вопросы о том, какое общество хотят построить участники программы и на какую парадигму мира они при этом опираются. В центре этой дискуссии, скорее всего, будет степень солидарности участников в деле развития гражданского общества у себя и в целом на Кавказе (включая развитие таких государственных структур, которые поддерживают и защищают идентичность каждого из народов, живущих на этой территории) либо степень их приверженности идее этно-национального государства. Наряду с этим перед программой стоит непростой выбор: следует ли первоочередное внимание уделять преодолению последствий войны (т. е. разрушению «образа врага» путем построения доверия) или развитию нового общества (т.е. поддержке гражданского общества, проведению населения и повышению его гражданской активности, проектам развития и т.д.). В первом случае основные усилия будут направлены на достижение перемен в сознании людей, а во втором – на деятельность в публичной сфере. Этот выбор имеет важное значение для программных приоритетов, стратегий и видов деятельности.

Помимо этой дискуссии мета-уровня, может возникнуть необходимость прояснить, в чем главные партнеры видят **цель** своего участия на следующем этапе работы: будет ли это примирение? интеграция? поиск сфер общих интересов и совместная работа по их реализации? установление каналов общения?...

Также необходимо рассмотреть **основные стратегии и то, каким образом они способствуют переменам**. Если предполагается содействовать организациям гражданского общества в разработке собственных стратегий, необходимо больше внимания уделить формированию общих стратегий программы в целом. Возможно, это лучше всего сделать путем организации совместного анализа общей ситуации, в результате которого будут намечены

конкретные задачи по достижению перемен и соответствующие стратегии.

На ноябрьской встрече 2003 г. и в ходе поездки наблюдались значительные различия в представлениях о том, как программа могла бы развиваться дальше. Некоторые предлагают варианты продолжения той же самой деятельности, но в более широком масштабе – например, добавить новые направления работы и / или увеличить число людей путем вовлечения их в проекты. Другие считают, что нужно изменить акцент программных стратегий: более активно работать над развитием своего общества; более широко распространять информацию и расширять базу общественной поддержки; и / или активно пытаться повлиять на решения политиков путем участия в политическом диалоге.

Ключевой вопрос – как партнеры будут использовать уже разработанную базу для определения дальнейшего направления программы⁵ :

- (1) Будут ли они стараться охватить значительно **большее число людей** (например, путем массовых акций, информационных кампаний и т.д.) и / или повлиять на **ключевых политиков**, принимающих решения (политический диалог, народная дипломатия и т.д.)?
- (2) В рамках имеющейся сети, участники которой уже достигли определенного уровня взаимопонимания (личностных перемен), предполагается ли ставить цели достижения конкретных **перемен в политике или институциональных структурах**? Будет ли продолжена работа по **изменению личностных установок и поведения**, которой было бы охвачено большое число людей и / или ключевые влиятельные фигуры?

Эти два вопроса можно расположить по отношению друг к другу в виде графика: на одной оси целевая аудитория, на другой – ха-

⁵ В основу этого анализа положена таблица, разработанная проектом Reflecting on Peace Practice (Анализ практики мира), где делается вывод, что эффективность распространения идеи мира повышается в случае вовлечения *большого* числа людей и / или *ключевых* людей и перехода от перемен на личностном уровне к политическим переменам.

рактен перемен, которых предполагается достичь в результате программной деятельности. Представляется вероятным, что программная стратегия, направленная на достижение перемен по какой-либо оси этого графика, повысит эффективность работы по трансформации конфликта.

При разработке стратегического направления следующего этапа программы необходимо будет рассмотреть следующие моменты:

- сильные стороны и предпочтения некоторых ключевых партнеров, поскольку они представляют собой важнейший ресурс программы – хотя можно привлечь и новых людей;
- ситуационный анализ – более широкий и всесторонний, чем представленный в Разделе 3;
- деятельность, стратегии, сильные стороны других программ построения мира, чтобы избежать дублирования и усилить взаимодополняемость.

В результате московской встречи и поездки было выявлено несколько проблемных моментов, которые также полезно было бы рассмотреть при разработке стратегии следующего этапа:

(а) Целевые аудитории и влияние. Многие партнеры говорили о необходимости больше внимания уделять работе с людьми за пределами программы. При этом они отмечали, что нужно ответить на следующие вопросы: какую информацию мы хотим распространять?; на кого мы пытаемся повлиять? Некоторые упомянули о том, что нужно стратегически подходить к формированию отношений с политическими лидерами, а также с политиками из сообщества перемещенных лиц. Высказывались также соображения по поводу того, как влиять на различные части общества, и подчеркивалась необходимость более четко выделять приоритетные целевые аудитории и разрабатывать адекватные стратегии для влияния на них. Многие считают, что различные направления и суб-проекты программы дают возможность выхода на соответствующие социальные группы для вовлечения большего числа людей.

(б) Дилемма – расширение или углубление? Встает сложный вопрос: следует ли развивать новые суб-проекты / направления, что-

бы выйти на новые целевые аудитории или же следует уделить первоочередное внимание расширению и углублению существующих направлений. В связи с этим встает ряд вопросов: кто решает, что проект закончен? откуда партнеры узнают, когда нужно будет что-то менять? Большинство респондентов признали, что до сих пор использовался «эволюционный подход», при котором новые направления работы появляются, когда выявлена потребность и есть кто-то способный взять на себя это направление. При этом несколько человек выразили озабоченность по поводу того, что новый проект должен начинаться в обстановке полной ясности и прозрачности, чтобы не создавалось впечатления случайного / авторитарного решения или плохой информированности. (Примечательно, что партнеров не очень волнует вопрос о том, следует ли провести комплексный анализ ситуации и составить карту различных заинтересованных сторон / агентов перемен для разработки общего стратегического плана достижения поставленных целей. Возможно, в этом причина двойственности: с одной стороны, дедуктивный подход с выбором целевых аудиторий для влияния, как указано выше, а с другой стороны – индуктивный «эволюционный» подход...)

(с) Деятельность ради процесса и деятельность ради результата. Партнеры ясно дали понять, что для них большое значение в программе имеет качественный процесс работы. Сюда относится признание того, что процесс выполнения проекта очень важен с точки зрения построения взаимоотношений, укрепления потенциала, формирования нового мышления... Кроме того, в ситуации конфликта хорошие или улучшенные взаимоотношения имеют самостоятельную ценность. Несколько человек заметили, что этот аспект программы можно усилить, включив в каждое направление тренинги по конфликтологии, чтобы подготовить людей более эффективно работать с ситуацией конфликта. Помимо этого, хотя респонденты понимали, что для оценки программной деятельности важны как ее результаты, так и процесс, они признавали, что не разработали показателей для оценки динамики процесса. Несколько человек отметили, что над этим стоит задуматься в будущем.

(d) Возможность быстрого реагирования. Несколько человек заметили, что поскольку ситуация может стремительно меняться, в

программе и в системе управления ею нужно предусмотреть механизм быстрого реагирования. Цель его в том, чтобы партнеры могли реагировать не только активно, но и эффективно (т.е. повысить ответственность своей реакции на события). Для этого в программе должны присутствовать следующие компоненты:

- Помимо мониторинга проекта, также мониторинг и анализ развития событий в регионе, чтобы своевременно получать достоверную информацию.
- Обучение для развития потенциала быстрого реагирования: сюда может входить анализ и быстрая / эффективная оценка, а также тренинг по выработке стратегии.
- Если ситуация резко ухудшится, партнеры должны продумать, как они будут работать друг с другом. Для этого может быть достигнута договоренность с третьей стороной, возможно, на Кавказе, которая выступит в качестве посредника. Для этого также нужен механизм координации – грузины и абхазы могут заниматься разной, но взаимодополняющей деятельностью.

5 Координация, взаимодополняемость и конкуренция между программами

Как отметил Менеджер Программы по Евразии от International Alert Геворк Тер-Габриелян:

Следует заметить, что существует много других инициатив, с которыми данная программа сотрудничала, пыталась войти с ними в диалог и дополнить их, и есть необходимость в разработке единой стратегии координации всех инициатив. Это пыталась сделать Пола Гарб, развивая сеть информационного обмена, но складывается впечатление, что этого недостаточно. Участники не склонны подробно обсуждать, что именно они делают (в частности, из соображений конфиденциальности – и важно будет задуматься о том, как сочетать конфиденциальность со все большей публичностью и активной работой с властью и обществом), и не всегда происходит достаточный взаимный обмен опытом, который помогал бы им совершенствовать методы работы.

По мнению нескольких респондентов, все основные программы трансформации конфликта⁶ имеют сходные общие цели, но четко различающиеся методы работы. Основная особенность программы IA состоит в том, что она ориентирована на проведение **больших встреч**, на которых собираются представители гражданского общества с обеих сторон конфликта; по словам одного респондента: “эти встречи и есть деятельность по проекту”. (Хотя имеется ряд примеров другой деятельности и проектов, не связанных со встречами, таково общее впечатление). Работа помещена в **общекавказский контекст** и наряду с активизацией взаимодействия через границу грузино-абхазского конфликта, она также стимулировала взаимодействие между различными народами Кавказа, разобщенными из-за конфликтов и новых межгосударственных границ. Многие отметили создание Кавказского форума и Лиги женщин Кавказа среди наиболее заметных достижений программной структуры IA. Еще одной отличительной характеристикой является то, что программа сосредоточена на **конкретных социальных группах**, связанных с ключевыми аспектами построения мира. Например, женское направление вывело на первый план гендерные вопросы, а работа с комбатантами продемонстрировала уникальные методы работы с этим влиятельным сообществом. Кроме того, было отмечено, что программа IA часто носит характер экспериментальный, основанный на инициативе участников (относительно редко используя сторонних / западных фасилитаторов или других привлеченных специалистов), и во многих случаях творческий. Некоторые респонденты говорили о том, что деятельность в меньшей степени ориентирована на конкретную задачу и результат, чем на долгосрочную перспективу создания базы поддержки, необходимой для политического урегулирования конфликта. Можно предположить, что негативная сторона этого – меньшая вероятность краткосрочного и среднесрочного воздействия на конфликт. Одновременно с этим, сильная сторона такого подхода в том, что достигнутые перемены будут устойчивыми, поскольку их направляют и за них отвечают сами местные партнеры.

⁶ Сюда обычно относят программы International Alert, Conciliation Resources (с Центром Berghoff), Калифорнийского университета – Ирвин (Пола Гарб) и все чаще – Фонда Генриха Белля.

Большинство опрошенных нами людей считают, что различные программы трансформации конфликта, ориентированные на гражданское общество Грузии и Абхазии, в целом дополняют друг друга. При этом особенность программы IA в том, что она вовлекает в процесс самых разных людей и дает им возможность – порой в первый раз – поговорить с людьми «с другой стороны», разрушая тем самым барьеры и образ врага. По словам одного из координаторов: «эта программа помогла открыть больше всего каналов общения между людьми». С ним согласился и другой, говоря: «поскольку в программе IA участвует самое большое число людей [из секторов гражданского общества], она реально помогла расширить поле для нашей работы». Продолжая метафору, он сказал, что это все равно, что вспахивать и готовить поле, на котором смогут потом взойти семена, посеянные другими программами (включая ориентированные на более конкретные стратегические результаты). Еще один наш собеседник заметил, что программа IA ведет большую первичную подготовительную работу по вовлечению людей в деятельность по построению мира. «Одна программа ведет подготовительную работу, а следующая за ней программа организует этих участников для достижения конкретного результата – в этом смысле инициативы дополняют одна другую».

При этом не обходится без трений и сложностей, главным образом не на уровне общей стратегии и содержания, а на уровне управления проектом. Одна из наиболее частых проблем возникает, когда местные партнеры по проекту – участвующие во многих программах трансформации конфликта – обнаруживают, что их международные партнеры запланировали разные мероприятия на одно и то же время. Проблемы возникают и когда одна и та же группа (например, журналисты) становится целевой аудиторией сразу нескольких проектов. Эти проблемы острее ощущаются в Абхазии, где из-за меньшего числа людей выше вероятность дублирования или пересечения. С другой стороны, представители международных организаций частично возлагают ответственность за это на местных партнеров, которым легче увидеть такие проблемы. Они также предлагают, чтобы грузинские и абхазские партнеры взяли на себя инициативу выявления наиболее важных потребностей и адекватных путей и

средств их решения. Во многом решение этих проблем зависит от координации и коммуникации, о которых будет подробно рассказано в Разделе 8. Однако следует отметить, что особенно в сравнении с ситуацией во многих других конфликтных регионах, координаторы международных НПО поддерживают отношения сотрудничества и активно стараются общаться и взаимодействовать как со своими местными партнерами, так и между собой.

Еще одна важная проблема состоит в том, что по мере развития программ и изменения конфликтной ситуации появляется тенденция движения разных программ в сходных направлениях. Это может привести к конкуренции и дублированию, подрывая тем самым эффективность вложения сил и ресурсов. Поэтому желательно предпринять сознательные усилия по разработке стратегических направлений, которые обеспечивали бы эффект взаимодополнения и синергии, чтобы различные программы, каждая из которых имеет свои уникальные сильные и слабые стороны, помогали друг другу двигаться к общей цели – трансформации конфликта.

6 Результаты и воздействие программы

В данном разделе сделана попытка раскрыть и объяснить, как программные мероприятия воздействовали на участников, их окружение и общество в целом. Вначале анализируются некоторые из наиболее значительных достижений программы. Затем указано на некоторые видимые недостатки на данном этапе развития программы с целью предложить пути их преодоления в будущем. В следующем разделе документируются и анализируются конкретные результаты различных направлений, чтобы более целенаправленно оценить каждый из аспектов и осветить имеющиеся соображения по поводу дальнейшей работы.

6.1 Важные итоги

Нам представляется, что общим результатом программы на данном этапе стало формирование с ее помощью «центрального ядра» – группы миротворцев из гражданского общества. Путем взаимо-

действия между собой и участия в программной деятельности эти люди получили подготовку – *психологическую* (разрушение «образа врага» и преодоление других эмоциональных и когнитивных преград взаимодействию), *интеллектуальную* (понимание проблем с точки зрения друг друга, более глубокая информированность о развитии ситуации) и *практическую* (путем развития навыков и предоставления ресурсов), позволяющую им более эффективно участвовать в построении мира. Кроме того, благодаря развитию сетей, эти люди могут теперь действовать совместно и оказывать поддержку друг другу. Один из грузинских партнеров охарактеризовал это так:

Во-первых, участники с грузинской и абхазской сторон достигли значительного прогресса в понимании друг друга на более глубоком уровне. Во-вторых, они выработали опыт проведения совместных проектов и смелость, необходимую для совместной деятельности. В-третьих, люди больше узнали о том, как управлять проектами трансформации конфликта – мы очень многому научились в организационном плане! В-четвертых, работая с перемещенными лицами, особенно в их сообществе, и с женщинами с грузинской стороны, мы расширили круг людей, готовых участвовать в таких проектах, в том числе тех, кто никогда раньше и представить себе такое не мог.

Партнер из Абхазии сказал следующее: «Хотя конфликт мы и не урегулировали, но сейчас есть около 200 человек с обеих сторон, которые политически и социально активны, готовы помогать друг другу и работать вместе, а также готовы к самостоятельным действиям по преодолению конфликта».

Многие отмечали, что сила программы – в тесном взаимодействии с социально активными людьми различного плана в Грузии и Абхазии, которые способны повлиять на создание условий для улучшения отношений, а в итоге – на урегулирование конфликта. По словам одного из респондентов: «Мы стремимся поддерживать социально активных людей в гражданском обществе – люди не должны сидеть и ждать, пока проблему решит правительство, люди должны проявлять активность».

6.1.1 Создание условий для взаимодействия

Вероятно, самой сильной стороной программы на сегодняшний день стало то, что ей удалось создать условия, в которых могут конструктивно взаимодействовать настоящие и будущие лидеры гражданского общества по обеим сторонам грузино-абхазского конфликта и на Кавказе в целом. Целый ряд встреч, семинаров и других мероприятий, проведенные в течение ряда лет, позволили людям познакомиться, начать говорить с друг другом и строить стабильные рабочие взаимоотношения. Это помогло восстановить связи и взаимодействие между представителями гражданского общества, разделенными войной. Тем самым программа вносит важный вклад в развитие социальных систем, способных лучше противостоять вспышкам социальных конфликтов в будущем.⁷

Когда эта инициатива начиналась, существовало очень мало возможностей для встреч представителей организаций гражданского общества, находившихся по разные стороны границы конфликта. Согласившиеся участвовать в программе люди часто проявляли большую смелость, поскольку встречали непонимание или прямое неодобрение со стороны окружающих. Возвращаясь домой с таких встреч, некоторые участники сталкивались с подозрительностью относительно их истинных мотивов – такую подозрительность, в частности, проявляли официальные структуры. По всей видимости, особенно тяжело в этом плане приходилось участникам из Абхазии, где многие воспринимали любую инициативу по взаимодействию с грузинами как угрозу независимости. При этом перед всеми стояла трудная задача преодоления психосоциального барьера, не позволяющего “вступать в разговор с врагом”. Со временем давление стало ослабевать по мере того, как росло понимание необходимости налаживать каналы общения.

Таким образом, показав возможность встреч и их потенциальную пользу, программа имела мощный демонстрационный эффект. Учитывая, что раньше любые поездки, помимо негласных и чисто

⁷ Специалисты по теории конфликтов давно утверждают, на основе теоретических и эмпирических данных, что ключевым фактором, не позволяющим социальному конфликту перейти в вооруженные столкновения, являются сильные сети организаций гражданского общества с участием различных социальных групп.

личных (к примеру, на похороны), были крайне затруднительны, очень важно, что сейчас все большее число людей готовы совершать поездки более публичного характера. Мы слышали немало примеров, свидетельствующих о том, что в прошлом году увеличилось число самостоятельных поездок грузин в Сухум/и и абхазов в Тбилиси. Один из участников направления молодых журналистов сказал, что он лично принимал у себя нескольких молодых абхазских журналистов, которые решили приехать в Тбилиси, чтобы своими глазами увидеть, как обстоят дела. По его словам, в первый раз приехали несколько человек на программное мероприятие. Видимо, вернувшись домой, они рассказали о поездке своим коллегам, и те тоже захотели поехать. Наш собеседник подчеркнул, что конфликт интересов все равно существует, но тем не менее «мы сидим всю ночь за этим столом – пьем, разговариваем, спорим и в итоге гораздо лучше понимаем друг друга». Частично таким визитам способствовало и то, что абхазские власти, видимо, упростили процедуру получения разрешения на выезд, которая раньше была связана с политическими сложностями. Эти изменения – знак того, что открылось пространство для более активного взаимодействия (не только для общественного диалога, но и для торговли).

Тем не менее, осталось еще немало болезненных моментов, которые, по всей вероятности, исчезнут еще не скоро и могут даже обостриться в ближайшем будущем по причинам, раскрытым в Разделе 3.2. Инициативы, в рамках которых грузинские представители приезжают в Сухум/и требуют особенно тщательного планирования и организации. Полученная обратная связь указывает на то, что либо это должны быть поездки по исключительно личному делу, либо им должна сопутствовать полная публичность и прозрачность с четким объяснением и согласованием цели визита. В противном случае не исключены негативные последствия для тех, кого считают организатором подобных обменов и на кого возлагают ответственность – даже если они не имеют отношения к какому-либо конкретному случаю. Хотя многим участникам хотелось бы расширить масштабы таких поездок, к ним все еще необходимо подходить с осторожностью, чтобы не спровоцировать негативную реакцию и не поставить под угрозу открывшиеся возможности.

Но партнеры – особенно те, кто занимается этим давно – уже наработали солидный опыт организации таких мероприятий. Один из партнеров, проводивший многие из встреч по программе, прокомментировал: «И еще один важный результат – сам по себе тот факт, что мы встречаемся, означает, что мы создали **методику**, позволяющую людям встречаться, что-то обсуждать, сближаться друг с другом. Это теперь может происходить чаще и с большим числом людей. Мы все видим эффективность этой методики».

В этой связи существенной новацией был разработанный программой общекавказский формат. Многие – как абхазы, так и грузины – подчеркнули, что он способствовал процессу взаимодействия через границу конфликта. (Помимо того, что он воплощал дорожную для многих идею единого кавказского пространства). Этот формат, очевидно, помог и при обсуждении трудных вопросов. Один из наших собеседников высказал мысль, отголоски которой мы слышали и от многих других: «Когда присутствуют люди из других регионов, я чувствую себя более комфортно, высказывая свое мнение о конфликте. Они уже не кажутся мне такими резкими, и меньше вероятности, что они кого-то обидят. Если возникают трудности, кто-то из другого региона обычно помогает найти выход, перенося обсуждение проблемы в свой контекст. Благодаря этому, мы понимаем, что это не личная проблема и даже не специфическая особенность нашего конфликта, а проблема, с которой приходится иметь дело всем нам, живущим на Кавказе». Работа в общекавказском формате имеет и еще одно, стратегическое измерение. Для абхазов в особенности более приемлемо встречаться с грузинами в «многостороннем», нежели в двустороннем формате, поэтому они с большей уверенностью участвуют в таких процессах. В моменты повышения напряженности общекавказский – или даже южнокавказский – формат будет иметь особую ценность как возможность для общения в условиях, когда прямые контакты сопряжены с повышенным риском.

6.1.2 Диалог и построение взаимоотношений

Общей темой во всех интервью с непосредственными участниками программы была важность установления личных взаимоотношений и их влияние на работу по проекту. По словам одного из респон-

дентов: «Мы занимаемся строительством отношений между людьми, чтобы мог состояться политический процесс. Я считаю, что ранние попытки политических переговоров, например, в Ялте, сорвались отчасти потому, что не встретили понимания и поддержки у населения».

Несколько человек вспомнили, что когда впервые участвовали во встрече с представителями «другой стороны», они очень нервничали и не решались отступать от общей позиции. Кроме того, общаться даже на личном уровне мешали «шрамы войны». По словам одного из респондентов:

На первой встрече, организованной International Alert в Москве в 1996 г., мы невероятно нервничали, Все было очень официально – прямо как Совет безопасности ООН, и наши делегации сидели в ряд за разными столами. Казалось, что абхазы все время твердят свое и не хотят нас понять. Наверное, они то же самое думали о нас. С тех пор мы гораздо лучше понимаем друг друга. ... Одно из наших главных достижений в том, что мы, как партнеры, поняли: чтобы реально что-то сделать, мы должны быть открыты друг другу. Это может быть болезненно, потому что у нас все еще разные интересы и взгляды, но это необходимо. Мы можем критически мыслить и создавать остророков стабильности, с которого затем перейти к работе внутри своего общества.

Это замечали как участники, так и наблюдатели. Представитель ООН, присутствовавший на одной из программных встреч, отметил: «Меня поразило взаимодействие между грузинами и абхазами и их готовность к диалогу. Это показывает, что главное – построение доверия».

Тем не менее, программная методика, основанная в первую очередь на формировании хороших межличностных отношений, имеет свои сложные моменты. Здесь два важных аспекта. Первый состоит в том, что поднимая спорный политический вопрос, участник рискует испортить дружеские отношения. У дружеских отношений, видимо, есть свой минус, который чаще всего проявляется как помеха открытой дискуссии на больших многолюдных встречах. Один наш собеседник объяснил, что иногда не решается поднимать сложные вопросы, потому что знает, что они могут поставить под угрозу дружбу

с людьми: «иногда я не очень сосредоточен на наших целях, потому что не хочу сказать что-то, что может быть воспринято как обида». Другой заметил: «парадоксально, но иногда дружба становится препятствием для открытой дискуссии». Но при этом, если речь идет о совместной работе по проектам, большинство респондентов считают, что их отношения с партнерами достаточно открытые – хотя бы уже потому, что в ином случае был бы велик риск неудачи.

Один сторонний наблюдатель нескольких общекавказских встреч высказал мнение, что партнеры рискуют оказаться в “зоне комфорта”, не располагающей к обсуждению трудных политических вопросов. В результате получится группа друзей, а не группа стратегически мыслящих деятелей, которым хорошие межличностные отношения лишь помогают взаимодействовать. Непосредственно наблюдая ход некоторых встреч, можно сказать, что пока это не произошло, однако опасность существует, и если не уделить ей внимания, она может повлиять на дальнейшее развитие сети. Некоторые предложения в Разделах 4.3 и 6.2, направленные на повышение актуальности программы для внешнего окружения, могут предотвратить эту опасность.

Вторая проблема методики, ориентированной на межличностные отношения, связана с трудностью включения новых людей в центральную группу партнеров. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в Разделе 6.2.1.

6.1.3 Сети и формирование взаимосвязей

Деятельность по программе послужила катализатором формирования основной группы миротворцев гражданского общества, взаимодействующих через границу грузино-абхазского конфликта, а также на всей территории Кавказа и за его пределами. По приблизительным подсчетам, в целом в программных мероприятиях участвовали около 200 человек⁸, каждый из которых пользуется влиянием в своем сообществе и профессиональной сфере. По словам одного из

⁸ По документам, за последние три года в рамках этой конкретной программы проведено 317 человеко-встреч. Поскольку некоторые из 317 были членами центрального ядра и участвовали в нескольких встречах, реальное число участников установить на данный момент трудно, но предположительно оно составляет около 200 человек.

респондентов: «главная ценность программы в том, что с обеих сторон теперь есть очень активные люди, которые реалистично смотрят на ситуацию. Они привлекают к себе большое число других людей и могут оказывать важное влияние на них».

Основной упор делался на развитие «мирного электората» путем поддержки создания сетей, пересекающих границу конфликта. Часто эти сети были организованы по принципу социального сектора или идентичности. Это имеет значение для динамики трансформации конфликта и для предотвращения конфликта в будущем, как уже обсуждалось в предыдущем разделе. Кроме того, это имеет значение и для активизации гражданского общества. Как объяснил один из координаторов в Абхазии:

Из всех известных мне программ IA больше всего уделяет внимание развитию контактов между тем и другим обществом. Эта программа дала возможность в каждом обществе создать группу людей, которые не только активны у себя, но и взаимодействуют с людьми из других обществ. Мы заинтересованы в демократизации, и такие контакты гражданских активистов очень важны для этого процесса. Недостаточно прочитать о демократии в книге, а такие проекты помогают нам сделать ее реальностью. Они показывают: «если не я, то кто же?». Мы не можем сидеть и ждать, когда начнут действовать правительства, мы должны активно работать с ними, чтобы создать такое общество, которое нам нужно.

Таким образом, эти сети имеют значение как для развития общества – путем наращивания социального капитала и укрепления гражданских структур – так и для урегулирования конфликта. Очевидно, они также повышают уровень умений и возможностей в целевых секторах программы, о чем будет подробнее рассказано в Разделе 7.

Партнеры также стремились установить контакт с официальным мирным процессом. Особого внимания заслуживает участие двух партнеров во встрече в Ялте в марте 2001 г., когда Специальный представитель Генерального Секретаря ООН, посол Боден включил в делегацию представителей гражданского общества.

6.1.4 Подготовка людей к действиям и практический вклад в предотвращение конфликта

Несколько человек выразили мнение, что поддержав тех, кто активно старался не допустить повторной эскалации конфликта, программа способствовала его предотвращению / сокращению. Это отчасти было достигнуто за счет призывов к миру как альтернативе милитаризму и за счет поддержки демократического развития. Также это достигалось путем активного реагирования главных партнеров на кризисные моменты в собственном обществе – таких, как, Кодорские события осенью 2001 г. и политический кризис в Абхазии в апреле 2003.

Один наш собеседник сравнил события 1998 г., когда вновь разразился внезапный и разрушительный военный конфликт – и события в Кодорском ущелье в 2001 г., когда боевые действия были свернуты, а грузинское правительство было вынуждено уйти в отставку. Многие воспринимают народные протесты в Тбилиси как важный фактор, повлиявший на решение Шеварднадзе. Указывают также, что этому способствовали усиление гражданского общества и открытие каналов общения.

Грузинские партнеры немедленно отреагировали на Кодорские события. Хотя невозможно определить, до какой степени их реакция оказала влияние на исход ситуации, но они оказали активное противодействие милитаризму. Они организовали демонстрации, опубликовали открытое письмо с осуждением происходящего – это письмо с подписями отправили как Шеварднадзе, так и абхазским партнерам; они давали интервью для СМИ. Иными словами, они делали все им доступное, чтобы открыто заявить о своей солидарности с партнерами в Абхазии. Многие респонденты в Абхазии по своей инициативе отметили, насколько это было важно и как укрепило их доверие к грузинским партнерам:

Во время Кодорских событий среди грузинского общества было много милитаристских и националистических настроений. Я считаю, что наши грузинские партнеры делали все, что могли, чтобы остановить эту истерию всеми доступными им способами. Даже если они не смогли решающим образом повлиять на

события, они сыграли очень конструктивную роль и внесли реальный вклад в построение доверия.

Как отметил один из наших собеседников: «Хотя в программе не дается рекомендаций, как реагировать на кризисы – такие реакции сами по себе не относятся к действиям по проектам – тем не менее она вовлекает и поддерживает людей, готовых к действиям. Они действуют как граждане, активно отстаивающие ценности, в которые верят». Видимо, участие в программе способствовало подобному ответу на кризис: люди привыкли работать вместе, у них были партнеры по другую сторону границы конфликта, что создало в них нравственный императив немедленно отреагировать на события, и к тому же у них были сети, благодаря которым они смогли широко огласить этот свой ответ.

6.1.5 Создание условий для общения и разрушение стереотипов

Программа дала участникам много возможностей высказать свою точку зрения, поделиться идеями и рассказать о событиях в своем обществе, благодаря чему они стали лучше понимать друг друга. Это особенно важно потому, что, как объяснил один респондент: «Людей разделяет мощная информационная блокада, а от этого рождаются стойкие стереотипы. Люди смотрят друг на друга сквозь кривое стекло». Как объясняется в Разделе 3, это, по-видимому, не только мешало социальному развитию, но и было препятствием к политическим переговорам.

Несколько наших собеседников в Абхазии указали на то, что одним из наиболее важных результатов этой инициативы (наряду с некоторыми другими миротворческими программами гражданского общества) явилось то, что она продемонстрировала абхазскому обществу, как различаются мнения людей в Грузии, и разрушила стереотипное восприятие всех грузин как единого целого, сформировавшееся за последнее десятилетие. По словам одного из респондентов,

Я не знаю рецепта для улучшения отношений. Я только знаю, что это долгий процесс. И при этом было бы неправильно ждать, когда он сам собой произойдет. На самом деле нежела-

ние попытаться понять, что происходит в грузинском обществе, что не все грузины думают одинаково, создаст еще большую опасность возобновления войны. Большая перемена, произошедшая за последние годы, главным образом благодаря возможности диалога, это понимание, что существует много оттенков мнений [в грузинском обществе], а не только черное и белое.

Видимо, это особенно важно для молодежи, у которой в силу возраста нет воспоминаний о личных взаимоотношениях с грузинами в нормальной довоенной атмосфере. Как сказал молодой абхазский журналист (лет двадцати с небольшим):

Я чувствую, что мое понимание сути этого конфликта изменилось на 180 градусов. Раньше я думал, что причина войны в том, что грузины наши враги. После участия в программе я увидел, что это связано с историческими факторами и с некоторыми различиями менталитета. Когда я поехал в Тбилиси, я сам увидел разницу между теми людьми, которые за военный подход, теми, кто за мир, и теми, кто не имеет однозначного мнения. Поскольку мы также работали с людьми из других частей Кавказа, я смог по-новому посмотреть и на другие ситуации. Мне на самом деле кажется, что ситуация Армении и Азербайджана еще более сложная, чем наша. Я им сочувствую, но понять это для меня было таким облегчением!

В то время, как создана основа для большего взаимопонимания между людьми, принявшими активное участие в программе, не всегда уделялось внимание распространению этих идей на более широкую публичную аудиторию. Несмотря на то, что информированию населения отчасти способствовали журналисты благодаря своим публикациям и видеоматериалам, а также интервью координаторов для СМИ, как в программе в целом, так и в отдельных направлениях отсутствовала хорошо разработанная стратегия распространения информации. Эта тема подробнее освещена в Разделе 6.2.

6.1.6 Развитие технического и практического потенциала

Большая часть этого раздела посвящена обсуждению результатов программы на данный момент. Однако помимо нижеперечисленных, существенным результатом программы было повышение потенциала партнерских организаций и участников деятельности. Самым очевидным вкладом в развитие потенциала были финансирование и техническая поддержка новых инициатив. Их дополняло обучение и возможности профессионального развития – тренинги и семинары, часто проводимые в общекавказском формате. Программа также усилила техническую инфраструктуру партнеров, позволившую повысить эффективность работы и коммуникационные возможности, путем предоставления координаторам доступа в интернет, мобильных телефонов и т.д.

Помимо этого была создана система, позволяющая координаторам предпринимать другие действия, которые они считали нужными в целом для развития программы и трансформации конфликта помимо непосредственно связанных с финансируемой программой деятельностью и обозначенных в контрактах координаторов. Координаторам ежемесячно выделялась сумма, которую они могли использовать на телефонные переговоры, поездки на встречи или в отдаленные районы на такси и т.п. Координаторы должны были отчитываться за использование этих сумм, но благодаря их наличию они могли с большей гибкостью реагировать на появляющиеся возможности, без долгого и обременительного процесса написания, подачи и одобрения заявки. В частности, такая система помогла быстро отреагировать на события в Кодорском ущелье в 2001 г.

6.2 Варианты будущего развития

Как указывалось ранее, программа помогла сформировать центральное ядро людей, занятых трансформацией конфликта. Теперь вопрос состоит в том, каким образом эта сеть может послужить катализатором перемен в общей динамике конфликта и повлиять на развитие своих обществ. Теперь, когда создана основа, как ее будут использовать? Выяснилось, что у этого вопроса три аспекта:

- (1) Разработка и реализация процесса дальнейшего расширения круга участников, помимо существующего центрального ядра;
- (2) Разработка и реализация четкой и логичной стратегии информирования более широкой аудитории, чтобы изменить отношение общества и повысить понимание проблем;
- (3) Разработка и реализация общей стратегии влияния на политический климат и / или на политиков, принимающих решения как на внутреннем, так и на международном уровне.

Хотя программа в целом может и не развиваться во всех этих направлениях сразу, имеет смысл усилить хотя бы какие-то из них, чтобы увеличить ее потенциал как катализатора позитивных перемен в общей системе конфликта. Создается впечатление, что это представляет более значительную трудность для программы в целом, чем для ее отдельных направлений, иными словами, самое сложное – это организовать коллективные усилия всех координаторов и партнерских организаций по разработке и осуществлению скоординированной стратегии. Вообще-то некоторые из направлений уже ведут стратегическую работу по повышению своего воздействия по этим трем направлениям. Кроме того, большинство партнеров – по своей инициативе или в рамках других миротворческих программ – пытаются решать эти различные и непростые задачи. Труднее всего оказалось разработать общий подход к их решению в рамках всей программы. Но поскольку суммарное воздействие всех направлений будет наиболее эффективным, представляется целесообразным разработать некоторые общие стратегические цели для программы в целом, которые затем могут быть реализованы как дополнительные мероприятия по отдельным направлениям.

Как уже говорилось в Разделах 3 и 4.3, для этого следует провести углубленное обсуждение характера миротворческой работы, как он определяет основные цели программы, а значит ее стратегии и действия. Существует также вопрос о том, как партнеры намерены дальше развиваться и следует ли им вовлекать в свою деятельность и сферу влияния «больше людей» и / или «ключевых людей», о чем говорилось в Разделе 4.3. Если партнерам не удастся определиться с ответами на эти вопросы на следующем этапе программы, они упу-

стоят возможность мобилизовать социальную инфраструктуру и тем самым умножить собственные силы, что совершенно необходимо миротворцам из гражданского общества для успешного противодействия тем, кто заинтересован в сохранении статус-кво или в применении военной силы. Такой мобилизации не обязательно должна сопутствовать конфронтация или политизация: скорее, речь здесь идет о том, чтобы стимулировать те части общества – «мирные электораты» – которые активно поддерживают конструктивные идеи и действия, способствующие мирному разрешению конфликта (более подробно см. ниже).

6.2.1 Расширение круга

На сегодняшний день программная стратегия ориентирована в основном на различные формы диалога. Но чтобы эти методы помогли достичь перемен в более широком контексте конфликта, необходимо вовлечь большое число людей – возможно, путем работы с населением, а также взаимодействия с различными сетями и другими организациями гражданского общества. Большинство респондентов указали на необходимость более систематических стратегий расширения круга людей, задействованных в программе. У этого вопроса два аспекта: те, кто входит в центральное ядро лидеров / координаторов программы, и те, кто вовлечен в программу путем непосредственного участия в деятельности. Внутри отдельных направлений уже существуют стратегии вовлечения новых людей – более сложно вовлекать новых людей / сети / группы в ядро лидеров. Тем не менее в ходе программы такое расширение уже имело место – с грузинской стороны при создании институционализированной группы координаторов (Кавказский диалог), а также среди менее жестко организованной сети координаторов с абхазской стороны.

Главной стратегией расширения программы было создание новых направлений деятельности. Однако для открытия таких новых направлений часто было необходимо ввести в круг новых координаторов и партнеров. Этот процесс связан с несколькими трудностями. Во-первых, встает вопрос о том, кто должен участвовать в принятии решений о создании новых направлений и приеме на работу новых координаторов, а во-вторых, как ввести этих новых людей в

состав координационной группы и включить в партнерские встречи. Поскольку первый вопрос анализируется в Разделе 8.2, здесь рассматривается только второй.

Те люди, которые вместе участвуют в программе уже не первый год, выработали определенный уровень взаимопонимания и порой негласные «правила игры» для своего взаимодействия, развивавшегося в течение всех этих лет, одновременно с постепенным формированием все более доверительных отношений. Было несколько проблем в связи с появлением новых людей, которые не до конца понимали или не соблюдали нормы конфиденциальности и требование консультаций с партнерами. В связи с этим возникла озабоченность относительно того, какой уровень доверия можно ожидать в случае расширения группы. Эта озабоченность была особенно велика в присутствии новых людей, с которыми не было опыта совместной работы.

Несколько человек указали на то, что новых людей нужно готовить, прежде чем они смогут войти в группу. Высказывались предложения о том, как проводить такую подготовку, в том числе путем организации тренинга по конфликтологии и брифинга перед приемом на работу о целях программы и нормах поведения партнеров. (Впрочем, если такая подготовка будет проводиться, возникнет необходимость более четко сформулировать эти нормы. Видимо, также имеет смысл в начале и в конце каждой встречи официально договариваться о правилах, чтобы еще раз подтвердить нормы поведения членов группы). Также может быть необходимым, особенно для впервые участвующих, после окончания встречи побеседовать один на один с сотрудником программы или опытным партнером, чтобы лучше подготовиться к возвращению в свое сообщество. Все это – нормальная практика работы с новыми участниками диалога по урегулированию конфликта. Как заметил один наш собеседник: «Мы всегда это делаем на семинаре или тренинге, но иногда забываем об этом на встрече, если в ней участвуют в основном те, кто уже давно знает друг друга. Наверное, мы просто забываем о том, как полезно порой напоминать друг другу [о правилах] и считаем достигнутый за долгое время уровень взаимопонимания чем-то само собой разумеющимся...»

На данный момент расширение воздействия имело место главным образом за счет тренингов и семинаров, проводимых в рамках

тематических направлений (например, обучающие семинары для молодых журналистов). Хотя число участников в сравнении с общей численностью населения незначительно, были предприняты попытки вызвать «умноженное воздействие» путем вовлечения людей, влиятельных в своих кругах. В ряде случаев их опыт, полученный в ходе участия в программе, впоследствии имел значение и для их работы вне программы (например, обученные журналисты с большей глубиной и пониманием освещали ситуацию конфликта). Хотя по-прежнему важно искать наиболее эффективные пути вовлечения новых и разных людей в учебные мероприятия, этот метод уже достаточно хорошо разработан. Тем не менее, в этом процессе есть свои нюансы. Первоначально каждый список участников мероприятий тщательно обсуждался грузинскими и абхазскими координаторами, и подход был весьма осторожным. Теперь, по мере повышения уровня доверия, появилась готовность принимать менее известных и / или более проблемных участников, что повышает риск, но в итоге при правильной организации может расширить охват аудитории.

Еще один вопрос – следует ли продвигать заинтересованных и подготовленных участников деятельности по тематическим направлениям на руководящие роли в программе в целом, и если да, то как это делать. В частности, как ввести их в круг координаторов, или, по словам одного такого участника: «как подключается к работе новое поколение?». В случае успеха это расширит охват программы в целом, вовлекая в нее молодежь, а также людей с различными знаниями и опытом.

Во многом решение упирается в вопрос о том, “чья” это программа – т.е. вопрос лидерства: когда участники становятся лидерами процесса? когда центральное ядро координаторов прекращает (или должно прекратить) расширяться, поскольку достигло оптимального размера? когда активно работавшие раньше решают, что их участие больше не играет центральной роли в программе? каким образом центральное ядро формирует общую основу программы, стратегию и методы работы? Некоторые из этих вопросов будут рассмотрены в Разделе 8, но в конечном счете они должны быть решены самой координационной группой.

6.2.2 Влияние на общество в целом

Как уже говорилось в Разделе 3.2, одним из наиболее серьезных препятствий идее разрешения конфликта исключительно мирными политическими средствами является то, что основная часть грузинского общества недостаточно информирована о ситуации в Абхазии и альтернативах ее решения и / или не считают, что этот вопрос их непосредственно затрагивает. Этот фактор, с одной стороны, может способствовать милитаристской и ксенофобной реакции популистского толка, а с другой стороны, плохо информированное и безразличное общество – сигнал политикам, что им необязательно развивать мирные инициативы, поскольку их электорат «с них за это не спросит». Ситуация в Абхазии представляется еще более сложной, в частности, из-за ощущения продолжающейся военной угрозы. При этом существование стереотипов и негативных представлений может подорвать существующий потенциал построения доверия.

До сих пор не создается впечатления, что эта или какая-либо другая миротворческая программа существенно способствовала информированию общества в целом о ситуации и мобилизации общественной поддержки мирных процессов. Одной из причин, возможно, является то, что методы изменения общественного мнения совершенно иные, нежели методы установления диалога и построения мер доверия между людьми по обеим сторонам конфликта. Возможно, в основе нежелания заниматься информированием общества в целом лежит, в частности, противоречие между публичностью информации и необходимостью соблюдать конфиденциальность. В Грузии, кроме того, для этого потребуются развивать сотрудничество и партнерства с основной массой организаций гражданского общества – особенно хорошо известных и / или имеющих широкую членскую базу либо общественную поддержку: взаимодействие необходимо, чтобы пользоваться их каналами выхода на население.

Для воздействия на общественное мнение используются две основные стратегии. К ним, как правило, относятся **информационно-просветительские кампании**, интерактивные и часто осуществляемые совместно с государственными или общественными организациями, способными обеспечить широкий охват населения (например, органы образования или церковь), и хорошо разработанные **стратегии массо-**

вой коммуникации. Эти два компонента дополняют друг друга. В ряде стран для информационно-просветительских кампаний создавались пакеты материалов для обсуждения, которые затем использовались в ходе дискуссий, организованных на уровне местных сообществ. Целью было вовлечь в дискуссию группы людей, чтобы дать им углубленную информацию о проблеме и возможность обсудить ее. Первый шаг в стратегии коммуникации – сформулировать основные мысли, с помощью которых можно изменить отношение людей, затем выделить среди населения влиятельные целевые аудитории, чтобы потом разработать сообщения, привлекательные для этих аудиторий, а также средства и способы доведения до них этих сообщений. Поскольку конфликт по-прежнему затрагивает очень чувствительные темы, необходимо серьезно подойти ко всем перечисленным вопросам и к выбору момента времени. Как сказал один респондент: «Когда проект только начинался, мы почти не думали о том, чтобы доводить ключевые сообщения до нашего общества. Но теперь мы достигли такой фазы, когда можем распространять эти сообщения. Однако вопрос по-прежнему болезненный, и мы должны двигаться очень осторожно».

В этом контексте важно понимать разницу между задачей распространения информации о программе и своей деятельности (о стратегии распространения информации) и задачей разработки стратегии коммуникации, чтобы просвещать, высказывать идеи и ключевые сообщения, а также (потенциально) сформировать поддержку нового понимания конфликта и подходов к его трансформации.

В последние годы программа поддерживала участников и некоторые партнерские организации в их попытках давать интервью и работать со СМИ. Многие грузинские координаторы активно занимались этим и собрали за несколько лет внушительный архив газетных вырезок. Молодыми журналистами – участниками молодежного направления было снято несколько видеосюжетов. Но при этом со стороны центрального ядра координаторов и партнеров не предпринималось усилий по формулированию единой стратегии коммуникации для программы в целом. Поэтому складывается впечатление, что усилия по распространению информации были отчасти случайными и на данный момент не столь эффективными в плане изменения общественного мнения, как можно было надеяться.

Партнеры уделяли внимание и силы распространению информации о проекте, его мероприятиях и деятельности, но значительно меньше – формированию общественного мнения с помощью стратегий коммуникации. Хотя они сознательно стремились освещать свои встречи в прессе, как ни парадоксально, в некоторых случаях это скорее оттолкнуло некоторых людей, которых хотели информировать. Несколько наших собеседников в Абхазии (где из-за относительно небольших размеров общества больше людей знают о происходящем, а общественные организации получают широкое освещение в СМИ) указали на то, что население часто не понимает, какое отношение эти встречи имеют к их жизни и не убеждены в их результативности. Видимо, это особенно относится к сообществам, где основной проблемой людей является выживание. Однако при хорошем исполнении информационно-просветительские кампании и стратегии коммуникации должны восприниматься людьми как актуальные лично для них (даже если и не самые приоритетные).

Стратегии, направленные на изменение общественного мнения, требуют перехода от режима работы, ориентированного на процесс и поддержку участников, к более четкому режиму формулирования конкретных предложений и активного продвижения своих идей. Важно задуматься и о том, как отразится на деятельности тематических направлений решение активнее заниматься информационно-просветительской работой с населением и / или развивать действенные стратегии коммуникации. Также важно учесть, что некоторые люди с энтузиазмом возьмут на себя ведущую роль в этой работе, в то время как другие предпочтут только помогать им, а самим «оставаться за кадром». Такую работу можно вести в рамках конкретного направления (когда целевой группой для сообщений будет социальная группа, с которой работает данное направление – например, коммуникационная стратегия для участников войны или коммуникационная стратегия для женщин) либо как общее направление программы в целом, назначив коллектив для координации этой работы.

6.2.3 Влияние на политиков, принимающих решения

Как уже говорилось в Разделе 4.1, изначально по программе не предполагалось активно влиять на политиков в рамках основной де-

тельности, которая была сосредоточена на организациях гражданского общества. Тем не менее, основные руководители министерств Грузии и Абхазии регулярно получают информацию о ходе программы. Как будет подробнее рассказано в Разделе 7.2, исключением было женское направление, которое с самого начала уделяло большое внимание работе с политиками. (Частично этому способствовало сотрудничество с тематической программой ИА «Женщины и построение мира», где полным ходом шла кампания «Женщины, борющиеся за мир» и имелись человеческие и иные ресурсы для такой работы).

Некоторые координаторы программы считали важным вопрос о том, должна ли – и если да, то как – программа в целом взаимодействовать с политиками, принимающими решения – особенно с внутренними политиками, но также с сотрудниками международных структур. Вместо того, чтобы дублировать инициативы «народной дипломатии», которые осуществляются в рамках других миротворческих программ, было бы целесообразнее наметить для организаций гражданского общества конкретные роли по формулированию предложений для политиков и, возможно, влиянию на них. В рамках этой работы они могут более целенаправленно выходить на политиков в своем обществе и вступать с ними в диалог о главных проблемах конфликта. Такой проект мог бы опираться на результаты деятельности женского направления в области гарантий безопасности. Кроме того, такие инициативы можно объединить со стратегиями массовой коммуникации, направленными на мобилизацию социальных групп вокруг общих проблем.

Хотя некоторые из партнеров уже ведут работу с политиками и представителями государственной власти в рамках своей работы помимо программы, не создается впечатления, чтобы такого рода деятельность обдумывалась или планировалась как часть программной стратегии.⁹ Но в силу того, что политики играют важнейшую роль в развитии конфликта и перспективах его урегулирования, эффективность программы возрастет, если найти путь с ее помощью

⁹ Поскольку большинство координаторов помимо участия в программе выполняют еще и другие функции, одна из трудностей состоит в том, чтобы поддерживать согласованность и ясность относительно этих разных ролей. Например, нецелесообразно выступать в качестве беспристрастного фасилитатора человеку, о котором известно, что в своем другом качестве он/она убежденный сторонник одной из точек зрения.

хотя бы косвенно повлиять на тех, кто принимает политические решения.

7 Анализ различных направлений деятельности

Как упоминалось в Разделе 4, программа предполагала работу с различными секторами гражданского общества посредством целого ряда независимых друг от друга направлений, охватывающих основные социальные и профессиональные группы для вовлечения их в меры построения доверия между сторонами конфликта. По ходу развития программы образовалась структура, в которой у каждого из направлений были работающие совместно один или два координатора с грузинской и абхазской стороны. Наряду с ИА они отвечали за разработку концепции развития своей инициативы, а также за планирование и осуществление деятельности по своему направлению.

Помимо этих основных направлений, программа пересекалась с несколькими другими инициативами, тоже осуществляемыми при поддержке ИА, которые ее дополняли. Однако эти инициативы не являются предметом данного отчета. **Кавказский форум** был кратко представлен в Разделе 4.2.1. Еще один проект – **Регионы Грузии** – направлен на развитие диалога и построение совместных стратегий между центром, региональными властями и гражданским обществом Тбилиси, Самцхе-Джавахети и Самегрело. Некоторые из партнеров с грузинской стороны также участвовали в этой программе, но ее мероприятия не пересекались с грузино-абхазской программой – главным образом из-за чувствительности связанных с ними проблем. Третья инициатива, начатая тематической программой ИА «Бизнес и конфликт» поддерживает исследования и другую деятельность на Южном Кавказе, направленную на изучение экономической мотивации кругов, заинтересованных в конфликте (например, мародеры) и функциональной интеграции, а также расходов, связанных с конфликтом.

7.1 Молодежное направление

Всеми признано, что поскольку молодежь является воплощением будущего, очень важно вовлекать молодых в общую стратегию

построения мира. С каждым годом общества Грузии и Абхазии все больше отдаляются друг от друга, у молодежи с обеих сторон все меньше возможности познакомиться через личные контакты, и в результате оказывается нечего противопоставить распространению “образа врага”, что является серьезным препятствием примирению. Это направление работы развивалось с учетом потребности молодых людей – потенциальных лидеров общественного мнения в своих обществах – иметь возможность общаться между собой. Направляя усилия на молодых представителей профессиональных сообществ, эта деятельность способствовала созданию общей платформы для их взаимодействия и повышала вероятность того, что они продолжат сотрудничество в будущем. Кроме того, она помогала их профессиональному развитию и их способности внести вклад в построение мира в сфере своих профессиональных занятий.

Первоначально предполагалось, что программа будет работать с молодыми журналистами и молодыми юристами. Хотя в работе с журналистами был отмечен значительный успех, работа с юристами не продвигалась, как это планировалось, частично из-за трудностей с поиском подходящего координатора.¹⁰ Координаторы программы наметили эту группу в качестве одной из целевых групп следующего этапа.

7.1.1 Молодые журналисты

Целью этого направления работы было создать на Кавказе, с особым упором на Грузию и Абхазию, сеть журналистов, понимающих и умеющих правильно освещать проблемы конфликта. Это достигалось путем поддержки профессионального развития группы молодых журналистов и студентов факультетов журналистики. Они участвовали в нескольких совместных учебных семинарах, на которых ставились цели повышения общих профессиональных навыков,

¹⁰ Примечательно, что несколько человек подчеркнули важность того, что на первом этапе молодежного проекта им помогал консультант от ИА – Юлия Якоби. Они считают, что Джулия сыграла важную роль, показав потенциал «журналистики конфликтов», а также выступив в качестве организатора и катализатора этого направления. Более подробно вопрос участия сотрудников ИА в работе направлений рассматривается в Разделе 8.

умения анализировать конфликт и адекватно освещать его. Семинары дали возможность установить межличностные отношения и прямую (причем для большинства – в первый раз) обсудить актуальные аспекты конфликта. Эти семинары постепенно перешли в сетевые встречи, на которых участники собирались, чтобы обсуждать важные темы и далее развивать свои знания и навыки. На последних этапах группы участников смогли отправиться в совместные «миссии», чтобы изучить и осветить в своих СМИ ситуацию в других частях Кавказа.

Учебный компонент этого проекта объединял в себе профессиональные навыки журналиста с умением анализировать и адекватно освещать в СМИ тему конфликта. Представляется интересным тот факт, что абхазские журналисты, с которыми мы беседовали, считают для себя особенно полезным обучение навыкам журналистики – отчасти потому, что им было трудно найти возможность такого обучения в Абхазии – в то время как для грузинских журналистов профессиональные навыки были менее актуальны, зато большой интерес представлял конфликтологический компонент тренингов. При этом и те и другие отметили, что семинары дали хорошее начало работе по этому направлению – как благодаря практическим навыкам и знаниям, так и благодаря тому, что дали начальный импульс процессу. Все, с кем мы беседовали, сказали, что семинары помогли участникам познакомиться, подружиться и начать вместе работать. Кроме того, по словам одного из координаторов: «Может быть, слишком амбициозно говорить, что мы научили людей быть миротворцами, но мы уверены, что журналисты стали более глубоко понимать конфликты». Участники, которых мы опрашивали, согласились с этим выводом. По словам одного из них:

Как журналист я считаю, что эти семинары научили нас своего рода “внутренней цензуре”, поскольку мы осознали, что освещение журналистом тех или иных событий способно спровоцировать утихший было конфликт. Те перемены, которые в нас произошли, можно отнести за счет сложившихся хороших отношений. Раньше несколько раз случалось, что участники возвращались домой и писали что-то неадекватное. И тогда мы спорили по электронной почте, а в следующий раз снова встреча-

лись лично. Это помогло нам осознать, как воспринимается написанное нами. В конце концов мы начали понимать важность профессиональной объективности. Большинство из нас стали более тщательно подходить к своей работе, отчасти из-за мыслей о том, что подумают о нас другие, но также потому, что теперь мы лучше понимаем ситуацию с другой точки зрения...

Многие указывали на то, что результаты этого направления еще только начали появляться, но уже обещают значительный среднесрочный и долгосрочный эффект. Опрошенные нами участники выглядели энергичными, вдумчивыми и умеющими четко выразить свою мысль людьми, а также было видно, что они искренне намерены и дальше развивать тот процесс, который был начат с их участием. Они утверждают, что в регионе продолжают развиваться принципы «журналистики миротворчества» и поддерживающая их профессиональная сеть. Создается впечатление, что в результате программы сформированы прочные и длительные отношения. Респонденты говорили, что продолжают поддерживать контакт по личным причинам, а также, что еще более важно, по профессиональным причинам. Они часто звонят друг другу, чтобы попросить помощи с установлением контактов и поиском информации для своих сюжетов. По их мнению, самым большим недостатком является то, что степень активности участников очень различна. (Впрочем, это свойственно практически любой подобной инициативе). При этом многое указывает на продолжающиеся интенсивные повседневные контакты, которые, по словам нескольких опрошенных, очень важны как канал доступа к информации в труднодоступных регионах.

После серии тренингов работа в основном велась по линии совместных журналистских миссий, когда группы из 2-5 журналистов из разных частей Кавказа вместе ехали в какой-либо регион, чтобы изучить ситуацию для освещения в СМИ. Респонденты отмечали, что эти миссии помогли им по-новому понять динамику ситуации в регионе; по словам одного из них: «мы поняли, что не всегда хорошо информированы [о ситуации в других регионах], и эти миссии дали нам возможность самим увидеть и узнать». Также они говорили, что получившиеся в результате сюжеты (для телевидения, радио и прессы) внесли вклад в заполнение информационного вакуума, питаю-

щего стереотипы и непонимание в их обществах. Миссии прекратились с прекращением финансирования программы. Несколько человек высказали по этому поводу глубокое сожаление и просили об их продолжении. Был высказан совет организовать миссии несколько иначе в случае, если они будут продолжены. По словам нескольких человек, было бы хорошо составить график поездок на полгода – можно включить туда предполагаемые важные события, такие, как выборы или годовщины – чтобы у участников было время для тщательной предварительной подготовки и они ехали на место достаточно информированными. В качестве альтернативного (или дополнительного) варианта было бы полезно разработать процедуры – вместе с четкими критериями, в каких ситуациях их следует применять – для быстрой организации миссий в ответ на важные события, чтобы обеспечить их освещение на месте, в реальном времени.

Один из вопросов, требующих рассмотрения в связи с будущим этого направления работы: сможет ли оно продолжаться в рамках других программ? Несколько человек отметили, что многие грузинские и абхазские молодые журналисты стали сотрудниками «Панорамы» – газеты, работающей в рамках совместной программы IWPR и CR. Это хороший пример того, как программа IA помогла подготовить почву для дальнейших инициатив. Как объяснил один из журналистов:

Пять лет назад эта газета была бы невозможна. Главная цель «Панорамы» – давать информацию; мы договорились, что будем воздерживаться от личной интерпретации и просто сообщать о событиях в области культуры, политики и экономики. Мы считаем, что такая информация будет способствовать началу перемен в морально-этическом пространстве грузино-абхазской ситуации, поскольку поможет людям стать более толерантными. Хотя в этом есть определенное ограничение, я думаю, что нам все еще будет очень трудно публиковать аналитические статьи о конфликте и перспективах его урегулирования. Тем не менее, тот факт, что мы можем работать вместе – и показать нашим читателям, что мы можем работать вместе – важен уже сам по себе. Та совместная работа, которую мы начали во время журналистских семинаров по проекту

ИА, подготовила журналистов с психологической и морально-этической точки зрения участвовать в работе «Панорамы».

Помимо этой миротворческой инициативы, многие – если не все – журналисты, по сообщениям, активно работают в своих СМИ, где внедряют свои идеи и подходы, а также в других проектах. В результате складывается впечатление, что эта инициатива внесла ценный вклад в среднесрочное и долгосрочное развитие «журналистики, чувствительной к конфликтам» в Грузии и Абхазии, а также на Кавказе в целом.

7.2 Женское направление

Женщины как социальная группа с самого начала были одним из приоритетов грузино-абхазской программы. На это есть многочисленные и сложные причины; по словам абхазской женщины:

В целом женщины не принимали достаточного участия в политических и гражданских структурах кавказского общества. ... Но если мы хотим демократии, очень важно вовлекать женщин. На протяжении последних пятнадцати лет мы видим культуру милитаризма и отсутствие культуры мира – и эти качества продолжают играть очень негативную роль. Женщины культивируют милитаризм и в своих семьях и в школах, потому что в образовании в основном работают женщины. Если мы хотим решить эти давние проблемы, нужно обратить особое внимание на роль женщин и гендерных вопросов.

Большинство участников указали, что развитию этого направления способствовала активная работа на предыдущих этапах. В центре внимания стоит работа с женщинами региона по повышению их самосознания и уверенности в своих силах; это направление более четко, чем другие, ориентировано на политические процессы и работу с политиками. Двумя центральными моментами деятельности стали создание и развитие Лиги женщин Кавказа, а в грузино-абхазском контексте – организация встречи с высокопоставленными политиками, направленная на то, чтобы голос женщин – представительниц гражданского общества – звучал в политическом мирном

процессе. Это направление работы отчасти развивалось под влиянием программы IА «гендер и построение мира», в рамках которой была инициирована кампания Women Waging Peace («Женщины, борющиеся за мир») и имелись ресурсы на проведение встреч кавказских женщин и обучение подходам к работе с политиками, а также на содействие активному участию женщин в мирном процессе.

7.2.1 Встреча в Замке Фарнем для обсуждения гарантий безопасности

Одним из ключевых мероприятий женского направления была организация семинара под эгидой IА в Замке Фарнем в июле 2003 г. На встречу были приглашены министры и другие высокопоставленные лица, участвующие в официальных мирных переговорах; целью встречи было обсудить значение понятия «безопасность» и то, какие меры требуются для ее обеспечения. Участники работали над вопросами безопасности и построения доверия в общем контексте военных действий и в плане конкретных мер повышения уровня безопасности в Гальском районе.

Одна из координаторов рассказала о том, как участницы готовились к проекту. Она подчеркнула постепенное формирование чувства общности у женщин— представительниц гражданского общества, которые создали общую платформу, чтобы обратиться к политикам от имени своих сообществ.

Когда проект еще только начинался, у нас [координаторов с грузинской и абхазской сторон] и в мыслях не было, что мы можем проводить встречи с политиками. Год спустя мы почувствовали, что это может произойти, но нужно готовиться. Мы знали, что это может произойти только если между нами будут открытые, честные и доверительные отношения, чтобы мы могли быть уверены, что действуем вместе как одна команда. Появилось чувство, что «мы» готовимся говорить с «ними» (политиками). Кроме того, если мы собирались встречаться с политиками, мы должны были предложить им нечто большее, чем еще одну возможность “засветиться перед камерами”. Мы поняли, что если нам нечего будет сказать, мы упустим эту

возможность, и тогда все дальнейшие инициативы будут более трудными, потому что нас не станут принимать всерьез.

Со всех точек зрения состоявшиеся дискуссии были серьезными и стали важной вехой на пути формирования непосредственных каналов связи между женщинами-миротворцами гражданского общества и политиками, принимающими решения в рамках конфликта. Обсуждался целый ряд новаторских идей, в том числе в связи с осуществлением целого ряда небольших шагов по построению мер доверия. Эти дискуссии вселили во многих участниц надежду на то, что можно сделать очень многое в плане формирования идей и действий по этим важным вопросам. При этом несколько человек отметили трудности, которые не позволили предпринять необходимые шаги сразу после встречи. Поскольку встреча произошла в самом конце проектного цикла, было трудно получить финансирование и другие нужные ресурсы, чтобы немедленно начать исследования, которые должны были лечь в основу более глубокого анализа и рекомендаций по комплексному подходу к гарантиям безопасности, как это обсуждалось на семинаре. Кроме того, между главными партнерами продолжалась дискуссия по поводу путей продолжения работы по проблеме безопасности в Гальском районе, особенно с точки зрения общего понимания роли тех людей, которые сами не из этого района.

При этом очевидно, что семинар привел к целому ряду косвенных результатов. Например, участница из Гальского района, грузинка по национальности, сказала, что семинар в Фарнеме был поворотным моментом в ее работе. До этого она работала с местной администрацией, но редко имела возможность контактов с политическими лидерами в Сухуме/и и Тбилиси. «Для меня было бы невозможно на официальном уровне встретиться с официальными лицами в Сухуме/и и высказать им свое мнение о нашей ситуации. Но после того, как я провела четыре дня в беседах с ними в Фарнеме, мы начали понимать друг друга. Они увидели, что меня волнуют практические проблемы людей, которые здесь живут». С тех пор она встречалась с министром иностранных дел в Сухуме/и для последующего обсуждения вопросов, поднятых в Фарнеме, и продолжала поддерживать контакты в рамках неофициального политического диалога. Также, судя по всему, министр поддержал ее инициативы

народной дипломатии. Это показывает, как подобные семинары дают возможность установления и последующего развития важных контактов, которые в ином случае было бы трудно инициировать.

7.2.2 Лига женщин Кавказа

До начала этого этапа программы ИА была проведена конференция под названием «Женщины Южного Кавказа участвуют в построении мира», итогом которой стало подписание декларации о создании Лиги женщин Кавказа. На начальном этапе программы ИА эта идея получила дальнейшее развитие. По словам одного из респондентов: «Этот проект дал нам блестящую возможность развивать Лигу женщин, – именно то, что мы собирались делать. ИА удалось создать в регионе очень демократичную рабочую структуру. Все было очень полезно, хотя что-то прошло более, что-то менее успешно».

Несколько человек отметили, что Лига заложила важную основу женских миротворческих сетей на Кавказе. По словам одной из участниц: «Мы создали Лигу, потому что хотели собрать женщин и посмотреть, что мы можем сделать, чтобы предотвратить будущие войны.» Наблюдатель из международной организации отметил, что женские подходы к общественной мобилизации обретают все большую силу.¹¹ Кроме того, женщины – лидеры НПО взаимодействуют между собой, что имеет важное значение для формирования международных программ. Многие женщины-лидеры поддерживают друг друга и осуществляют совместные проекты.

Центральное направление работы Лиги женщин Кавказа не всегда легко определить. По словам одной из респонденток: «В центре нашей работы – мобилизация общественного мнения и политической воли [advocacy]. Это было в центре внимания на втором семинаре. В связи с этим возникли дебаты среди наших участниц, которые отстаивали разные ценности и позиции относительно взаимодействия

¹¹ В других регионах мира такие сети сыграли важную роль в мобилизации быстрого ответа на угрозу эскалации конфликта и в поддержке мирных переговоров. Например, в Западной Африке женские сети способствовали тому, что воюющие стороны в Сьерра-Леоне и в Либерии сели за стол переговоров. Также они активно поднимали гендерные вопросы в контексте конфликта и мирных переговоров, добиваясь, чтобы результат отвечал нуждам всего населения.

между гражданским обществом и политикой». Другая респондентка говорила том, как важна солидарность в работе и общественный диалог. Приводя пример «передвижной бригады» – методики, которая использовалась в Южной Осетии, где местный координатор Лиги организовала группу представителей из разных регионов для встреч со спикером парламента, НПО, местными женщинами и даже жителями труднодоступных горных районов, она говорила о способности Лиги вдохновлять и активизировать гражданское общество в разных частях региона. Такой подход основан главным образом на просвещении общества и стратегиях народной дипломатии.

Тем не менее, сам по себе факт, что женщины из регионов конфликта на Кавказе активно взаимодействуют между собой, очень важен. «Главная ценность – в самом процессе; каждый этап рождается из предыдущего этапа. Это позволило нам установить четкие приоритеты деятельности, и организация функционирует. Мы считаем это большим достижением». Такие действующие сети способствуют формированию социального капитала и горизонтального взаимодействия, способных заложить основу для трансформации конфликтов в регионе.

7.2.3 Будущие направления

Хотя женское направление способствовало как развитию активного взаимодействия и формированию партнерских отношений, так и получению более конкретных результатов, координаторы продолжают анализировать недоработки и участки, требующие дальнейшего развития. Наиболее значительным из них представляется необходимость активнее работать с обществом с каждой стороны, чтобы вовлечь в процесс еще большее число женщин и мужчин.

По словам одного из координаторов, им нужно разработать четко сформулированную стратегию, которая дала бы им возможность более активно работать: (a) со своим обществом, вовлекая людей в активную работу и обмен идеями и (b) по обе стороны конфликта и в общекавказском контексте для поиска взаимопонимания и общих подходов. Несколько женщин в Абхазии подчеркнули необходимость активно вовлекать большое число местных женщин в обсуждение проблем. Одна респондентка также отметила первоочередную важ-

ность мобилизации женщин для более эффективного участия в политике и принятии политических решений. Несколько женщин в Грузии указали, что хотя женское движение и развивается, нужно вовлекать в обсуждение проблем, связанных с конфликтом, более широкие общественные круги – возможно, путем проведения учебных семинаров в разных регионах. Также была подчеркнута необходимость искать пути взаимодействия с властью.

По словам одной из респонденток: цель женского направления – работа с женщинами: «но возможно, мы отчасти пожертвовали работой в наших сообществах ради работы в Лиге». Другая отметила: «Многие женщины с нами работают, но большинство из них вынуждены делать выбор между работой и семьей – нам нужно решить, куда мы направим наши силы: к примеру, на деятельность Лиги женщин, работу в своем обществе, работу с грузино-абхазским конфликтом или в общекавказском контексте». Здесь трудно найти баланс, и предпочтения могут быть различными, в зависимости от многих факторов. Одна респондентка в Грузии выразила надежду, что «в будущем работа, сосредоточенная в Грузии и Абхазии, не будет приноситься в жертву общекавказскому формату, хотя мы надеемся, что используемые нами принципы будут ими приняты», а женщина в Абхазии заметила: «Хотя абхазская сторона просила расширить общекавказский формат, мы пока не нашли необходимый баланс».

Координаторы выразили мнение, что на следующем этапе эти вопросы следует тщательно обсудить и положить в основу разработки общих стратегий. Эти решения должны быть отражены в бюджете и других аспектах работы по проекту. Это особенно важно потому, что по словам одного координатора, на предыдущем этапе было легче найти средства в бюджете на большие встречи, чем на работу с местными сообществами. Хотя она считает эти встречи чрезвычайно полезными, тем не менее ей кажется, что ресурсы использовались бы более эффективно, если бы часть денег выделили на работу на местном уровне, которая часто требует меньших затрат, хотя и не так легко поддается измерению. Эта проблема будет далее обсуждаться в Разделе 8.4.

Еще одна высказанная респондентами мысль о дальнейшем развитии этого направления состоит в том, что следует изменить его

концепцию: не “женщины и конфликт”, а “гендер и конфликт”, хотя работа с женщинами по-прежнему будет в центре внимания. Участницам этого направления также хотелось бы, чтобы гендерный аспект был включен и в работу других направлений.

7.3 Направление «участников войн»

Это направление работы претерпело значительные изменения по сравнению с первоначальным замыслом. Задуманное первоначально как основа для построения доверительных отношений между теми, кто участвовал в войнах на всей территории Кавказа, оно дало начало нескольким направлениям. Деятельность по проекту была сосредоточена вокруг специфических сообществ – писателей и людей с ограниченными возможностями – путем контактов с теми представителями этих групп, которые участвовали в войнах – а также включала в себя проведение в каждом обществе мероприятий, в которых люди участвовали в первую очередь в силу своего опыта комбатантов.

Как это часто бывает в миротворческих программах, эта стратегия сформировалась после того, как стало невозможным проводить общекавказские встречи экс-комбатантов из-за второй чеченской войны и обострения напряженности в российско-грузинских и грузино-абхазских отношениях. Координаторы нашли другие пути работы с этими сообществами в рамках проектов менее чувствительного характера, где легче было найти точки соприкосновения и развивать общение. Эти проекты быстро обрели значимость и законченность сами по себе, как будет показано ниже. Однако это означало, что инициативы построения мер доверия, направленные конкретно на установление контактов между участниками боевых действий в рамках грузино-абхазского конфликта, не получили такого развития, как в других направлениях. Координаторы планируют далее развивать эту работу на следующем этапе.

Один из вопросов, поднятый в ходе мониторинга, касался использования термина «экс-комбатант»; различие точек зрения по этому вопросу хорошо иллюстрирует трудности этой работы. Многим абхазам этот термин кажется неправильным, так как приставка «экс» означает некий прошлый статус, возврата к которому нет. Поскольку

в Абхазии по-прежнему сильна озабоченность по поводу вероятности нового военного вторжения, многие считают, что они должны сохранять “боевую готовность”, включая возможность в будущем снова стать комбатантами. Напротив, многие из грузинских экс-комбатантов – участников программы, желая подчеркнуть свой отказ от использования военной силы, считают этот термин подходящим и с описательной, и со смысловой точек зрения. Кроме того, учитывая, что многих жителей Абхазии война затронула самым непосредственным образом, некоторые респонденты, в особенности абхазские координаторы, считают более уместным называть это направление “участники войн” и включить в него как комбатантов, так и других людей, игравших самые различные роли. Решение этих вопросов и формирование общей платформы – непростая задача, но очень важная для долгосрочных целей трансформации конфликта, и она несомненно сохранит свою актуальность на следующем этапе работы.

7.3.1 «Экс»-комбатанты

После первой удачной встречи в 1999, на которую собрались представители ветеранских ассоциаций и сетей со всего Кавказа, считалось, что создана возможность для построения сети, в рамках которой осуществлялся бы диалог, меры построения доверия и даже совместные миротворческие проекты. Однако упомянутые выше внешние обстоятельства крайне затруднили эту задачу. В результате это направление работы стало развиваться несколькими разными путями. При этом на встрече, организованной ИА и Кавказским форумом в декабре 2003 г., собрались некоторые из первых участников, а также новые люди, чтобы обсудить существующие проблемы и возможные варианты будущей работы. Создается впечатление, что сейчас открылось больше возможностей для возобновления деятельности в общекавказском контексте.

Грузинские экс-комбатанты, работавшие по данному направлению, сосредоточили усилия главным образом на своем сообществе. Абхазские координаторы и новые партнеры с грузинской стороны развивали работу с писателями и людьми с ограниченными возможностями, как будет подробнее изложено ниже.

Грузинский клуб экс-комбатантов

Клуб экс-комбатантов был сформирован как сеть, состоящая главным образом из грузинских перемещенных лиц, воевавших в ходе вооруженного конфликта. Цель клуба – “помочь в поиске мирного урегулирования” с упором на достижение перемен в грузинском обществе. Программа уже несколько лет поддерживает эту группу, зарегистрировавшуюся как общественная организация в мае 2003 г., и внесла большой вклад в формирование ее институционального потенциала. Сейчас у клуба есть хорошо оснащенный офис, дающий возможность проводить встречи, мероприятия, тренинги, а также пользоваться интернетом. Эти ресурсы ценны сами по себе для социального развития этого сообщества, но что еще важнее, они дают возможность членам клуба и другим заинтересованным людям участвовать в работе по построению мира.

В рамках этой миротворческой деятельности были проведены многочисленные публичные мероприятия и дискуссии в Тбилиси и других частях страны, где есть большие сообщества перемещенных лиц. Также была сформирована коалиция с семью другими сильными грузинскими организациями (главным образом группами экс-комбатантов), разделяющими основные цели и идеалы клуба. Их цель – просвещать и информировать своих членов и общество в целом о мирных путях урегулирования конфликта, а со временем – вносить рекомендации и участвовать в формировании политики. Им хотелось бы активнее вести работу с властью и обществом, показывая им, что большое число людей, участвовавших в войне, не поддерживают милитаризм в какой бы то ни было форме и будут протестовать против военного вторжения. По словам одного из респондентов: «Нас даже власти начинают воспринимать как реальную силу, и мы собираем тысячи подписей под нашими обращениями». При этом они указывают на то, что другие ветеранские ассоциации в Грузии крупнее и более авторитентны. По словам одного из респондентов: «Если бы мы захотели сделать заявление о безопасности Абхазии, нам пришлось бы лоббировать парламент, и это было бы очень эффективно, но и очень трудно. Нам сначала надо подготовиться».

Они считают, что для получения максимального эффекта от своей работы им нужно продолжать расширять базу поддержки в

разных регионах. Они хотели бы создать сеть клубов во всех основных сообществах перемещенных лиц, куда могли бы прийти экс-комбатанты за психо-социальной реабилитацией и поддержкой, где они могли бы участвовать в тренингах и в инициативах по трансформации конфликта. Они также считают, что это будет способствовать формированию в этих сообществах демократической культуры.

На сегодняшний день у них не было совместных проектов в партнерстве с абхазскими организациями. «Но партнерства – не самоцель, как и семинары. Нам нужно добиться понимания в нашем собственном сообществе, что к миру идут мирными путями. Когда пытаешься решить трудную проблему, нужно сначала подготовиться и задать вопрос, кто стоит с тобой рядом».

Хотя приоритетной для грузинских экс-комбатантов остается работа в своем сообществе, они отметили, что также хотели бы активнее работать в общекавказском формате, и примером в этом им служит работа Лиги женщин.

Идеи будущей работы

В ноябре и декабре 2003 г., благодаря участию вначале в организованной ИА встрече по стратегическому планированию, а затем на встрече экс-комбатантов Кавказа, появились возможности для диалога между экс-комбатантами из Грузии и Абхазии и других частей региона. Хотя сами дискуссии были обнадеживающими, впоследствии возникли трения в связи с освещением этой темы в прессе – как из-за вскрывшегося различия во взглядах, так и из-за рискованной ситуации в отношении некоторых участников – и это показало, насколько трудной будет такая работа и как важно подходить к ней с должной осторожностью и без лишней поспешности.

Тем не менее, в результате встречи в декабре 2003 г. большинство участников подтвердили важность продолжения таких дискуссий. Также было высказано несколько идей о совместных инициативах, которые можно было бы развивать в рамках их работы. Эти инициативы, по мнению участников, могли бы внести важный вклад в построение мер доверия и достижение безопасности:

- Поиск информации о тех, кто до сих пор числится «без вести пропавшим» – возможно, в рамках сотрудничества с ассоциацией матерей
- Миссии мониторинга в районах, охваченных кризисом, где комбатанты могли бы совместно изучать ситуацию, и составленные ими доклады могли бы способствовать выяснению фактов. Самим своим присутствием они потенциально могли бы способствовать ослаблению кризиса, поскольку стали бы источником достоверной информации в ситуации, где слухи легко могут привести к панике и разжиганию вражды.

Один из наших собеседников отметил, что хотя эти идеи довольно амбициозные, если их правильно реализовать, они могли бы принести важные результаты благодаря своей направленности на реальные нужды людей. Также участники считают, что осуществить эти инициативы им поможет то, что они находятся в уникальном положении с точки зрения доверия к ним людей.

7.3.2 Писатели.

Одним из наиболее весомых результатов программы стала недавно опубликованная антология рассказов писателей Южного Кавказа. Этому направлению дала начало идея вовлечь писателей, пользующихся высоким статусом у всех народов Южного Кавказа и влиянием на взгляды и ценности своих читателей, в освещение своего личного опыта конфликта. Поскольку общества все более отдалялись друг от друга в течение последнего десятилетия, когда, по словам одного из координаторов, «у нас было пять национальных литератур и три конфликта», участники проекта решили, что будет очень полезно сотрудничество с писателями – представителями каждой из этих литератур. Координаторы разработали концепцию антологии, основная идея которой – проявление человеческой доброты в экстремальных условиях, созданных войной и конфликтом. Упор делался на создание художественных произведений не столько О ВОЙНЕ, сколько направленных ПРОТИВ ВОЙНЫ. Важное значение придавалось как процессу работы, так и результату – публикации книги.

Чтобы инициировать проект, координаторы вместе отправились в поездку по Южному Кавказу – они приглашали писателей к участию в проекте, а также давали интервью и проводили публичные выступления о роли писателей как миротворцев. Несколько человек отметили эффективность этого процесса, в котором символизм ситуации, когда абхаз и грузин работают вместе, сам по себе был ярким мирным посланием, особенно сильно звучащем в таких местах, как Карабах и Южная Осетия. Очевидно, что их поездка привлекла внимание местных СМИ и могла в какой-то степени повысить в обществе осознание проблемы.

Несколько респондентов считали, что общественный резонанс, вызванный как процессом, так и книгой, сохранится надолго в силу своего “демонстрационного эффекта”. Многие респонденты высказали предположение, что из всех результатов работы по программе наибольшее влияние на общество в целом окажет именно эта книга. Большинство писателей хорошо известны. Это помогает популяризации идей, которые они стремятся довести до читателей в своих рассказах; это также повышает известность и легитимность совместных проектов между участниками с обеих сторон конфликта.

Поскольку книга была издана незадолго до исследовательской миссии, судить о реакции на нее общественности пока что рано. Планируется провести публичные презентации книги в основных городах Южного Кавказа с участием как можно большего числа авторов, чтобы привлечь внимание к книге и ее главной идее. Однако это, по-видимому, будет непросто, учитывая полярность взглядов во многих обществах относительно того, кто был жертвой и кто агрессором в конфликте.

7.3.3 Люди с ограниченными возможностями

Этот проект первоначально родился из совместной работы с активистами, занимавшимися реабилитацией людей с ограниченными возможностями войны. Затем эта деятельность приобрела собственный импульс и стала включать в себя всех людей с ограниченными возможностями, будучи основанной на философии независимой жизни. Этот основополагающий принцип и подход обусловили возможность создания прочной основы для взаимодействия абхазс-

ких и грузинских организаций, работающих в области прав людей с ограниченными возможностями и объединенных общим опытом отторжения со стороны общества. Также у проекта выраженный гендерный акцент: поскольку мужчин-людей с ограниченными возможностями, как правило, стремятся опекать, участники решили, что важно включить в работу и женщин.

В Абхазии эта деятельность сосредоточена в Центре реабилитации (Ассоциация инвалидов-спинальников). Благодаря поддержке различных организаций и все большей уверенности в реализации поставленных целей, эта работа получила дальнейшее развитие в нескольких успешных проектах в Абхазии, включая группу взаимопомощи, получение образования через интернет, участие в законодательстве для продвижения идей независимой жизни и просветительскую работу с обществом.

В 2001 г. ИА и Кавказский форум организовали в Москве семинар, в котором участвовали представители 11 регионов Кавказа. Они встретились с российской организацией, имеющей большой опыт реализации принципов независимой жизни людей с ограниченными возможностями. По словам одного из участников,

Это была очень важная встреча. Помимо того, что мы узнали о новых подходах, мы все поняли, как важно отстаивать наши права. Мы решили создать сеть и организовать коалицию [организаций Кавказа, работающих в области прав людей с ограниченными возможностями]. Нам удалось многое сделать в Абхазии, Грузии и Армении, а также отчасти в Азербайджане. Но оглядываясь назад, мы понимаем, что нам не доставало знаний о том, как поддерживать сеть, и нам было трудно поддерживать связь – особенно из-за того, что мы потеряли контакты с организациями, не имеющими доступа в интернет. Мы надеялись провести последующую встречу по стратегическому планированию, но она так и не состоялась. Не имея хорошего международного координатора, нам трудно поддерживать эту работу.

Однако важно то, что благодаря этим встречам и контактам появились другие партнерства. Есть вероятность того, что Всемирный

институт по проблемам инвалидности и российская общественная организация «Перспектива» в дальнейшем будут работать с Сетью людей с ограниченными возможностями Кавказа. По словам одного из респондентов, «хотя они не совсем хорошо понимают проблемы конфликта, которые сформировали наш опыт и теперешнюю ситуацию, мы просветим их по этим вопросам». Складывается впечатление, что эта кавказская сеть, созданию которой способствовала реализуемая ИА грузино-абхазская программа построения мер доверия, будет продолжать работу при поддержке других специализированных организаций.

Возможно, этот подход является наиболее правильным, учитывая неизбежную ограниченность ресурсов. ИА и Кавказский форум сыграли им присущую уникальную роль – помогли сблизиться людям, разделенным многочисленными конфликтами, создали условия и процессы, способствующие конструктивной деятельности, и познакомили их с другими международными партнерами, которые обладают специальными ресурсами для дальнейшей поддержки такой деятельности. При этом было бы полезно более четко предвидеть эти различные роли, указывать на них и встраивать их в свою будущую стратегию.

7.4 Направление историков

Это направление, начатое в 2003 г., было сосредоточено на роли историографии в конфликте и тому, как историческая наука участвовала в формировании восприятия и идеологии конфликта. Многие считают, что чересчур политизированная историография сыграла негативную роль в развитии конфликта в регионе и будет и дальше оставаться крайне чувствительным аспектом конфликта и препятствием на пути восстановления мира.

Инициатором направления были абхаз и грузинский историк, организовавшие встречу ученых-историков Грузии и Абхазии в Москве в мае 2003 г. Организаторы ожидали, что участники отнесутся к теме дискуссии с большой осторожностью, однако ученые быстро перешли к обсуждению трудных и противоречивых вопросов. Важным результатом было то, что дискуссия была по большей части кон-

структивной и выявила широкий диапазон толкований, которые различались как у представителей разных сторон, так и с каждой стороны. Участники сделали вывод, что такие дискуссии можно с пользой продолжить, возможно, организовав их в форме углубленного обсуждения исторических моментов, имеющих особое значение в контексте конфликта. Организаторы считают, что более строгое и детальное понимание таких моментов со временем поможет сформировать адекватное представление об исторических взаимоотношениях между народами. Цель состоит в том, чтобы исторические толкования не были столь идеологизированными и были основаны на современных научных методах и подходах, а также чтобы воспитать на этих методах новое поколение историков. Участники выделили конкретные меры, которые помогли бы укреплению доверия. Самой заметной из них было бы предоставление абхазским историкам доступа к Тбилиским историческим архивам, поскольку архивы в Сухуме/и были уничтожены во время войны, и эта трагедия серьезно помешала научно-исследовательской работе.

Видимо, в силу особой чувствительности рассматриваемых вопросов, это направление привлекло к себе немалое внимание и вызвало неоднозначное отношение. Разногласия возникли по поводу того, следует ли публично заявлять о новых инициативах либо начинать их без особой огласки, а также кто может быть инициатором новых видов деятельности. Хотя создается впечатление, что среди историков высок интерес к этой работе и все согласны, что ее следует продолжать, может потребоваться дальнейшее обсуждение путей дальнейшего развития данного направления.

7.5 Работа в районах прекращения огня

В течение последнего года данной программы IA было начато новое направление работы по взаимодействию с активистами гражданского общества в районах прекращения огня в Грузии / Абхазии. На первом этапе эта деятельность была сосредоточена на абхазском берегу р. Ингури, в гг. Гал/и, Очамчира и Ткварчел/и. Эти населенные пункты – особенно Гальский район – в особой степени страдали от последствий войны, оторванности от внешнего мира и продол-

жающихся угроз безопасности. И грузинские, и абхазские политические лидеры согласны с тем, что необходимо решать проблемы жителей этих районов. Но до сих пор почти не предпринималось инициатив по построению мер доверия с их участием. По этим причинам укрепление потенциала гражданского общества путем участия в практической проектной деятельности и создание возможности для диалога и совместной работы в районах прекращения огня считается особенно важным стратегическим компонентом инициатив по трансформации конфликта.

Это направление было официально начато на семинаре по развитию потенциала гражданского общества в Пицунде в феврале 2003 г., в котором участвовали 34 абхаза и грузина из этих районов. До начала семинара местное контактное лицо / координатор и ИА провели широкие консультации на местном уровне с целью отобрать участников, проинформировать их об инициативе и ответить на возникающие у них в связи с этим вопросы. В отдельном докладе¹² рассказано об этом процессе и о ходе семинара, во время которого проводились сессии по конфликтологии и построению доверия, наряду с более традиционными занятиями по развитию навыков управления проектами НПО. Семинар был уникальным мероприятием, поскольку впервые в такой инициативе совместно участвовали абхазы и грузины из регионов прекращения огня в таком масштабе. Помимо того, что на нем была заложена основа для дальнейшей деятельности по построению мер доверия, он также дал начало программе мини-грантов по поддержке проектов, идеи которых были разработаны участниками семинара.

ИА были установлены четыре основные краткосрочные цели работы в районах прекращения огня:

1. Повышение уровня доверия между представителями гражданского общества районов, прилегающих к линии прекращения огня.
2. Укрепление потенциала представителей гражданского общества, чтобы они могли повлиять на тех лиц и группы, которые на мес-

¹² Magdalena Frichova “Report on International Alert’s Engagement in the Cease-fire Line Regions of Georgia and Abkhazia” International Alert Internal Report, April 2003.

тном уровне могут повлиять на стабильность в этих районах, а также вести миротворческую деятельность в контексте конфликта в целом.

3. Укрепление и расширение связей между населением районов. Развитие диалога между обществами по обеим сторонам конфликта – как в плане межэтнических границ, так и вопросов политического контроля.
4. Привлечь внимание к ситуации в этих районах и изменить на более позитивные установки характерное для населения Гальского района восприятие себя в качестве жертв.

Когда мы встретились с несколькими участниками проектов в середине января 2004 г., работа шла полным ходом. Из их комментариев складывалось впечатление, что предварительный семинар помог в достижении первой и третьей целей. Такое начало работы было очень конструктивным, и респонденты выразили интерес в продолжении и углублении взаимодействия при условии внимательного и деликатного подхода. Хотя некоторые участники продолжали поддерживать контакты с теми, кого узнали на семинаре, непосредственная деятельность по проектам, финансируемым программой (и относящимся ко второй и четвертой целям) была, по-видимому, более актуальна для них в тот момент.

Мы слышали множество примеров того, как проекты в Гале/и, Очамчире и Ткварчеле/и укрепляют позиции гражданского общества в глазах местного населения и помогают достигать важных перемен в условиях жизни людей. Примечательно, что в каждом из трех городов нам рассказали о том, как прошло празднование Нового Года – впервые после войны. Это воспринималось как признак возвращения к нормальной жизни, которая состоит не только из повседневной борьбы за выживания, но также из радости и творчества.

Проект Ткварчельской молодежной инициативы помог организовать праздник в городе. На средства программы был отремонтирован парк аттракционов в центре города, где выросло целое поколение детей, не знавших, что такое карусели и качели. В канун Нового года в парк аттракционов привели своих детей жители города и окрестных сел. (Доказательством высокой оценки этой инициативы

служит тот факт, что когда оборудование от интенсивного использования сломалось, местные власти разрешили организации не платить за электроэнергию, а местная фабрика подарила организации деталь, необходимую для ремонта сломавшейся карусели, размонтировав один из лифтов в своем административном здании). Если создание парка аттракционов стимулировало общественную жизнь в городе, другие выполненные организацией проекты преследовали более глубокую задачу воспитания гражданских ценностей. В ходе этих проектов: (а) в молодежной автошколе (в течение 11 лет со времени войны подобные школы отсутствовали) учеников обучали вождению автомобиля, одновременно воспитывая уважение к правилам и нормам безопасности; (б) ведется работа по интеграции детей с отставанием в развитии в местных школах, что подчеркивает важность соблюдения прав уязвимых групп и недопустимость их отторжения от общества; (с) фонды местной библиотеки пополняются детскими книгами – как вклад в образование будущего поколения. В Очамчире главным партнером является Дом молодежи, где проводятся внешкольные программы для молодежи всех возрастов, которые стимулируют их знания и одновременно помогают преодолеть психологические последствия войны. Организация получила помощь в расширении своей работы и охватила детей и семьи из прилегающих сел, у которых раньше не было возможности приехать в город, а некоторые не могли даже посещать школу. В Гальском районе проект помогает финансировать кризисный центр, где работает психолог и проводятся консультации.

Эти небольшие инициативы способны произвести огромный резонанс в обществе, пострадавшем от войны, а затем в течение целого поколения находившемся в изоляции. Одной из поразительных особенностей проектов, которые мы посетили, был неугасимый заряд энергии и творческий подход ко всему, что они делают. Такая деятельность способна создать условия, в которых местное сообщество обретет больше уверенности в своем будущем и станет более открытым для контактов и взаимодействия. Также благодаря этой работе люди понимают, что они могут сами претворять свои инициативы в жизнь, причем не обязательно под эгидой местных властей, а это является важной предпосылкой для формирования демократи-

ческой культуры. Кроме того, на стратегическом уровне тот факт, что эти инициативы осуществляются организациями гражданского общества, способствовал повышению доверия к ним со стороны местных властей и населения, поскольку их польза очевидна. Можно предположить, что со временем этот уровень доверия поможет организациям реализовать и другие мирные инициативы – в том числе и воспринимаемые не столь однозначно. По словам одного из респондентов: «Когда мы впервые начали этим заниматься [несколько лет назад], люди относились очень подозрительно – говорили, что я шпионю. Но теперь, когда они видят, что наша работа приносит пользу людям, ее стали ценить. ... Мы также чувствуем большее уважение местных властей». По словам другого: «Люди смотрят на нас с надеждой – они начинают понимать, что могут сами сделать свою жизнь лучше».

Один из наблюдателей хорошо охарактеризовал эти проекты: «Такой проект – как двери: тот факт, что люди становятся более активными в общественной жизни и начинают думать о том, как изменить свою жизнь к лучшему, приводит к серьезным, хотя и не сразу заметным переменам. Если все фрагменты сложить вместе, получится мозаика – картина пробуждения гражданской активности».

В будущем, помимо поддержки такого рода инициатив, возможно, потребуется создание условий для развития контактов и доверия между различными сообществами, поскольку именно сочетание работы внутри сообществ и взаимодействия между сообществами способно обеспечить авторитет и влияние таких инициатив в долгосрочной перспективе. По словам одного из респондентов: «IA сыграла важную роль как донор, но не менее важно было и то, что они помогли нам узнать друг о друге – и различным районам Абхазии, и регионам Грузии. Они помогли нам начать эту работу, и теперь люди знают друг друга». По словам другого: «В Пицунде я научился смотреть на проблему с другой стороны. Я познакомился с абхазами и увидел, что мосты между нами не разорваны. Это немного облегчает боль у нас в душе».

Тем не менее сохраняются существенные различия во взглядах и подходах. Самые очевидные касаются вопроса интеграции людей, возвращающихся из Грузии в Гальский район, и взаимоотношений с

грузинскими НПО. По целому ряду социокультурных, политических и технических причин некоторые грузинские партнеры из этого региона склонны более активно взаимодействовать с грузинскими НПО, в то время как некоторые абхазские партнеры подчеркивают важность взаимодействия с абхазскими организациями. Как сказал один из активистов гражданского общества в Сухуме/и: «Если Гальский район – это часть Абхазии, то и его жители должны чувствовать себя частью Абхазии». Поскольку решение этих вопросов занимает центральное место в миротворческом процессе, они вряд ли утратят свою актуальность в ближайшее время. При этом важно отметить, что реалистичное понимание и пути решения этих проблем в значительной степени формируются в контексте совместной работы по осуществлению практических инициатив.

7.6 Другая деятельность

Помимо этих продолжающихся инициатив, выполняются несколько отдельно стоящих проектов построения мер доверия, которые не входят в основные направления работы. В мае 2001 г. ИА была организована конференция по «народной дипломатии», посвященная роли гражданского общества в урегулировании конфликтов и мирных процессах. Материалы и дискуссии этой конференции были недавно опубликованы отдельной книгой. ИА предполагает, что эта публикация послужит основой для будущих дискуссий о построении мер доверия, и планирует распространять эту книгу на следующем этапе. ИА также организован перевод с грузинского на абхазский язык известного учебника грамматики абхазского языка Кетевана Ломтатидзе.

8 Проблемы выполнения программы и менеджмента

Как следует из предыдущих разделов доклада, важную роль в успешном построении мер доверия сыграл сам процесс работы по проекту. В центре этого процесса была группа активистов гражданского общества, преданных идее трансформации конфликта, которые сформировали общий замысел программы и определили цели

ее различных направлений и инициатив. При этом между ними сложились взаимоотношения, которые служили примером конструктивного диалога и взаимодействия между людьми с обеих сторон конфликта. Основными принципами были: развитие и поддержка инициатив и коллективная ответственность за реализацию программы в целом и составляющих ее направлений. Хотя партнерам удалось в значительной степени воплотить эти идеи, это оказалось одной из самых непростых задач в ходе программы. Эти задачи и шаги, сделанные на пути их решения, показывают, что «управление программой само по себе является проектом трансформации конфликта». В данном разделе анализируются некоторые из таких проблем и рассматриваются варианты их решения на следующих этапах.

8.1 Структуры управления

Неоднократно высказывались наблюдения относительно того, как развивался со временем характер взаимодействия партнеров между собой и с ИА. Кроме того, в Разделе 4.2.1 анализируются некоторые вопросы, возникшие в связи с Кавказским форумом, который также является важным партнером в общем контексте программы, хотя и не рассматривается подробно в данном исследовании.

8.1.1 Структуры в Грузии

На первом этапе этой программы главным партнером-координатором программы был Международный центр по конфликтам и переговорам (ICCN) в Тбилиси. По окончании первого этапа проекта (1998-1999) было признано, что структура, в которой один и тот же человек отвечает за администрирование и стратегию программы, будет слишком уязвимой в плане давления на нее со стороны грузинского общества. В результате был создан консультативный совет по вопросам стратегии. Этот совет – впоследствии Исполнительный совет Кавказского диалога – стал коллективным администратором программы. Хотя процесс формирования этого органа был долгим и непростым, в результате образован новаторский и, по-видимому, прочный механизм, основанный на коллегиальном принятии решений и регулярной смене председателя пу-

тем ротации. В Совет входят координаторы направлений с грузинской стороны и еще несколько человек из других структур гражданского общества, заинтересованных в данной проблеме. С одной стороны, участие уважаемых людей повышает доверие к инициативе, а с другой стороны, многим из этих людей Кавказский диалог предоставляет институциональную базу и ресурсы, благодаря чему расширяются их возможности. Главная функция Кавказского диалога – включить в процесс разные точки зрения. Как сказал один респондент: «Это как парламент: из-за регионального многообразия Грузии ни один человек не может представлять все многочисленные интересы и руководить всеми».

В ходе интервью члены Совета выразили единодушное мнение, что в целом эта структура функционирует хорошо. Важнейшим фактором было утверждение устава с четкими процедурами принятия решений. В уставе также предусмотрен механизм обмена информацией, благодаря которому работающие по одному направлению программы всегда знают о том, что происходит в других направлениях. Многие члены Совета говорили, что эта структура за время своего существования помогла повысить эффективность их работы. Помимо участия в этой структуре, большинство членов Совета одновременно продолжают заниматься другой работой в своем институциональном качестве.

Возник вопрос о том, в какой степени Совет служит механизмом совместного анализа ситуации конфликта в целом и разработки совместных стратегий ответа на него. Некоторые члены Совета считают, что этому аспекту можно было бы уделить больше внимания в будущем. Другой вопрос касался состава членов Совета, значительную часть которого составляют представители сообщества перемещенных лиц, а также грузины, лично связанные с Абхазией. Многие считают, что это путь к усилению “мирного электората” среди этой важной группы. Также существует мнение, что полезно было бы укрепить связи с другими секторами и организациями гражданского общества Грузии, чтобы более тесно взаимодействовать с грузинами из других регионов, которые не так хорошо информированы о конфликте и о текущей ситуации.

8.1.2 Структуры в Абхазии

В Абхазии программу продолжала вести один главный координатор, работавшая при поддержке административного ассистента, на базе Медиа-клуба в Сухуме/и. За различные направления программы отвечают координаторы, работающие в других организациях. Главный координатор видела свою главную роль в передаче информации, управлении финансами, участии в общем процессе, а также в работе координатором деятельности молодых журналистов. В целом высказывалось мнение, что такая компактная структура хорошо себя оправдывала на первом этапе программы, однако по мере развития программы на втором этапе, когда появились новые виды деятельности и пришли новые люди, стало значительно труднее обеспечивать информационный обмен и принятие решений как в плане повседневного менеджмента, так и общего стратегического управления.

Обсуждается вопрос о пересмотре этой структуры на будущих этапах. Один из рассматриваемых вариантов – нанять на работу координатора на полную ставку, который будет помогать координаторам направлений (продолжающим работать как и раньше), и сформировать консультативный совет для разработки стратегии и осуществления общего руководства.

8.1.3 Роль *International Alert*

Большинство респондентов высказали одобрение по поводу того, как IA развивает свою роль и в целом выступает фасилитатором процесса. Все согласны с тем, что решение IA о том, чтобы инициаторами проектов обязательно были грузины и абхазы, было правильным и полезным. Большинство отметили, что IA играла важную роль, иницируя процессы и мягко помогая их ходу в случае трудностей или задержек. Помимо административной поддержки, IA старалась постоянно, но ненавязчиво помогать продвижению как общего процесса, так и составляющих его проектов – более активно, когда казалось, что процесс затормозился, и менее активно, когда все шло нормально. Время от времени в IA осознавали, что организация становится главным «деятелем», а партнеры участвуют в процессе в мень-

шей степени, а это рискованно и допустимо лишь в строго определенных обстоятельствах. «На первых этапах нас более или менее направляла IA; теперь мы считаем, что работаем более или менее независимо». Замечание одного респондента повторили многие другие: «В тех направлениях, которые активно развивались, IA в основном выполняла роль донора, а в более слабых – роль фасилитатора или посредника».

Однако вопрос о более существенном участии международных координаторов оказался сложнее, и в этом плане существуют различия между направлениями. Несколько респондентов сказали, что направления, которые курировал определенный сотрудник / консультант иностранной организации, развивались лучше, чем те, где такой куратор отсутствовал. Один наш собеседник сказал, что это было главным недостатком направления «участников войн», потому что «без иностранного фасилитатора трудно разработать стратегию, а без стратегии не будет значительных результатов». Кроме того, трудно было держать открытыми каналы общения между участниками, потому что на ранних этапах, когда отношения еще не сложились (плюс различные технические сложности), нужна интенсивная фасилитация. Некоторые абхазские партнеры по этому направлению сообщили, что мало знают о ситуации у грузинских партнеров и наоборот. Интересно, что те направления, которые с самого начала курировал сотрудник IA, стали более сильными и теперь подчеркивают, что для них важна самостоятельность в управлении своей работой.

Несколько человек прокомментировали другие вопросы менеджмента и принятия решений, о чем говорится в следующем разделе. Предполагается, что на будущих этапах уровень общего менеджмента и административной эффективности повысится благодаря тому, что на работу придет программный координатор, который будет жить в регионе. При этом могут возникнуть трудности с поиском опытных людей, способных выполнить функцию куратора. Тем не менее IA понимает проблему и уже создает группу консультантов, способных стать ресурсом для данного процесса; однако поиск сотрудников на длительный срок представляет собой трудную задачу.

8.2 Лидерство и принятие решений

IA и центральное ядро координаторов сознательно стремятся к созданию структуры, обеспечивающей демократическое принятие решений и открытость процессов. Партнеры совместно принимают решения по проектам, планируют пути их выполнения и берут на себя ответственность за свои решения. Для IA важно, чтобы участники считали проекты и приоритеты «своими» и брали на себя ответственность и инициативу. Организация хочет избежать ловушки, в которую попали многие иностранные НПО, которые, будучи каналом поступления финансовых ресурсов, создали неправильную систему оценки потребностей и разработки проектов в ответ на эти потребности. Вместо этого IA поддерживает инициативы, уже разработанные грузинами и абхазами. Цель состоит в том, чтобы стимулировать инициативность и чувство ответственности, не подменяя их указаниями со стороны, а также формировать опыт демократических процессов. Еще один аспект такого подхода – создание модели общей ответственности за программу, аналогичной модели гражданского общества: каждая из трех «сторон» – абхазские партнеры, грузинские партнеры и IA должны договориться между собой о том, как будет осуществляться инициатива, и никто из них не может действовать в одностороннем порядке. В целом этот подход большинство участников считают совершенно правильным. Однако в связи с ним возникли трудности и даже противоречия.

Центральная проблема касается лидерства и связанных с ним обязанностей координации и принятия решений. По словам одного из центральных лиц проекта, речь идет о том, «кто считает себя ведущим процесс и кто считает себя участвующим в процессе». Динамика лидерства и координации проявляется на нескольких уровнях:

- внутри отдельного направления
- в грузинских структурах и в абхазских структурах
- между грузинскими / абхазскими структурами и IA
- между Кавказским форумом и другими общекавказскими форматами
- внутри программы в целом.

По общему наблюдению, используемый в программе метод оказался эффективен для разработки и осуществления тематических направлений – сложности возникли в основном в связи с вопросом ответственности за лидерство в программе в целом. Другие трудности связаны с принятием решений и лидерством в одной из «сторон». Поскольку внутренние процессы уже анализировались в Разделе 8.1, в данном подразделе мы уделим внимание первым двум аспектам.

Внутри каждого из направлений были назначены координаторы с абхазской и грузинской стороны, которые отвечали за общее развитие программы и за повседневную работу по ее выполнению. В ряде случаев направление курировал сотрудник ИА или консультант, который помогал как с содержательной частью, так и с административно-техническими вопросами, дополняя тем самым работу программного менеджера ИА и других. В целом такая организация означала, что существовала небольшая группа людей, отвечающих каждый за «свое» направление.¹³ Хотя в некоторых случаях назначенный координатор менялся (особенно с грузинской стороны), как правило, между ключевыми партнерами по проекту складывались активные рабочие отношения. Кроме того, их роль как лидеров своего направления была для всех очевидна. Это помогло создать условия для реального лидерства и демократического принятия решений; хотя содержательная часть работы была непростой, зато процесс не был осложнен проблемами.

Менее очевидным оказался процесс принятия решений по программе в целом, последствия чего рассматриваются в следующем разделе. На последних этапах структура лидерства по программе в целом была весьма нечеткой: роли и обязанности не очень ясно определены и не очевидны из функций. Это частично можно объяснить изменениями общей структуры руководства в ходе программы: вместо первоначальной системы, когда с каждой стороны был один координатор / исполняющая организация, появилась менее оформ-

¹³ Между направлениями есть некоторые различия. Например, женское направление отличается постоянством рабочих взаимоотношений между абхазским и грузинским координаторами, в то время как в направлении «участников войн» из-за постоянных изменений структура ролей и ответственности менее четкая (что объясняет некоторые заминки в деятельности этого направления).

ленная сеть людей (которую я в этом докладе называю “центральным ядром” – этот термин придуман мною, а не ими...), а деятельностью с грузинской и абхазской сторон занимаются разные структуры. Кроме того, помимо ИА (в состав которой входит группа по Евразии и сотрудники других тематических программ), в программе участвует Кавказский форум. На Рис. 1 сделана попытка проиллюстрировать эти взаимоотношения.

По мере эволюции и роста программы, лидерство и принятие решений все более усложнялись. Как правило, без формальной процедуры принятия решений легче обойтись небольшой группе людей, которые хорошо знают друг друга и привыкли работать вместе. В иных случаях без четко определенных ролей и ответственности за управление процессом существует риск его фрагментации.¹⁴

С этим связано очень важное, хотя и часто упускаемое из виду, качество демократических систем: они опираются на существование ясно сформулированных правил (законов), а также процедур принятия решений. Хотя во всех аспектах структуры управления такие правила и процедуры, по-видимому, существуют, они не так ясно определены для программы в целом. (Например, Кавказский диалог в момент своего создания принял устав. Процесс его составления и принятия предполагает, что группой был сознательно согласован этот основополагающий документ и связанные с ним правила и процедуры).

Напротив, принятие решений о разработке программы в целом осуществляется главным образом путем непрерывного процесса консультаций между членами центрального ядра – лично или путем группового обмена электронными письмами. По достижении консенсуса новое решение вступает в силу. Такие консультации чрезвычайно полезны, однако не всегда ясно, кто конкретно должен принимать то или иное решение; кроме того, не всегда ясно, принято ли решение и в какой момент оно принято. Хотя во многих случаях это не составляет проблемы, поскольку принимаются «хорошие» / приемлемые решения и все, кого интересовал этот вопрос, могут участвовать в их обсуждении, в некоторых случаях результаты были более проблема-

¹⁴ Интересный вопрос: при каких условиях такой открытый процесс без четкого руководства заставляет новых людей взять на себя ответственность и принять роль лидера, а при каких условиях становится хаотичным, утомительным и фрагментированным?

тичны. В особой степени это касается решений о начале нового направления работы, об участии новых людей и организаций и о распределении ресурсов между направлениями программы. Некоторые участники выразили озабоченность, что из-за отсутствия хорошо развитой системы коммуникации между направлениями были упущены возможности взаимодействия для обмена и взаимообогащения идеями и взаимной поддержки.

В будущем полезно было бы пересмотреть организацию этих аспектов и решить: (а) должна ли программа развиваться как единое целое либо лучше разделить ее на компоненты (решение должно исходить как из соображений эффективности управления, так и из общих стратегических целей); (б) если программа останется единым целым, определить и согласовать структуру управления и четкие процедуры принятия решений.

Такой процесс помог бы прояснить структуру лидерства и придать большую глубину принципу коллективного управления «сторон» центрального ядра. В процессе разработки этих структур появится возможность непосредственно рассмотреть вопрос о том, кто видит себя лидером, а кто участником процесса. Для активизации процесса группа могла бы также рассмотреть пути вовлечения в круг лидеров новых людей – в особенности «молодого поколения» (см. Раздел 6.2.1).

8.3 Партнерства и ответственность: проблемы риска и доверия

Работа, которую ведут участники программы, затрагивает очень болезненные проблемы и в некоторых случаях может быть опасна. Как уже говорилось, в течение многих лет сам факт общения через границу конфликта воспринимался крайне неоднозначно – не говоря уже о совместной деятельности. То, что программа расширилась и отношения продолжают – свидетельство успеха инициатив по построению мер доверия. Вместе с тем по мере роста доверия и уверенности среди участников они готовы перейти ко все более рискованной деятельности. Иногда она приносит весьма позитивные результаты (например, семинар в Пицунде, давший начало направле-

нию работы в районах прекращения огня в Абхазии), а иногда приводит к негативным. Ясно одно: к проблеме риска все должны относиться серьезно и создать системы его снижения.

По высказываниям большинства людей, к оценке риска на протяжении большей части программы относились с большим вниманием. Но по мере расширения и усложнения деятельности и с приходом новых людей (у которых, помимо участия в проекте, есть еще другие занятия и приоритеты) увеличилась вероятность ошибки в оценке.

По поводу этой проблемы прозвучало несколько комментариев. Возможно, самая большая сложность – это степень взаимной ответственности. Как сказал один респондент: «до какой степени мы отвечаем за проекты друг друга?» Другой отметил, что даже если не участвуешь непосредственно в организации какой-либо деятельности, другие люди могут возложить на тебя ответственность за нее. Еще один координатор сказал примерно то же: «Иногда мы даже не знаем о возникновении новых направлений. Это очень тяжело, потому что наше общество возлагает ответственность на нас». Один человек задал вопрос, что должно произойти, если координаторы подвергнутся нападкам за свое участие в программе? Были вопросы и более практического плана: если нужно сделать заявление, кто должен его подписать? В какой степени для этого нужно одобрение ИА? Должны ли мы говорить в один голос?

Многие из этих вопросов связаны с проблемами лидерства и коллективной ответственности, которые обсуждались в предыдущем разделе. Прояснение этих вопросов поможет прояснить и вопросы взаимной ответственности. Один из партнеров предложил подписать новый Меморандум о взаимопонимании между всеми партнерами и ИА с указанием роли Кавказского форума, партнеров и доноров (и возможно, бенефициаров). Такой документ был бы полезен, поскольку сформулировал бы установленные партнерами нормы и соответствующие ожидания, а также конкретные процедуры, которым нужно следовать в описанных выше случаях.

Пока такого документа нет, полезно было бы пересмотреть процессы оценки риска и процедуры общения между партнерами. Возобновление разговора на эту тему между партнерами позволило бы

обеспечить ее понимание всеми и озвучить те негласные нормы, которые сложились за годы совместной работы.

8.4 Бюджет и приоритеты

Еще один непростой вопрос в управлении любой сложной программой, включающей несколько проектов, это распределение финансовых ресурсов. Учитывая неизбежную ограниченность ресурсов, решения о распределении денег всегда будут болезненными. Также они затрагивают вопрос власти в партнерских отношениях: кто контролирует деньги? кто решает? по каким критериям?

Хотя в ходе интервью финансовый менеджмент не упоминался как предмет особой озабоченности (хотя была выражена озабоченность поиском средств на продолжение программы...), наши собеседники указали на три момента, где полезны были бы перемены.

Расходы на координацию. Один из партнеров выразил озабоченность распределением средств на оплату труда и накладные расходы. Было подчеркнуто, что (а) оплата труда и других расходов должна начисляться на равной основе, и критерии начисления должны быть прозрачны; (б) нужно выделить некоторую сумму на накладные расходы организации, иначе эти расходы ложатся бременем на бюджет других программ, что несправедливо. Эти вопросы можно подробнее обсудить с координаторами в ходе общей проверки структур управления программой.

Бюджет, отражающий стратегические приоритеты. Несколько человек выразили сомнение относительно распределения бюджета между направлениями и между отдельными видами деятельности в рамках одного направления. Несколько респондентов усомнились в том, что распределение финансовых ресурсов связано с приоритетностью результатов. «Иногда мне кажется, что их достаточно, чтобы довести воду до кипения, но недостаточно, чтобы заварить чай – только мы начинаем добиваться успеха, как ресурсы направляют на другую деятельность». Координатор направления отметил, что не было четкого бюджета с самого начала с указанием суммы выделенных

средств. Вместо этого приходилось каждый раз просить денег у ИА, и иногда ответ приходил не сразу. Из-за такой системы у организации были трудности с планированием. Важно и то, что в результате деньги иногда расходовались на то, что не являлось самым большим приоритетом в данном направлении.

Хотя одной из сильных сторон программы была ее способность гибко реагировать на новые инициативы и меняющиеся обстоятельства, необходим разумный баланс между гибкостью и предсказуемостью. Поскольку программа достигла более высокого уровня, каждое направление – и программа в целом – должны иметь возможность наметить ряд целей и стратегический план их достижения. Сюда входит и составление бюджета на практическую реализацию этой стратегии. Таким образом повысились бы предсказуемость бюджета и уверенность партнеров. Но чтобы и стратегия и бюджет продолжали соответствовать потребностям текущего момента, необходимо их периодически пересматривать, а значительные расходы предварительно согласовывать.

Механизмы своевременного реагирования. Несколько человек говорили о том, что их работа была бы более эффективной, если бы они могли быстро реагировать на возникающие возможности. Некоторые считают, что финансовые ограничения снижают эффективность их работы, особенно когда речь идет о расходах на организацию встречи или на поездку в район, где стремительно разворачиваются события. Например, координаторов клуба экс-комбатантов в Тбилиси иногда просят поехать в регион, чтобы помочь урегулировать возникшую напряженность в местном сообществе, но у них, как правило, нет средств на оплату поездки. Несколько молодых журналистов также сказали, что для них было бы полезно иметь возможность оперативно организовать поездку в регион, где происходят важные события.

По существовавшей ранее договоренности была предусмотрена система денежных выплат, позволяющая оплачивать некоторые рутинные расходы по реагированию на внезапно возникшие обстоятельства (что очень ценно), но недостаточная для поддержки более значительных инициатив. Для последних требуется составить заяв-

ку, которая рассматривается другими координаторами и сотрудниками IA, иногда в течение нескольких недель. Было бы полезно рассмотреть вопрос о том, важны ли для стратегии проекта крупномасштабные инициативы быстрого реагирования. Если важны, было бы полезно разработать механизм распределения средств на основе согласованных приоритетов при условии соблюдения процедур оценки риска и в пределах установленной суммы, установить процедуры принятия решений, отчетности по результатам работы и отчетности за использование средств (можно даже договориться о санкциях за задержку отчета).

